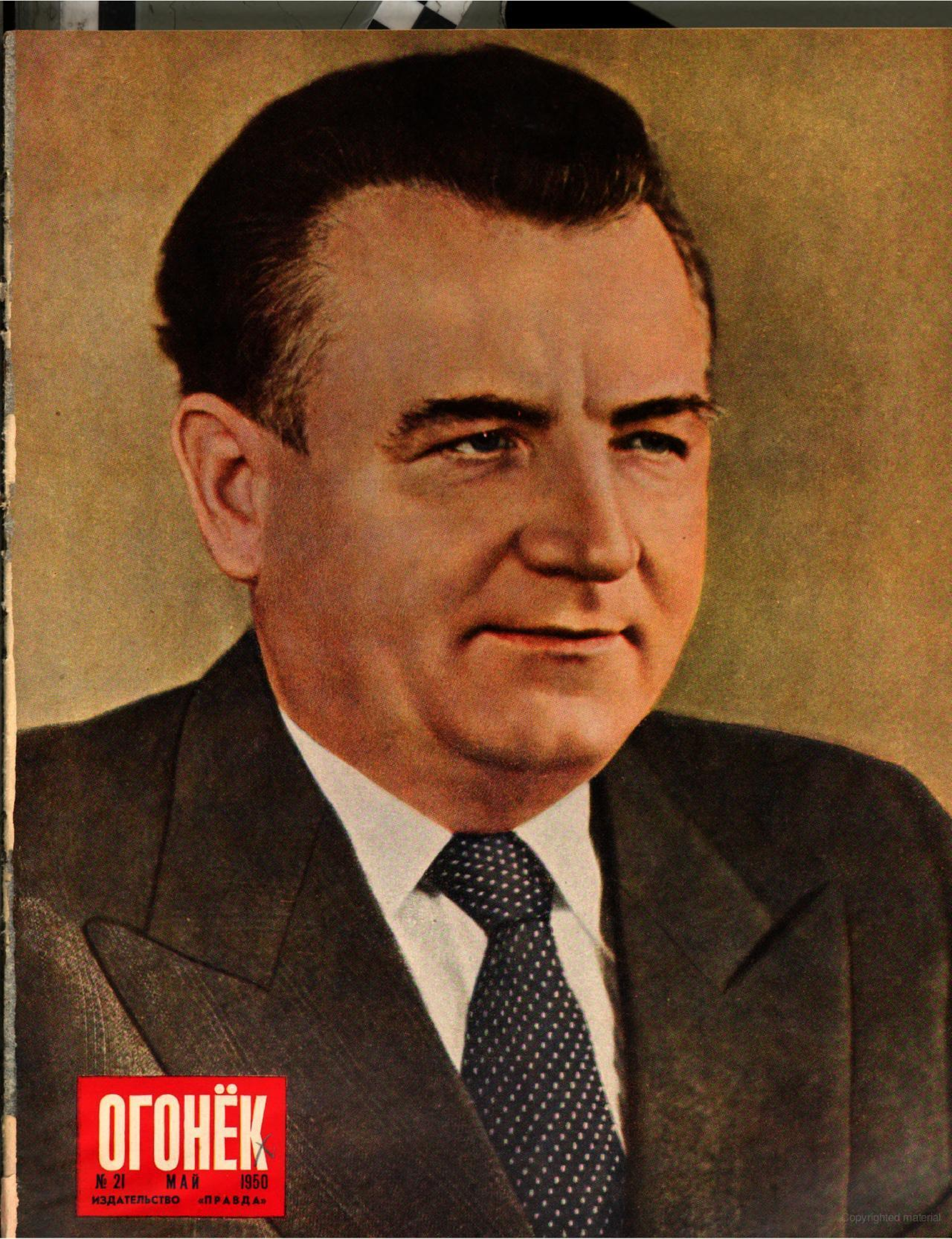

ОГОНЁК
№ 21 МАЙ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВЕСНА В ПРАГЕ.

На первой странице обложки: Президент Чехословацкой республики Клемент Готвальд.

На последней странице обложки: Уголок Праги. **Рисунок В. Климашина.**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 21 (1198) 21 МАЯ 1950

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Памятник воинам Советской Армии в Моравской Остраве (Чехословакия).

С Советским Союзом на вечные времена!

Клемент ГОТВАЛЬД
Президент Чехословацкой республики

9 мая чехословацкий народ отмечал пятую годовщину того дня, когда доблестная Советская Армия, освободив Прагу, завершила свою победу над гитлеровской Германией. Мы праздновали этот день с чувством глубочайшей благодарности Советскому Союзу, его Армии и Генералиссимусу Сталину, своему великому другу, по приказу которого войска маршала Конева молниеносным маневром нанесли последний сокрушительный удар по гитлеровским бандам и принесли спасение и свободу нашей столице, а тем самым и всей нашей родине.

Народы Чехословакии никогда не забудут, что своим освобождением из австрийской тюрьмы народов они обязаны глубоким идеям Великой Октябрьской социалистической революции. Они никогда не забудут, что Советский Союз — единственная из великих держав — непоколебимо стоял на их стороне в тяжкие дни Мюнхена. Именно поэтому чехословацкий народ с безграничной радостью украшал цветами советские танки. Именно поэтому пять лет назад он с распростертыми объятиями приветствовал героических воинов Советской Армии, которые помогли ему вновь водрузить над историческими Градчанами знамя свободы и вступить после победоносной революции на путь новой, счастливой жизни.

В знак благодарности он назвал конституцию своего нового, народно-демократического государства Конституцией 9 мая и на щите своей обновленной государственности начертал неизгладимыми письменами слова дружбы и вечного союза с Советским Союзом. Эта дружба и этот союз являются порукой независимости и социалистической будущности народов Чехословакии.

В течение пяти лет, прошедших со дня окончания второй мировой войны, трудящиеся Чехословакии много раз имели возможность убедиться в бескорыстной, братской помощи своего великого союзника. Эта помощь дала нам возможность уже в первые дни после изгнания оккупантов приступить к строительству своей самостоятельной хозяйственной жизни и к созданию новой армии. Благодаря этой помощи чехословацкий народ преодолел в 1947 году последствия неурожая и был спасен от голода, который внутренняя и внешняя реакция хотела использовать для своих грязных целей, направленных не только против Чехословакии, но и против Советского Союза и всех стран народной демократии.

Трудящиеся Чехословакии хорошо знают, что Советский Союз подал им братскую руку помощи, положив долгосрочным торговым договором незыблемый гранитный камень в фундамент новой хозяйственной жизни нашей страны. И это в то время, когда американские империалисты душат экономическую жизнь маршаллизированных стран, принуждают их проводить политику, направленную против интересов трудящихся и против свободы народов.

Наши рабочие на восстановленных и вновь созданных фабриках и заводах ежедневно убеждаются, что экономическое сотрудничество с Советским Союзом и его союзниками — народно-демократическими государствами — даст нам возможность осуществить пятилетний план строительства Чехословакии и быстрее преобразовать нашу родину в цветущую страну социализма. Народ нашей страны знает, что Советский Союз никогда не отказывает ему в братской помощи, а развертывает ее все шире и шире, как об этом говорит недавно заключенное новое экономическое соглашение.

Вот почему трудящиеся Чехословакии так глубоко ценят дружбу Советского Союза. Вот почему в феврале 1948 года они столь решительно смели реакцию, преступно пытавшуюся разрушить братский чехословацко-советский союз. Ответом трудящихся на все эти попытки было и будет: с Советским Союзом — на вечные времена!

Благодарность и дружеские чувства чехословацкого народа к Советскому Союзу и его гениальному вождю товарищу Сталину проявлялись и проявляются постоянно. Тепло и трогательно наш народ выразил глубокую любовь к своему великому другу Генералиссимусу И. В. Сталину по случаю его 70-летия. Наш народ послал ему в далекую Москву свою здравицу с девятью миллионами подписей и много подарков, в которых искусные руки нашего народа воплотили свою безграничную преданность и любовь к первому борцу за мир и счастье народов. Мы особенно ценим твердую мирную политику Советского Союза, предоставляющего Чехословакии, так же, как и остальным народно-демократическим странам, мощную поддержку и защиту против дискриминации со стороны империалистов и против угрозы войны. Советский Союз дает нам возможность в рядах 800 миллионов миролюбивых людей лагеря мира, возглавляемого им, спокойно, решительно и безбоязненно продолжать строительство социалистического государства и пользоваться первыми плодами своего свободного труда.

Народы Чехословакии никогда и ни при каких обстоятельствах не уклонятся ни на шаг с пути вечной дружбы с Советским Союзом, с пути, на который они вступили уже давно и который они скрепили совместно пролитой кровью у Киева, Белой Церкви, на Дукле, в партизанских боях и в фашистских застенках. Никогда не изгладится из нашей памяти день 9 мая 1945 года, когда братски обнялись защитники пражских баррикад с героическими бойцами Советской Армии, армии — освободительницы народов Чехословакии.

Крупное строительство в Смиржицах. Добровольческие бригады на воскреснике.

«...думая о судьбах нашей родины и о судьбах нашего потомства, мы перед лицом представителей сотен миллионов сторонников всемирного фронта мира и стран народной демократии торжественно клянемся в том, что:

Мы всегда будем отстаивать идеалы 9 мая 1945 года, что на веки вечные будем преданно идти вместе с нашим великим освободителем, защитником и учителем — советским народом,

Что все свои силы отдадим на дело строительства социализма в нашей стране, на дело его защиты,

Что мы неустанно будем бороться в рядах всемирного фронта мира до окончательной победы свободы народов во всем мире, до окончательной победы над последователями гитлеровского фашизма, бороться до тех пор, пока этих последователей покарает судьба гитлеровских фашистов.

Пусть вечно здравствует и растет союз и братство между народной Чехословакией и Советским Союзом!

Да здравствует и впредь побеждает всеобщий фронт мира, демократии и дружбы между народами во главе с Советским Союзом!

Слава Советской Армии — нашей освободительнице!

Мы шлем самые сердечные поздравления и пожелания победителю над гитлеровским фашизмом, вождю международного фронта мира и лучшему другу нашего народа — великому Сталину!»

К. ГОТВАЛЬД

Из речи на параде, посвященном пятой годовщине освобождения Чехословакии Советской Армией.

ПУТЬ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО НАРОДА К СОЦИАЛИЗМУ

Антонин ЗАПОТОЦКИЙ
Премьер-министр Чехословацкой республики

В течение трех столетий чешский и словацкий народы жили под гнетом австро-венгерской монархии.

В конце XIX и в начале XX столетия, когда капиталистическое производство быстро разрасталось, чешские земли стали самой промышленной частью старой Австро-Венгрии. Одновременно с капиталистическим производством рос здесь и рабочий класс. Промышленный пролетариат стал носителем идеи социализма. Русская революция 1905 года нашла мощный отклик также и в Чехии. Возникло массовое забастовочное движение, которое завершилось бурной политической кампанией за предоставление рабочим избирательного права. Дело дошло до уличных демонстраций, столкновений с полицией, до баррикадных боев в Праге и в других промышленных центрах.

Первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция в России в 1917 году оказали большое влияние на трудящихся Чехии и Словакии. Под влиянием победы Октябрьской революции восстали угнетенные народы Австро-Венгрии. Монархия распалась. Освобожденные народы создали ряд независимых республик. Так 28 октября 1918 года была провозглашена и Чехословацкая республика.

Рабочий класс, трудящиеся чехи и словаки с самого начала стали в первые ряды освободительной борьбы. В борьбе за независимость и в создании нового государства им принадлежит наибольшая заслуга.

Еще при разрушении старой Австро-Венгрии и при создании новой, независимой Чехословакии передовые массы трудящихся верили, что эта вновь рождающаяся республика будет республикой социалистической. Но эта надежда тогда не осуществилась. В 1918 году рабочий класс Чехословакии не имел еще революционной социалистической партии. Социал-демократическая партия и ее вожди в решающий момент обманули ожидания трудящихся. Вместо того чтобы после победы над монархией вести рабочие массы в бой против капитализма, вожди социал-демократической партии объединились с буржуазными политическими партиями, образовали вместе с ними коалиционное правительство и строили новую республику на старом, капиталистическом фундаменте.

Созданная после раскола социал-демократической партии коммунистическая партия не сумела этому воспрепятствовать. Она не была еще большевистски закалена, не владела революционной теорией, не имела практики, не было у нее способных, опытных революционных вождей. Партия переболела всеми «детскими болезнями» новорожденной партии — и старым оппортунизмом и сектантскими припадками «левых» уклонистов. Вот почему в Чехословацкой республике буржуазия стала решающим фактором.

Буржуазное коалиционное правительство ввело Чехословацкую демократическую республику в круг дипломатических интриг империалистических держав. Первая Чехословацкая республика была дальней отмелью западноевропейских капиталистических государств, находилась под непосредственным влиянием капиталистической Франции и стала частью так называемого санитарного кордона, которым окружал капиталистический Запад первое в мире социалистическое государство — Советский Союз.

В первый период после мировой войны 1914—1918 годов чехословацкая буржуазия упивалась условиями послевоенной капиталистической конъюнктуры и загребала большие прибыли. Трудящиеся должны были одни оплачивать все военные издержки. Позже буржуазия взвалила на трудящихся всю тяжесть капиталистического кризиса, обрекла их на безработицу и голод.

В старой, буржуазной Чехословакии производство было хаотичным, бесплановым, оторванным от потребления. Вследствие этого многие промышленные отрасли оказались слишком раздутыми. Чехословацкие капиталисты в погоне за прибылями установили для рабочих низкую оплату, а против кризиса у них имелось только одно средство: ограничение производства, осуждение трудящихся на безработицу.

Чехословакия стала затем объектом империалистических интриг западных держав. Во время мюнхенских переговоров эти державы принесли в жертву Гитлеру Чехословацкую республику. Сначала она потеряла пограничные районы, затем целостность и независимость и, наконец, подверглась агрессии и гитлеровской оккупации. Правящая буржуазия не смогла организовать оборону республики против гитлеровского фашизма; наоборот, она в конце концов сама добровольно предложила стать под его протекторат и сотрудничала с немецким фашизмом в его империалистической экспансии на восток.

Фашистской оккупации Чехословакии положила конец победа славной Советской Армии. Благодаря Советскому Союзу и товарищу Сталину чешский и словацкий народы в 1945 году избавились от фашистских захватчиков и воспрянули для строительства новой, независимой республики. Но борьба еще не была кончена. И в правительстве единого Национального фронта чехов и словаков, созданном после переворота, оппортунистические элементы и реакционеры начали плести интриги.

В соответствии с так называемой Кошицкой программой, которую проводило правительство Национального фронта, республика вступила на путь постепенной национализации капиталистической промышленности. Реакция хотела совлечь народ с этого пути, который должен был вести к строительству социализма, хотела восстановить и укрепить старый, капиталистический строй. Она хотела также заменить прочную дружбу и союз с Советским Союзом старой зависимостью от капиталистического Запада.

В феврале 1948 года реакционеры организовали путч, целью которого было вытеснить коммунистическую партию из правительства и воспрепятствовать национализации.

Однако коммунистическая партия была настороже. Она мобилизовала трудящиеся массы, оперлась на единые революционные профсоюзы. Руководимый председателем правительства, нынешним президентом республики Клементом Готвальдом, народ подавил реакционный заговор.

Реакционеры сами были вытеснены из правительства. А трудящиеся Чехословакии, сплоченные вокруг коммунистической партии, сохраняя благодарность и любовь к своему освободителю — Советскому Союзу — и опираясь на его дружбу, твердо стали на путь строительства социализма.

Перед чехословацкой коммунистической партией, которая была организатором февральской победы, возникли новые широкие задачи.

Главнейшей задачей стало строительство социалистической экономики.

В 1946 году был разработан двухлетний план развития народного хозяйства республики. Он был выполнен. Его цель — обновление производства и устранение последствий военной разрухи — достигнута, и жизненный уровень населения повысился.

Новый экономический план — готвальдовская пятилетка — осуществляется уже при совершенно иных условиях. Речь идет не об обновлении старой экономики, а о реконструкции народного хозяйства на новой, социалистической основе.

Чешские и словацкие трудящиеся, ставшие после февраля 1948 года хозяевами своей страны, взялись за выполнение этой задачи. По примеру трудящихся Советского Союза они развертывают движение ударников, социалистическое соревнование, ломают старые нормы, твердо веря, что только рост производительности труда обеспечит им высокий материальный и культурный уровень и приведет их к социализму.

«Нам известно, что в своих выступлениях руководители правительства народно-демократической Чехословакии не раз отмечали, что своими выдающимися успехами народы Чехословакии обязаны также огромной и братской помощи Советского Союза. Эта помощь закономерна и является выражением той политики дружбы, какую Советский Союз осуществляет в отношении Чехословакии и всех других стран народной демократии.

У Советского Союза и стран народной демократии одна общая цель — строительство социалистического общества. В этих условиях взаимная помощь и нерушимая равноправная дружба являются законом наших взаимоотношений и нашего дальнейшего продвижения вперед».

Н. А. БУЛГАНИН

Из речи на торжественном заседании в Праге, посвященном 5-летию освобождения Чехословакии Советской Армией.

Представитель Национального комитета Праги вручает знамя отряду юных пионеров.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Вилем ШИРОКИЙ

Заместитель председателя Совета министров и министр иностранных дел Чехословацкой республики

Пять лет идет Словакия по новому пути, по пути строительства социализма в народно-демократической Чехословацкой республике. Пять лет строит свободный словацкий народ свою новую, счастливую жизнь.

Словакия относилась к тем отсталым аграрным краям, которые капитализм не только эксплуатировал и угнетал, но умышленно преграждал им все пути к экономическому развитию. Словакия была одной из областей, единственная задача которых, по мнению империалистов,— это служить источником дешевого сырья и рабочей силы.

Советская Армия-освободительница принесла Чехословацкой республике свободу. Под могучей защитой Советского Союза народы Чехословацкой республики получили возможность строить свою жизнь свободно, по собственной воле, смогли встать на путь строительства социализма.

В духе сталинского учения о социалистической индустриализации верный ученик великого Сталина президент Чехословацкой республики Клемент Готвальд, будучи премьер-министром в 1946 году, наметил программу индустриализации Словакии. Он назвал ее составной частью экономического развития всей республики, самым верным средством для решения словацкого национального вопроса, для экономического и культурного подъема Словакии до уровня чешских областей, для укрепления единства и безопасности государства.

По этому новому пути социалистической индустриализации, на основе исторического опыта построения социализма в Советском Союзе Словакия идет от успеха к успеху. Бывшая когда-то объектом эксплуатации не только своих капиталистов, но и иностранных империалистов, Словакия создает теперь собственную промышленность при поддержке более передовой индустрии чешских областей, при значительной помощи Советского Союза, в дружеском сотрудничестве со странами народной демократии.

Одновременно со строительством новых промышленных предприятий создаются крупные гидроэлектростанции, развивается сельское хозяйство, растет его культура. Быстро развиваются транспорт и социалистическая торговля. Благодаря социалистической индустриализации Словакия, еще недавно отличавшаяся полным застоем и упадком экономической жизни, кипит теперь творческой энергией, и облик ее с каждым днем изменяется.

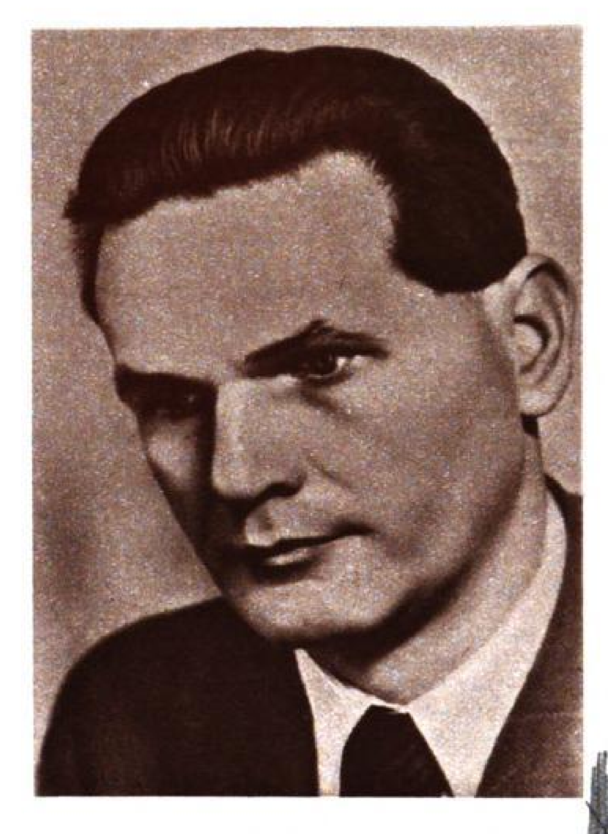
Промышленное производство в Словакии к концу 1948 года уже превысило приблизительно вдвое уровень 1937 года. В нынешнем году объем промышленного производства утроится по сравнению с довоенным.

Полностью ликвидирована безработица — вечный бич словацкого народа. Уже в 1946 году количество рабочих и служащих в промышленности превзошло довоенный уровень, а в 1950 году оно достигнет внушительной цифры — 220 тысяч человек. Эти факты говорят о необыкновенно быстром темпе развития промышленности в Словакии после десятилетий хронического застоя.

Первые новые заводы были пущены в Словакии после освобождения республики. До конца 1949 года было введено в действие 32 новых крупных предприятия, не считая расширения уже существующих. Были созданы отрасли производства, которых в Словакии не существовало. В 1950 году запланирован пуск еще 23 заводов.

Много новых заводов строится в районах, где никакой промышленности не было. Таким образом, социалистическая индустриализация не только ликвидирует разницу между чешскими и словацкими областями, но и поднимает наиболее отстававшие районы Словакии. Новые предприятия, оборудованные по последнему слову техники, с их просторными цехами, социальными учреждениями не только дают работу трудящимся, но становятся центрами новой, социалистической культуры.

Высокие темпы социалистической индустриализации Словакии стали возможными благодаря социалистическому соревнованию, росту кадров и созидательному энтузиазму рабочего класса. Подлинный размах промышленное строительство в Словакии приняло после славной победы рабочего класса над реакцией в феврале 1948 года — победы, которую рабочие словацких заводов добывали плечом к плечу со своими чешскими товарищами. Социалистическое соревнование, ударничество, движение рационализаторов ведут к росту производительности труда, уже превысившей довоенную на 25 процентов, а в некоторых отраслях даже на 50 процентов и более.

Вилем Широкий.

Значительные успехи достигнуты в механизации и электрификации сельского хозяйства. Словацкие села уже получили тысячи тракторов и других сельскохозяйственных машин. За один год деревне предоставлено больше машин, чем раньше за целое десятилетие, а удобрений столько, сколько при капитализме они не имели за три года. В каждом районе есть уже машинно-тракторная станция. В течение трех лет планового экономического строительства было электрифицировано около 420 населенных пунктов.

Союз рабочих с мелким и средним крестьянством все более укрепляется и создает прекрасные предпосылки для социалистического строительства в сельском хозяйстве. Широкие массы этих крестьян проникаются теперь сознанием, что единственным выходом, единственной верной дорогой к благосостоянию является кооперативное производство. Успехи, которые достигнуты уже в создании единых сельскохозяйственных кооперативов — этого первого шага к высшим формам сельскохозяйственного производства, — в то же время подчеркивают все величие задач, которые предстоит решать при строительстве социализма в сельском хозяйстве.

Развитие Словакии является еще одним подтверждением сталинского учения о том, что социалистическая индустриализация означает неуклонный рост жизненного уровня трудящихся. Заработная плата рабочих и доходы других категорий трудящихся Словакии растут из года в год. Нынешняя заработная плата словацких рабочих приблизительно на 20 процентов выше довоенной. Вследствие этого повышается спрос на продукты и промышленные товары. Потребление белой муки, сахара, мяса, текстиля, обуви и т. д. намного превысило довоенное.

В культурном росте Словакии играет большую роль широкое развитие школьного обучения. Число учащихся во всех школах увеличилось по сравнению с довоенным более чем на 25 тысяч. До освобождения Чехословацкой республики славной Советской Армией средние и высшие школы посещались только детьми предпринимателей, торговцев и т. п. Теперь двери школ широко открыты перед детьми рабочих и трудящихся крестьян. Одновременно работает густая сеть школ для взрослых, созданы всевозможные курсы, на которых рабочие имеют возможность приобрести более высокую квалификацию. Особенно велик размах обучения в специализированных промышленных школах. Ежегодно сдаются в эксплуатацию десятки новых школьных зданий. Строится высшее техническое училище, учреждается Высшее инженерное сельскохозяйственное и лесное училище.

Необычайно быстро возрастает издание книг и журналов, прежде всего в области науки и искусства. В прошлом году общая книжная продукция в Словакии в 20 раз превысила продукцию довоенного времени. На первом месте произведения классиков марксизма-ленинизма. Наибольшим успехом пользуются книги советских авторов, издаваемые крупными тиражами. Книга нашла свое место в быту рабочих и крестьян, она проникает в широчайшие слои трудящихся. Литература, поэзия, театр, изобразительное искусство наполняются социалистическим содержанием, и социалистический реализм уверенно прокладывает себе путь.

Все эти результаты социалистической индустриализации стали возможными только благодаря тому, что прогрессивные силы Словакии, руководимые коммунистической партией Чехословацкой республики, вели тяжелую и упорную борьбу против сил реакции, против буржуазных националистов, против клерикалов, которые при помощи церковной иерархии всегда использовались западными империалистами в своих интересах. В этой борьбе вырастал и смыкал свои ряды молодой словацкий рабочий класс. Опираясь на чешский рабочий класс и вместе с ним, он победил реакцию в феврале 1948 года. С того времени все больше усиливается в Словакии руководящая роль рабочего класса, все крепнет его союз с трудовым крестьянством, все возрастает авторитет коммунистической партии.

В общем деле строительства социализма дружно сотрудничают, под руководством товарища Готвальда, чехи и словаки, крепя единство чехословацкого государства. Успехи социалистической индустриализации и всестороннего движения по пути к социализму являются наилучшим оружием в борьбе против остатков буржуазного национализма внутри страны и вне ее.

Трудящиеся Словакии обращают свои благодарные взоры к Советскому Союзу, откуда пришло их освобождение. У советского народа они учатся, как надо бороться с реакционной буржуазией и осуществлять социалистическое строительство. Советский народ оказывает им бескорыстную, братскую помощь. Героизм и патриотизм советского народа являются для них ярким примером.

Они счастливы, что, будучи просвещены учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, могут строить свою счастливую, свободную жизнь в Чехословацкой республике. Они счастливы, что могут участвовать в могучем международном движении сторонников мира, в борьбе за мир, демократию и социализм, которой руководит великий учитель и вождь всех трудящихся, друг Чехословацкой республики, любимый товарищ Сталин.

ДУХ ТВОРЧЕСТВА

Т. СВАТОПЛУК

Раннее утро 2 января 1949 года. Небо озарено огнем фейерверков, перед фабричными воротами играет духовой оркестр. Сегодня торжественный день переименования города Злина и бывшей фабрики «Батя». Через ворота на фабрику вливаются многотысячные массы тружеников нового уже предприятия — «Свит» — в новом городе — Готвальдове.

В то же морозное январское утро был завершен монтаж металлического каркаса новых машиностроительных цехов. Как рабочие и обещали, к новому году монтажные работы были закончены. Но сколько самоотверженности, сколько сил и труда потребовалось для этого! Я видел их в один из декабрьских дней. Был сильный мороз, кружила метель; казалось просто невозможным оставаться на улице. Обжигало лицо, ветер пронизывал до костей, вьюга наметала сугробы, и все-таки там, высоко, на каркасе будущих механических цехов, вспыхивал синий свет электросварки. Люди должны были крепко держаться, чтобы ледяной ветер не сорвал их вниз.

Их лица были досиня исхлестаны морозным ветром и снегом. В старых военных телогрейках, в барашковых шапках, они напоминали легендарных советских строителей где-нибудь на Урале, которых мы видели в фильмах, о каких мы читали в книгах советских писателей.

Новые люди нового предприятия в новой Чехословакии делали свое дело. И в то время, когда на высоте еще работали электросварщики, внизу, в уже готовых этажах, другие рабочие подготовляли фундаменты для станков и машин.

Несколько дней спустя мы проходили по обувным мастерским. Вся швейная мастерская пела. Это была нехитрая народная песенка, которую я не раз слышал в поле, в лесу: песня жаворонка. При Бате в мастерских не смели петь. Ведь и в песне и в смехе проявляется боевой дух.

Об этой новой, поющей мастерской, или, точнее, о двух мастерских, газеты дали в прошлом году следующую коротенькую заметку: «В мастерских по производству резиновой обуви №№ 3314 и 3319 рабочие совместно с техническим руководством провели реорганизацию труда. Они снизили число служащих с 52 до 34, объединили различные операции. Они сэкономили рабочую силу и, таким образом, повысили производительность с 42,3 до 50,7 пар обуви на человека в день. Производительность отдельных рабочих при значительном улучшении условий труда оказалась на 65 пар в день выше, чем при капиталистическом режиме Бати. Это правильный ответ, который наш новый рабочий дал Бате. И таких ответов — сотни и тысячи».

Мастер цеха Лойзек Блажек рассказывает, как когда-то он вручную изготовил первый клиновидный ремень: «Это было перед войной. Тогда ремни делали вручную, тридцать метров за смену. После войны мы выпускали по сто шестьдесят метров. Но какая это была изнурительная работа! Ремни мы накручивали на большие жестяные барабаны, и рабочий проходил ежедневно вокруг такого барабана до двадцати четырех километров. Год тому назад товарищ Горак сконструировал для этой работы машину. А понимаете, что это значит? Сто двадцать человек в нашей мастерской дают сейчас продукции в двадцать раз больше, чем раньше. О подобном Батя и не думал. При этом мы затрачиваем на работу гораздо меньше сил, и совсем нет брака. Люди только управляют машинами. Работу же за них делают машины, электричество, сжатый воздух. Сколько, например, забот и хлопот бывало раньше с одними только раскаленными плитами вулканизационных прессов! А теперь работаем с песней...»

Конструктор Горак со своей стороны напоминает одну очень важную вещь: «Машина — это еще не все. Все зависит от людей, от руководителя мастерской. Случается, что из-за небольшого затруднения или нежелания заведующего хорошая машина, хорошая идея бывает загублена. А мастер цеха Лойзек Блажек не только одобрил идею, но и все делал вместе со мной. Поэтому в машине не оказалось недостатков. Мы вместе за ней присматривали, следили за изготовлением частей, вместе волновались — как все сложится».

Теперь рабочие уже не ходят больше согнувшись вокруг барабанов, не делают ежедневно по двадцать четыре километра. Спины их выпрямились. Вместе с новым политическим строем на предприятия пришли новые машины, облегчившие труд. Некоторые машины придумали сами рабочие, новые, готвальдовские люди. А «экс-король» Батя живет в Южной Америке, за далекими морями, способный лишь обливать грязью новую Чехословакию. Народ Чехословакии без Бати творит, строит, ломает старые нормы, изобретает, создает новую жизнь.

Товарищ Косек изобрел клей для приклеивания резины к металлу лучшего качества, чем им-

портный. Инженер Ион сконструировал радиатор центрального отопления из железобетона и сэкономил этим своей родине десятки и сотни тонн железа. Эдена Готфрид организовала работу так, что обслуживает теперь два точила, на которых раньше работали две женщины. Товарищ Снижек из литейной мастерской повысил продуктивность работы на 240 процентов, применив новый метод литья.

Инженер Щастный предложил способ паровой обработки бетона прямо на стройке. Опыт удался, и оказалось, что при правильной организации работы кровельный свод можно изготовить в течение 3 рабочих дней, в то время как при Бате на эту работу требовался целый месяц.

Продолжим... Сейчас за одну смену, за семь с половиной часов, изготовляют 1200 пар сандалий, а при Бате за десять — двенадцать часов изнурительного, тяжелого труда вырабатывали 1000 пар. Как этого достигли? Путем лучшей организации труда, повышения производственной дисциплины, благодаря справедливой заработной плате, поощрениям за хорошую работу и новому оборудованию. Сколько мучились, например, люди на набивной машине! Через 5—6 лет работы на ней у человека от тряски парализовались руки. Теперь вместо нее стоит пресс. Работа стала совсем легкой, человек только вставляет и вынимает из пресса ботинки.

Ход целого ряда машин сделан бесшумным. Появились автоматы для тиснения, для прибивки каблуков. Рабочие, техники, мастера и конструкторы объединяются в мастерских в ударные бригады примерно по 20 человек, которые коллективно разрешают возникшие вопросы, обсуждают их с другими рабочими, выдвигают встречные обязательства. Одно из последних обязательств мастерской в здании № 15 — повысить продуктивность труда еще на 14 процентов.

Конечно, путь ударников и рационализаторов не устлан розами. Это новая дорога, а по непроторенным путям легких прогулок не бывает.

Спросите, сколько ночей бодрствовала хотя бы ударница М. Гускова, мать двоих детей? Вдруг пришла ей в голову идея, что деталей можно выделывать в 2 раза больше. Мужчины вырабатывали по 160 штук, она — 250. А когда в мастерской установили автоматы, Гускова сообща с приятельницей Мисаржовой решили, что будут давать по 9 тысяч деталей за смену — море деталей! Подписали обязательство — выполнять норму на 120 процентов.

Кто-то бросил им: «Хотят, чтобы их фотографии появились в газетах». За работниц вступились коммунисты. Коммунист Кодовский собрал коллектив мастерской и сказал: «Товарищи, некрасивое дело. Нам должно быть стыдно. Гускова не коммунистка, а нас за пояс заткнула...»

Чем ответили на это Гускова и Мисаржова? Взяли карандаш и написали заявление с просьбой снизить им ставку на 10 процентов, чтобы никто не думал, что ими движут материальные интересы. Теперь товарищ Гускова улыбается и говорит: «Работаю на 198 процентов. Наша правда победила. И я вступила в компартию, потому что на собственном опыте убедилась, что коммунисты защищают интересы рабочих».

Это — слово новой женщины — работницы предприятия «Свит».

Продолжим... Товарищ Звержинова работает на производстве иголок. Она соединила две операции в одну, решила трудиться за двоих, добровольно снизила ставку и добилась выпуска 7 тысяч иголок за смену, в то время как раньше две девушки вырабатывали 5600 штук. Она говорит нам: «Образцом мне служат советские женщины. Я люблю Советский Союз, восхищаюсь упорством, с которым советские люди решают большие задачи».

Когда в Готвальдове были советские гости, они сказали, что здешние условия труда, культурные и социальные условия, воспитание молодежи — все стоит на высоком уровне; что этот город, выстроенный бывшими батевскими рабами, а ныне свободными людьми, скоро будет одним из прекраснейших городов мира.

Но нельзя отрицать, что здесь есть еще люди, которые управляют мастерскими, отделениями, секторами лишь бумажными методами, путем администрирования; есть еще рабочие, которые не находят в себе смелости критиковать открыто и, наконец, еще есть руководители, которые способны изводить рабочего за критику.

Генеральный директор «Свита» Ян Пиштек, старый коммунист, проведший два года в гитлеровских концентрационных лагерях, сказал однажды по адресу тех, кто все еще пытается проявлять барские замашки: «Люди, конечно, есть всякие, некоторые из себя господ строят. Будьте внимательны! Надо быть заботливым садовником, ухаживать за своими грядками, не допускать появления сорной травы человеческой. Надо заботиться о нашей новой, свежей рабочей травке, которая уже так хорошо у нас принялась».

...На стене заводского здания № 32 до сих пор сохранилась надпись по-русски: «Проверено. Мин нет. Л-т Диков. 13.5.45». Это — свидетельство о майских днях, когда героическая Советская Армия освободила нас из когтей нацизма. Однако от здания № 32 осталась только его нижняя часть: верхняя сгорела в ноябре 1944 года, во время налета американских бомбардировщиков. Два следа. Два мира. Одни уничтожали, другие спасали. Тогда, в конце 1944 года, американцы явно бомбили уже своих торговых конкурентов, будущую новую Чехословакию. Шестьдесят процентов всех обувных мастерских было сметено с лица земли вместе с машинами.

Зато в механические мастерские, где делали оружие, не попала ни одна бомба. Американцы раскрыли свое подлинное лицо. Не Гитлера, а нас они хотели стереть с лица земли. Не стерли! Производство обуви на народном предприятии «Свит» уже давно, несмотря на все разрушения, достигло довоенного уровня. На развалинах старых зданий выросли новые фабричные корпуса, мастерские, оборудованные усовершенствованными машинами.

Новый Готвальдов живет, конечно, не только своей работой. Здесь вырос и коллектив театра трудящихся, есть и симфонический оркестр, пополненный отчасти рабочими-музыкантами.

Уже приобрел себе славу ежегодный кинофестиваль трудящихся, ставший местом паломничества для десятков тысяч людей, нашедший почитателей и далеко за границей. До 25 тысяч зрителей смотрело ежедневно во время последнего фестиваля новые фильмы. Незабываемы минуты, когда перед просмотром фильма поднимался весь зрительный зал, чтобы хором пропеть «Песнь труда».

Представители предприятий, жюри из рабочих оценивали потом отдельные кинофильмы. Здесь получили высшее признание рабочих советские фильмы: «Русский вопрос», «Академик Павлов», «Встреча на Эльбе», «Мичурин», «Сказание о земле Сибирской» — и рядом с ними польский фильм «Освенцим», венгерский — «Пядь земли» и другие.

Все эти успехи Готвальдова: рост производительности труда, постройка новых фабричных и жилых корпусов, новые строительные методы и расцвет культуры на земле, когда-то задавленной «батизмом», свидетельствуют еще об одном, что так хорошо выразил наш министр информации и просвещения Вацлав Копецкий: «Гений, творческий дух, остался в Готвальдове, в то время как Ян Батя где-то в Бразилии и не способен ровно ни к чему. Гением был не Батя, гением был наш народ. Батя оплачивал идеи, за него думали тысячи и тысячи людей».

Да, творческий дух, творческое беспокойство — они остались здесь, в родной стране, на родной почве, в нашем народе.

Празднуя 5-ю годовщину освобождения нашей родины Советской Армией, мы снова и снова повторяли слова искренней благодарности за все, что имеем, за нашего нового человека, за наш освобожденный труд.

Перевод с чешского

М. Гускова (справа) и Я. Мисаржова — инициаторы соревнования за высокую производительность труда в деревообрабатывающих цехах «Свита».

Детские ясли в одном из домов нового Готвальдова.

Наша культура

Вацлав КОПЕЦКИЙ
Министр информации и просвещения Чехословакии

После того, как в феврале 1948 года в нашей стране было нанесено окончательное поражение внутренней и внешней реакции, республика твердо стала на путь построения социализма. Успехи в развитии народного хозяйства, трудовой энтузиазм, подъем жизненного уровня масс — все это открывает широчайшие возможности культурного роста народа, создает предпосылки для повышения его сознательности.

Вацлав Копецкий.

В области культурного строительства перед нами стоят сейчас две задачи. Первая заключается в том, чтобы критически пересмотреть культурное наследие прошлого и обогатить новое творчество высокоидейным содержанием, отвечающим духовным интересам народа и политическому строю. Вторая сводится к тому, чтобы сделать культурные ценности доступными широким слоям населения. Наша цель — воспитать нового человека, сознательного гражданина республики, любящего свою родину, человека высокой социалистической морали, проникнутого сознанием пролетарского интернационализма.

Мы используем школу, науку, живопись, литературу, музыку, театр, кино, печать, радиовещание для повышения культурного уровня трудящихся, для воспитания их в духе социализма. Мы проводим ряд серьезных мероприятий для того, чтобы культура была высокоидейной и партийной, помогала решать основные проблемы экономического и политического развития страны, способствовала распространению знаний в народе, воодушевляла на труд, украшала жизнь.

Мы проводим реформу школьной системы, разработанную под руководством профессора З. Неедлы, министра школы, наук и искусств Чехословакии. Значительным успехом в этом деле нужно считать то, что в 1949 году почти полностью был выполнен план создания детских садов, являющихся первоначальной ступенью в системе нашей единой школы. Эта система состоит из школы народной, где учатся дети 6—11-летнего возраста, обязательной для всех низшей средней школы и, наконец, высшей средней школы — общеобразовательного или профессионального характера, где учится молодежь в возрасте 15—19 лет. Воспитанию в этой школе молодого поколения в новом, социалистическом духе мы уделяем главное внимание.

Высшая школа также находится в стадии глубоких перемен. Уже подготовлен новый закон о высшей школе, который должен положить конец вредным пережиткам прошлого и обеспечить новое идейное и административное руководство всей системой высшего образования в стране. Происходят существенные изменения в социальном составе студенчества: в высшие учебные заведения пришли дети рабочих и крестьян. Некоторые из них не имели достаточной теоретической подготовки, и для них были созданы специальные одногодичные курсы.

Одновременно с перестройкой всей системы школьного образования мы стремимся воспитать новое поколение научной интеллигенции, имея перед собой блестящий пример Советского Союза, добившегося поразительных успехов в этой области. Мы хотим и нашу Чехословацкую академию наук превратить в центр, объединяющий все отрасли науки.

Необходимо подчеркнуть, что принцип национального равноправия и искреннего братства обоих наших народов — чехов и словаков — осуществляется в полной мере и в области культуры, причем развитию новой словацкой национальной культуры обеспечена существенная материальная поддержка со стороны государства.

Одна из важнейших наших задач — привлечение деревни к построению социализма. Поэтому народному просвещению в деревне уделяется особое внимание. Расширяя сеть школ в земледельческих районах, мы создаем в деревне важные предпосылки для ее более культурной жизни, богатой и радостной.

Серьезную роль в нашей просветительной деятельности играют народные библиотеки. В Чехословакии сейчас свыше 15 тысяч местных районных и областных общественных библиотек. Единая система руководства их работой, использования книжных фондов предоставляет возможность каждому гражданину знакомиться с лучшими произведениями литературы, повышать свои знания.

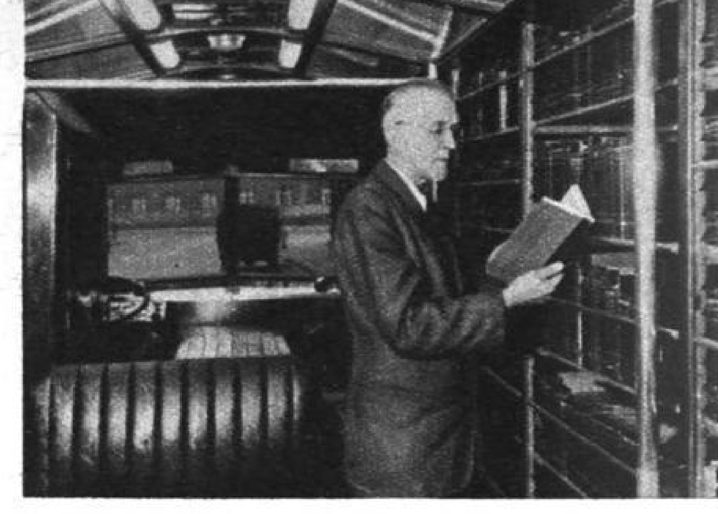
В области художественного творчества мы также вступаем на новые пути, используя значительное наследие чехословацкого классического реализма в литературе, музыке, изобразительном искусстве. Мы стремимся к тому, чтобы социалистический реализм стал руководящим методом творчества и в нашем искусстве.

Я хотел бы упомянуть о широком размахе, который приобрела в Чехословакии народная художественная самодеятельность. В республике устраиваются районные, областные и общегосударственные конкурсы самодеятельности, где выступают музыкальные, танцевальные, театральные и другие объединения. Кроме того каждый год, осенью, проводится так называемая «Театральная жатва» — общегосударственный смотр наших драматических и оперных коллективов.

Развитие творческих сил в стране вызвало большие перемены и в работе наших издательств. Частные издательства были ликвидированы, книготорговая деятельность перестроена на социалистических началах.

Уже в 1949 году новая политика проявилась не только в выборе выпускаемых книг, но и в высоких их тиражах. Мы предприняли издание Собрания Сочинений И. В. Сталина тиражом в 200 тысяч экземпляров. И хотя тиражи марксистско-ленинской литературы за последние годы необычайно возросли, они все-таки не могут полностью удовлетворить потребности народа.

Книга К. Готвальда «С Советским Союзом на вечные времена» вышла тиражом в 100 тысяч экземпляров, «Репортаж с петлей на шее» Ю. Фучика — в 300 тысячах экземпляров, первое издание «Истории СССР» З. Неедлы — в 50 тысячах экземпляров. Только учебников в

Передвижная библиотека-автобус в одном из районов Праги.

Ударница М. Раухова в библиотеке рабочей школы в городе Наход.

Выступление ансамбля баянистов города Кладно.

Культурный уголок потребительского кооператива в селе Корженов, Либерецкого края.

Артисты-любители в городе Свитавы.

Сцена из пьесы Т. Сватоплука «Ботострой» в исполнении театра трудящихся в Готвальдове.

1949 году было издано свыше 5700 тысяч экземпляров. Всего же за прошлый год у нас было выпущено 23 миллиона экземпляров книг политического содержания, тогда как в 1948 году их было издано лишь 6 миллионов.

Государственному радиовещанию у нас также отведена в высшей степени важная роль. Пропаганда новых методов труда, движения ударников, социалистического соревнования; агитация за единые сельскохозяйственные кооперативы; борьба за мир, за повышение бдительности; ознакомление населения с наиболее важными мероприятиями партии и правительства — вот политическая программа, которую выполняет наше радиовещание.

Радио стало достоянием всего чехословацкого народа. Доказательство этому — беспрерывно возрастающее число радиослушателей: к 31 января этого года их было уже более двух миллионов.

Кино, как наиболее массовое из всех искусств, призвано в нашей стране выполнять большую воспитательную миссию. В прошлом году чехословацкая государственная кинематография дала ряд ценных фильмов, принятых народом с большой признательностью. Это прежде всего «Мятеж в деревне», «Немая баррикада», «1848 революционный год» и другие.

Однако нужно отметить, что наряду с несомненными успехами у нашего киноискусства есть многочисленные идейные и художественные недостатки. На долю наших киноработников выпадает ответственная задача — покончить с имеющейся еще тенденцией аполитичности, с остатками формализма. Воспитательная миссия нашего кино настоятельно требует заняться новой тематикой, отражающей подлинную жизнь.

Образцом для нас служит советское кино. С особенной благодарностью мы отмечаем, что Советский Союз предоставляет возможность нашим киноработникам учиться киноискусству непосредственно в Москве. Серьезную помощь оказывают нам приезжающие в Чехословакию передовые мастера советского киноискусства — режиссеры и артисты.

Мы осуществили — опять-таки по советскому образцу — реорганизацию производства короткометражных фильмов. Научно-популярный фильм является теперь самостоятельным сектором производства. Его задача — ознакомить широкие круги населения с результатами исследовательской работы в области науки и техники, рационализаторскими предложениями и стахановскими методами труда; кино, следовательно, призвано способствовать повышению производственной квалификации работников во всех отраслях народного хозяйства и помогать воспитанию новых кадров.

Другой сектор — это производство документальных фильмов. Мы будем создавать фильмы, показывающие новые стороны нашей жизни, величие строительства и творческого труда народа, отмечать все актуальные события в нашей стране, давая им политически верное объяснение.

Мы можем констатировать значительные успехи в кинофикации, достигнутые в 1949 году. Самые отдаленные, некогда заброшенные провинциальные кинотеатры демонстрируют теперь новейшие фильмы одновременно с большими городами. Благодаря этому необычайно возросла популяризация фильмов, выпущенных в Советском Союзе, а также в странах народной демократии.

Мне хотелось бы особо отметить огромное значение, которое мы придаем нашей культурной связи с заграницей и сотрудничеству в области культуры с другими народами. Это важная составная часть нашей внешней политики, действенный способ упрочения лагеря прогресса, укрепления нашей нерушимой дружбы с Советским Союзом и с народно-демократическими странами. Эти связи — оружие в борьбе за мир, против военной истерии и враждебной пропаганды, средство помощи прогрессивным силам в капиталистических странах.

Вполне естественно, что в установлении культурных связей важнейшим элементом мы считаем все более крепнущее сотрудничество с Советским Союзом, ибо советская культура оказывает на нашу новую жизнь самое благотворное влияние.

В прошлом году в нашей стране было переведено 450 советских книг, причем тираж большинства из них выражается в десятках тысяч экземпляров. Кино, радиовещание и периодическая печать также широко знакомят наш народ с Советским Союзом. В 1949 году советские фильмы просмотрели до 50 миллионов зрителей. Выступления советского ансамбля танца «Березка» посетило 250 тысяч человек. Выдающиеся советские театральные коллективы — кукольный театр под руководством С. Образцова, коллектив Московского театра драмы, оркестр народных инструментов под управлением Осипова, выступления Д. Ойстраха, Э. Гилельса, Л. Оборина, И. Безродного, советской балетной группы и других артистов были приняты нашим народом с величайшим восторгом.

Неоценимую службу сослужил нам прошлогодний приезд советских ученых и культурных работников во главе с академиком И. Мещаниновым; большой радостью для нас бывали частые посещения выдающихся советских писателей и работников искусства — А. Фадеева, К. Симонова, И. Эренбурга, А. Корнейчука, П. Тычины, Д. Кабалевского, А. Попова и других.

Особенную радость нам доставила высокая оценка, которую получило в Советском Союзе творчество наших прогрессивных деятелей культуры. Мы имеем в виду произведения писателей Илемницкого, Майеровой, Пуймановой, Дрды, Волкера, нашу музыку, прежде всего оперу «Проданная невеста», наш фильм «Немая баррикада», творчество Иосифа Скупы. Тот факт, что первая театральная пьеса о нашем национальном герое Ю. Фучике была написана и впервые показана в Советском Союзе,— убедительное доказательство глубокой любви и уважения, проявляемых советским народом ко всему великому и благородному, что есть у других народов.

Развитие наших культурных связей с Советским Союзом — лучший ответ космополитам и всем клеветникам из лагеря реакции, которые безуспешно стремились завлечь нашу страну в тенета упадочной культуры капиталистического Запада. Мы можем гордиться тем, что именно на наших международных музыкальных и кинофестивалях, происходящих в атмосфере подлинно мирного сотрудничества прогрессивных культурных сил многочисленных народов, неизменно демонстрируется превосходство советской культуры.

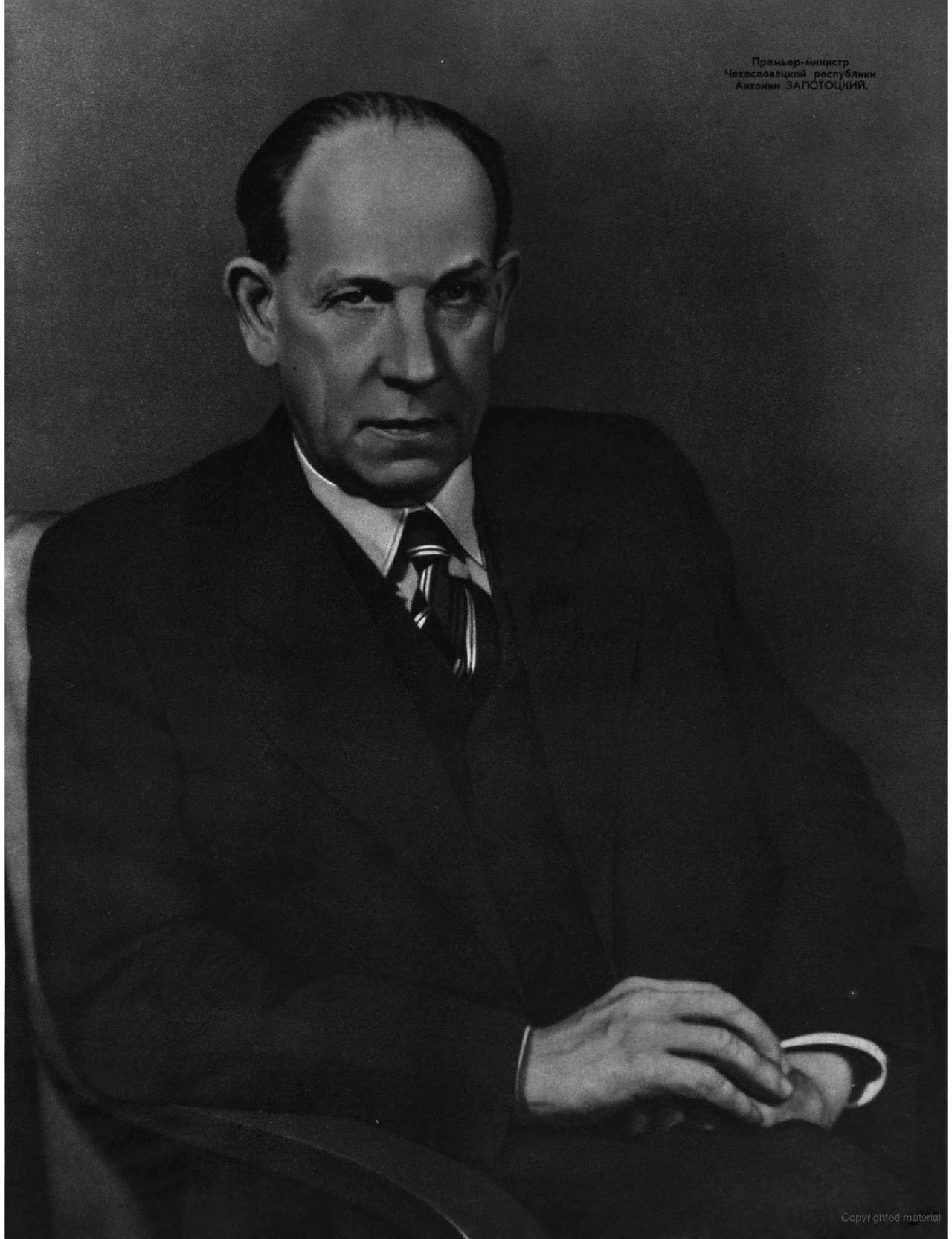
Мы и впредь будем укреплять союз с советской культурой.

На основании соглашений, установленных с рядом стран народной демократии, мы обмениваемся с ними культурными ценностями. Ничего подобного нет ни в одной капиталистической стране, несмотря на все пакты, альянсы и блоки. Такие всемирно-исторические события, как создание Китайской народной республики, возникновение Германской демократической республики и установление дружеских отношений с этими новыми членами прогрессивного лагеря, еще более расширят и обогатят это сотрудничество, а тем самым и нашу культуру и наши творческие устремления.

Мы будем продолжать укреплять наши связи с прогрессивными представителями западной культуры, благородными выразителями подлинной воли народов, носителями передовых традиций мировой культуры. Мы гордимся тем, что именно у нас нашел убежище Жоржи Амаду, что у нас всегда открыты двери для Поля Робсона, Ф. Жолио-Кюри, Луи Арагона и Поля Элюара, Габриэля д'Арбусье, Говарда Фаста, Мартина Андерсена Нексе, Пабло Неруды, Бернала, равно как и для Назима Хикмета и Альфреда Варела, томящихся в тюрьмах, и для многих других творческих деятелей культуры, борцов за мир, дела и жизнь которых известны нашему народу.

Перспективы развития новой культуры в нашей стране огромны. 9 мая 1950 года, на праздновании пятой годовщины освобождения нашей республики героической Советской Армией, народ Чехословакии выразил свою безграничную благодарность, свою горячую любовь к Советскому Союзу и Генералиссимусу Сталину. Мы торжественно заявили о своей преданности высокой советской культуре, нашей настазнице и нашей помощнице

Премьер-министр
Чехословацкой республики
Антонин ЗАПОТОЦКИЙ.

Одна из лучших ударниц фабрики «Свит» (Чехословакия) Стазка Чадова, выполняющая более двух норм.

УДАРНИКИ Словакии

Владимир ЛАБАТ

Чудесно, словно в сказке, меняется облик Словакии, страны гор, лесов, быстрых рек и небольших полей. Новые хозяева всех богатств страны — люди труда — прокладывают железнодорожные линии по склонам гор, воздвигают гидростанции на реках, строят заводы и фабрики.

...Рудняны — железные рудники. Подъемная машина останавливается на 125-м метре под землей. В забое работает Михал Огурчак.

Михал хорошо помнит времена, когда рудники принадлежали не народу, а Ротшильдам. Юноша хотел стать горняком. Но что поделаешь, если сотни опытных шахтеров не находят себе работы! Михал странствовал по Словакии, научился показывать фокусы, крутил шарманку. Но у людей не было денег на развлечения. И Михал Огурчак, который так и не стал при Ротшильдах горняком, бродил оборванцем, нищим по родной Словакии в поисках хоть какой-нибудь работы.

...— Послушай-ка, Михал, сколько выработаешь до первого? — спрашивает горняка директор.

— Четыре нормы, а, может быть, и больше, — отвечает Огурчак. И лицо его расплывается в улыбке. Доволен директор, но еще больше рад сам Михал, уважаемый на руднике человек, к словам которого прислушиваются рабочие. А слова его такие:

— Если мы распланируем работу и обдумаем каждый шаг еще до спуска в рудник, то, не затрачивая лишней энергии, достигнем больших результатов.

Так говорит Михал Огурчак.

А вот что говорят о нем.

...Во Дворце промышленности шло заседание IX съезда компартии Чехословакии. На трибуне генеральный секретарь КПЧ Рудольф Сланский:

— В нашей промышленности растут новые работники, передовые ударники, о которых знает не только их предприятие, но и весь край... Это отборные части нашей мирной армии, строящей социализм... Товарищ Михал Огурчак... В январе он выполнил норму на 175 процентов, в апреле — на 209 процентов, а в честь областной конференции партии дал 216 процентов.

Аплодируют пять тысяч делегатов и гостей, президент республики, министры. Вот кем стал Михал Огурчак!

* * *

Невдалеке струится река Турец. Ее быстрое течение как бы разрезает поля. Шумят тополя, колышимые слабым ветром. Ветер подхватывает и несет песок с разрытой площади. Нестерпимо душно.

— Проклятая жара! — пробурчал Ондрей Прочка, приподнимая кепку и вытирая лоб.

Каменщик поворачивается лицом навстречу ветру и любуется гигантской стройкой. Год назад на этом месте был заложен первый камень. А сейчас заканчивается просторный литейный цех. Рядом с ним растет железный остов другого цеха. Кругом, куда ни глянешь, разрытая земля, строительные леса, бетонные трубы, горы песку! Год назад Ондрей Прочка и не думал, что можно строить такими быстрыми темпами. И он не совсем был убежден в правоте товарищей, говоривших о новых методах труда.

Теперь Ондрея Прочку и всю его ударную бригаду уже в течение нескольких месяцев заносят на красную доску. Ондрей знает, что строить можно еще быстрее, если двое каменщиков будут класть кирпич, двое — связывать его, а один займется бетонированием.

Ондрей садится в тень. Пока ребята вернутся с обеда, он успеет прочитать газету. Каменщик любит читать об ударниках, а сегодняшняя статья особенно его заинтересовала. Он вынимает карандаш, на полях газеты записывает какие-то цифры и снова погружается в чтение: «На стройке нового завода в Братиславе работает каменщик Яно Миклош, который за рабочий день дает 7,8 кубометра кладки. Остальные каменщики кладут только 3,5 — самое большее 4 кубометра».

Когда ребята вернулись с обеда, у Ондрея все уже было подсчитано.

— Как ты думаешь, Яно, не вызвать ли нам товарища Миклоша на соревнование?

Яно Мечко долго не раздумывает: «Пожалуй, можно».

Вечером Ондрей пишет Миклошу письмо, договаривается об условиях соревнования. Он сообщает, что в его бригаде люди кладут по девять кубометров за смену...

Так работает Ондрей Прочка, простой каменщик, который с гордостью говорит:

— Я строю машиностроительный завод имени Сталина.

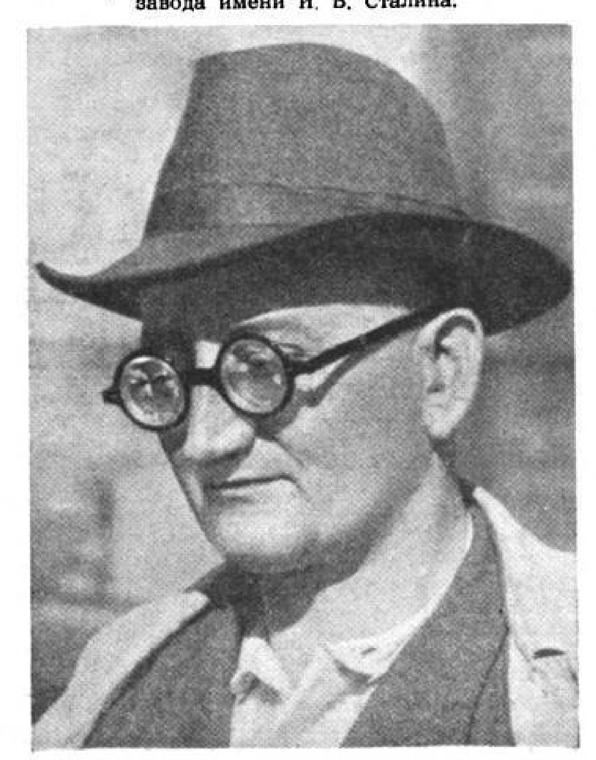
С каждым днем меняется вид турчанской котловины. Меняется облик людей, создающих новый промышленный Турчанский Светый Мартин.

Горняк Михал Огурчак на мотоциклете, которым он был премирован за ударную работу.

Каменщик Ондрей Прочка, ударник на стройке завода имени И. В. Сталина.

Тов. Петько, металлист железоделательного завода имени Яна Швермы, г. Подбрезова.

Новатор производства рабочий-конструктор Штефан Полак (Поважский машиностроительный завод в Старой Туре).

* * *

У самого подножья Высоких Татр в Матейовцах раскинулись цехи народного предприятия «Ковосмальт». Здесь делают железные баки для бензина.

В один из декабрьских дней прошлого года рабочий Яно Глинка собрал в цехе друзей по работе и сказал:

— Как вы думаете, товарищи, могли бы и мы подготовить свой подарок к 70-летию Иосифа Виссарионовича Сталина?

Если Яно Глинка говорит о подарке, значит, он уже все продумал и у него есть предложение. В Матейовцах хорошо знают Яна Глинку: он всегда умел смотреть далеко вперед. Когда до войны на фабрике Шольца была забастовка, то впереди женщин и детей, требовавших хлеба, шел неустрашимый Яно. Прискакавшие жандармы избили его резиновой палкой. Товарищи унесли окровавленного Яно домой.

— Дьяволы, — цедил он сквозь зубы. — Мы еще подрежем вам жилы!

— Чем ты им подрежешь, Яно? У них жандармы, армия.

— Посмотрите на Россию.

— А где взять оружие? — возразил кто-то.

— У нас оно есть. Сталин, товарищ Сталин — наше оружие...

Вот и сейчас Яно Глинка говорит столпившимся вокруг него рабочим:

— Сталин, товарищи, Сталин — наше оружие. Сталин научил нас бороться, а теперь он учит нас, как нужно трудиться, чтобы наша жизнь стала счастливой. Вот я и предлагаю сделать Сталину подарок: подпишем договор, чтобы выпускать еще больше баков.

Рабочие в знак согласия кивали головами, вытирали о спецовки руки, подходили к столу и ставили свои подписи под обязательством:

«В ознаменование 70-летия со дня рождения товарища Сталина обязуемся выполнять производственную программу на 140 процентов и принять все меры к тому, чтобы удержать этот уровень, а, по возможности, и превысить его. Мы, работники цеха по производству железных баков, шлем товарищу Сталину ко дню его 70-летия свои наилучшие пожелания и выражаем надежду, что он, как руководитель движения в защиту мира, будет и впредь возглавлять славянские и вообще все прогрессивные народы. Честь труду!»

— А что, только коммунисты подписывают? — подошел с вопросом рабочий Ондрей Войчик.

— Подписывают все, кто хочет...

— Я беспартийный, — заявляет Войчик, — но я всегда за партию. Я принадлежу к рабочему классу и стою за него горой.

Через минуту он подписал договор. А тут подошел и Юло Варгалик:

— Разрешите подписаться.

И, подписавшись, сказал:

— Сталин — наша безопасность. Сталин — это мир.

...Тысячи ударников словацких предприятий подписали социалистические договоры в честь 70-летия со дня рождения товарища Сталина.

Иожо Рапенсбергер, начальник цеха по производству железных баков для бензина (завод «Ковосмальт» в Матейовцах).

* * *

Словакия, страна гор, лесов, быстрых рек и небольших полей, превращается в страну фабрик и заводов, в страну счастливых людей. Словацкий трудовой народ, возглавляемый любимой коммунистической партией, в ежедневной ударной работе создает колоссальные ценности для себя и для будущих поколений, шаг за шагом приближаясь к заветной цели — к социализму.

Рабочие народного предприятия «Ковосмальт» подписывают социалистический договор.

Красивый Лес

Мария МАЙЕРОВА

М. Майерова

— Мы шефствуем над одним селом, где все крестьяне состоят в сельскохозяйственном кооперативе, — сказали мне яхимовские врачи и пригласили поехать туда вместе с ними.

Село носит романтическое название — Красивый Лес. Оно лежит на высоком обрывистом горном склоне. За гумном самого верхнего двора сразу же начинается лес; самая нижняя усадьба расположена на берегу горного ручья, в котором купаются утки и гуси.

Журчащие ручейки, стекая вниз мелкими потоками, заболачивают дороги в ложбинах, добела омывают камни, задерживаются в глубоких бороздах и ямках, сделанных копытами коров. И всем этим ручейкам суждено влиться в Огру. Ветер играет верхушками деревьев, уже подстриженных заботливой рукой. Срезанные ветки, похожие на сорванную проволоку, лежат под деревьями.

От избы к избе круто подымается зеленый лужок, пропитанный весенними водами, пестреющий бутонами маргариток.

Мы входим в деревенский трактир, единственный на все село. В нем теперь происходят все совещания и заседания. Сидят еще по старинке: мужчины — с одной стороны, женщины — с другой, — но разговоры идут о делах совершенно новых.

— Скотину, — слышится твердый, рассудительный голос, — временно поместим в самых больших хлевах, пока кооператив не приспособит под хлева и конюшни бывшие помещичьи постройки.

— А кто там будет убирать? — спрашивает пышная женщина, сидящая на выдвинутом вперед стуле.

— Об этом потом, товарищ Коларова, — говорит председатель кооператива. — Продолжаю. Дойных коров будем выгонять за околицу, чтобы ближе было домой, а яловиц — на горные пастбища, где они и будут оставаться целое лето.

— А меня к ним в пастухи!

Все поражены: претендует на роль пастуха сельский ночной сторож!

— Не нравится тебе, что ли, в сторожах?

— Да нет, нравится, только пастухом лучше. Работы больше.

Что делать? Мы живем в такое время, когда много людей меняет профессию. Официанты и парикмахеры стремятся на шахты, булочники — на металлургические заводы, щеточники берутся за плуг. Вот и здесь ночной сторож хочет стать пастухом. Пусть станет!

— Скучать-то без нас не будешь? — допытываются товарищи.

— Ночью не оробеешь? Там вон недавно филина застрелили! — шутит кто-то.

— Сам ты филин, — добродушно смеется будущий пастух.

— Итак, товарищи, — снова раздается голос председателя, — вскоре мы получим двести овец. Заботу о них возьмет на себя товарищ Словак, опытный пастух. Свиноферму пока строить не будем: в министерстве нам правильно возразили, что со всем разом не справиться. В первую очередь нужно поставить трансформатор.

— Кирпичи-то давно на месте, да вот разрешение никак не прибудет, — раздается ядовитое замечание.

— Если приняться за дело да действительно всем вместе, — размышляет вслух учитель, — так трансформатор в установленный срок мы поставим. Ведь все уж подготовлено, даже оборудование на месте; не хватает только бумажки...

— А чего там бумажка! — раздается решительный возглас из группы женщин.

— Примемся за работу без бумажки, не так ли, бабы? — белокурая красавица победоносно и поощрительно оглядывается на подруг. — До каких это пор будем светить карбидными лампами? А в хлев что, будем все со свечкой ходить?

К ней присоединяются несмелые женские голоса:

— И радио-то послушать невозможно — где будешь аккумулятор заряжать?

— А мы хотим кинотеатр, — подает голос шестнадцатилетний парнишка и в смущении прячет голову под стол.

Все смеются. Снова звучит ясный и уверенный голос председателя. Лицо у него смелое, энергичное. Попрежнему он староста, по-теперешнему — председатель местного национального комитета. Вот он разворачивает перед собравшимися план весенних полевых работ на коллективных полях, говорит о договоре с МТС, перечисляет машины, которые будут работать в коллективном хозяйстве. Крестьяне совещаются.

От дыхания людей туманятся стекла окон.

А свежий мартовский ветер врывается в тесные ущелья, сдувая утренний туман и обрывки облаков с вершин; и ясно выступают склоны гор с поседевшими за зиму пастбищами и темными полосами ельника.

Солнце, время от времени пробивающееся сквозь тучи, серебрит пушок на ивах; зеленые сережки орешника трепещут нетерпеливой дрожью.

На собрание пришли целыми семьями, даже с малыми ребятами. Слышны реплики:

— А ту яму засыпем, сравняем, и будет детская площадка, как раз под самой школой!

— Пруд вычистим, как только сойдет с него лед.

— Из старой пивной сделаем Дом культуры!

— Да много вы наработаете... языком, — язвит мамаша Коларова. — Глаза-то у вас больно разгорелись от всех этих планов. А мы вот уже разделили между собой уход за скотом в общих стойлах. Речкова с Глинской — одна смена, Новотная с Роудной — вторая, тебя вот, Марьянка, тут не было — так ты пойдешь с Милушкой, а я уж одна, ничего, справляюсь, мне не привыкать, — ораторствует Коларова. И уже обращаясь прямо к мужчинам: — Это только до тех пор, пока не заведете нам этого самого электрического доения.

Черные глаза худенькой женщины пристально смотрят то на одну, то на другую из крестьянок, названных Коларовой. Видно, как вздрагивают под платком ее узкие, худенькие плечи.

— А доить коров вас на аркане не затащишь, — отвечает Коларовой голос из мужского лагеря.

— А вот я тебя! — приподымается мамаша Коларова, но ее слова прерываются всхлипыванием черноглазой крестьянки.

— Что с тобой, Башкова? Ты чего ревешь? — спрашивает она молодую женщину и всплескивает руками: — Бабы, да она ведь ревет, что мы ее не позвали! Да ты разве можешь работать, когда у тебя полна изба ребят? Четверо малых детей — забот не оберешься! Пока всех умоешь, да накормишь, да одного в школу отправишь — вот тебе и вечер. Потому только тебя и не позвали, только поэтому, — уверяет Коларова.

Башкова, уже не пытаясь справиться со слезами, плача, возражает:

— Но я хоть с вечера работать пойду. Ведь не оставите же меня одну? Неужто ж вы меня с собой не возьмете? Я тоже хочу работать.

— Да молчи, дурочка, никто у нас в стороне не останется. Ведь ясли будут.

Когда крестьянки, члены единого сельскохозяйственного кооператива, расходились по домам, в черных глазах молодой женщины светился отблеск бескорыстного счастья. И подруги окружают ее, хвалят, счастливые сами, что могут утишить этот поток слез.

Перевод с чешского

«10 000 трактористов республике!» Это будет первый отряд молодых борцов за преобразование чехословацкой деревни на новой, передовой технической основе. Закончена учеба на курсах, и сегодня пробный выезд в поле...

«Америка шлет оружие, СССР—тракторы»

Советские тракторы с прицепными плугами на улицах Реджо-нель-Эмилии (Италия). Ведут машины бывшие партизаны, участники борьбы с фашизмом, окончившие недавно кооперативную школу трактористов.

Это случилось почти одновременно. В Неаполь пришли корабли с оружием, клейменным зловещей маркой: «Сделано в США». На станционные пути города Реджо-нель-Эмилия прибыли платформы с тракторами «КД-35», что значит — Кировец-дизельный.

Тогда-то на улицах Рима и других итальянских городов появился плакат с краткой и выразительной надписью: «Америка шлет оружие, СССР — тракторы». С левой стороны плаката были нарисованы пушки, с правой — сельскохозяйственные машины. А стены домов Реджо-нель-Эмилии запестрели плакатами с надписями, посвященными дружбе советского и итальянского народов.

Разгрузка двадцати советских тракторов, прицепных плугов и ящиков с комплектами запасных частей производилась при стечении тысяч людей и вылилась в праздник борцов за мир.

Выгружать американское оружие докеры категорически отказались. Мужественные рабочие, невзирая на угрозы и репрессии, объявили забастовку. По всей стране прокатилась волна гневных протестов против новой войны, подготовляемой американскими империалистами и их итальянскими прислужниками. Демонстранты несли плакаты: «Социализм — мир, капитализм — война». Неапольский порт был оцеплен многочисленными отрядами полиции. Под их охраной угрюмые солдаты стаскивали с пароходов ящики с винтовками, автоматами и боеприпасами...

А в это время на юге страны, в городе Реджо-нель-Эмилия, происходил организованный «Национальной лигой кооперативов» праздник передачи советских тракторов итальянскому народу. На торжества собралось все население города и многие крестьяне и батраки из окрестных деревень. Эти люди прошли со знаменами, плакатами и лозунгами не один десяток километров пешком, чтобы принять участие в торжестве.

К моменту открытия митинга центральную площадь города — площадь Свободы — запрудила 30-тысячная толпа. Люди с жадностью ловили каждое слово ораторов, выражавших благодарность Советскому Союзу за помощь, которую он оказывает итальянскому народу. Настоящей бурей аплодисментов и возгласами: «Да здравствует мир!», «Да здравствует советско-итальянская дружба!» — была встречена советская кооперативная делегация.

Церемония передачи советского подарка вылилась во внушительную демонстрацию итальянских трудящихся за мир, за труд, за дружбу с советским народом.

* * *

Дневник ОГОНЬКА

Тракторы, подаренные советскими кооператорами, составят основное ядро машинно-тракторных станций, которые решила организовать «Национальная лига кооперативов».

За жизнь!

По всей Франции продолжается сбор подписей под воззванием Стокгольмской сессии Постоянного комитета о запрещении атомного оружия. В городах и селах «посланцы мира» предлагают каждой семье подписать бюллетень, воспроизводящий воззвание Стокгольмской сессии.

Множество писем приходит ежедневно в организацию «Борцы за мир и свободу»: одни с присоединением к воззванию, другие с предложениями помочь вести борьбу против войны.

В Ромэнвилле, пригороде Парижа, врач, член местного Комитета в защиту мира, поднимался по лестнице одного из корпусов дома № 149 по улице Республики.

Здесь все знают доктора, так как он многих жителей лечит. Все с радостью ставят свою подпись под бюллетенем, который требует запрещения атомного оружия. Но вот дверь открывает молодая женщина с ребенком на руках.

— Меня прислал Комитет защиты мира, — говорит врач, — прочтите воззвание сторонников мира и подпишитесь под ним.

— Мужа нет, а я не занимаюсь политикой, — нерешительно отвечает женщина.

— Неужели вы думаете, что атомная бомба будет разбираться в том, занимаетесь вы политикой или нет? — объясняет с улыбкой «посланец мира». — Ваша подпись должна помочь защитить вашу жизнь.

— Конечно, вы правы. Я против бомбы, я за жизнь.

Женщина подписывает за себя и за детей, оставив место для мужа. Но едва член комитета стал спускаться, как она его догнала:

— Мне кажется, что муж не будет возражать, если я подпишусь и за него. Ведь это же — за мир!

В этот день в доме на улице Республики подписались под воззванием 154 семьи, и только три отказались. В Ромэнвилле к концу дня было собрано более тысячи подписей.

О том, как французский народ относится к подготовке новой войны, можно судить по ответам, полученным корреспондентом газеты «Юманите» от случайных прохожих на парижских улицах.

Домашнюю хозяйку Адриан корреспондент встретил в лавке, куда она пришла с трехлетним сыном.

— Конечно, я против атомной бомбы. Кому может быть приятно, чтобы убивали людей? Хотя, я знаю, есть люди, заинтересованные в этом. Но их немного. А остальных гораздо больше. Да, необходимо помешать этому!

Торговец красками Жан Блан был в плену в Германии. Он заявил:

— Совершенно необходимо запретить атомную бомбу. А потом можно подумать о том, как использовать атомную энергию для прогресса.

Рабочий газовой промышленности Ив Поплен говорит:

— Я помню, как американцы сбросили первую атомную бомбу в Японии. Мы видели это в кино. Говорят, теперь они ее хотят «улучшить»... Обещают нам супербомбы. Вы спрашиваете: против ли я? Еще бы! Нужно помешать этому!

Ежедневно ширится фронт мира: тысячи и тысячи новых подписей под воззванием получает организации «Борцов за мир и свободу».

Народы Латинской Америки требуют мира

Горячий отклик нашло в Латинской Америке воззвание Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Сбор подписей под этим воззванием проходит с большим успехом.

«Бразильская организация защиты мира и культуры», несмотря на свирепый террор реакционной клики президента Дутра, начала кампанию по сбору в стране миллиона подписей под требованием запретить атомное оружие.

Выходящая в Мексико газета «Эль Популяр» сообщила, что комиссия из видных деятелей представила конгрессу воззвание Постоянного комитета сторонников мира. Комиссия призывала мексиканское правительство поддержать движение в защиту мира. Мексиканский комитет защитников мира, председателем которого является бывший морской министр Ориберто Хара, организует по всей стране популяризацию воззвания Постоянного комитета.

В Гватемале движение в защиту мира пользуется горячей поддержкой. Конфедерация трудящихся 1 Мая провела крупные массовые митинги в защиту мира и национального суверенитета.

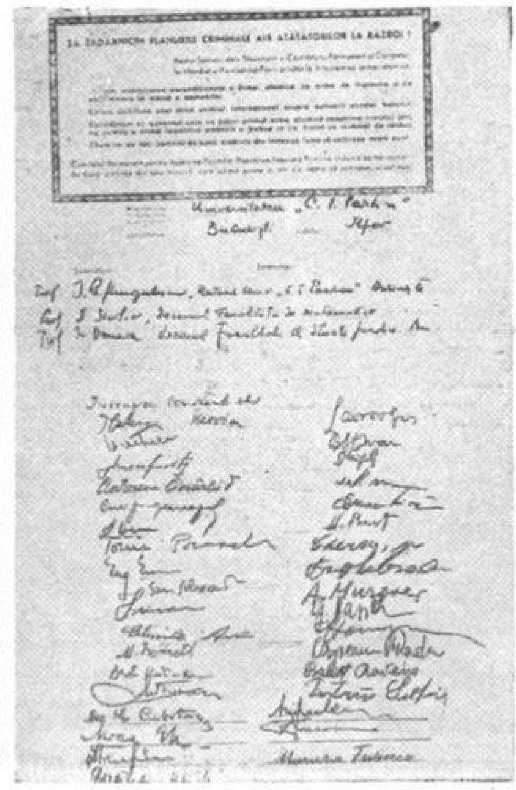
Кубинская газета «Нотисиас де ой» опубликовала заявление 67 видных деятелей, поддерживающих воззвание Стокгольмской сессии. В числе подписавших заявление — историк Ронг де Леучсенринг, известный юрист-католик Вильямиль, поэт Николас Гильен, лидер «Негритянской ассоциации» Кубы Гарсиа Рохас и другие.

Демократическая федерация кубинских женщин развернула широкую кампанию по сбору подписей в защиту мира на сахарных заводах, фабриках, в школах, университетах. Народно-социалистическая партия Кубы призвала своих членов посвятить воскресные дни сбору подписей под призывом Стокгольмской сессии.

В Венецуэле, по сообщению газеты «Трибуна популяр», к «Комитету борьбы за демократию и мир» присоединяются все новые группы. На предприятиях и в учреждениях создаются комитеты сторонников мира.

В Уругвае Национальный комитет в защиту мира уже собрал 110 тысяч подписей под петициями, призывающими к миру и протестующими против ратификации договора с США. К этому движению примкнуло 68 различных массовых организаций.

Несмотря на полицейский террор и всяческие преследования, движение за мир ширится также в Колумбии, Чили, Аргентине и других странах Латинской Америки.

РУМЫНИЯ ГОЛОСУЕТ ЗА МИР

Сознавая великое значение активной борьбы масс за мир, миллионы трудящихся Румынии подписывают обращение Стокгольмской сессии Постоянного комитета.

Рабочие, крестьяне, служащие, педагоги с исключительным подъемом и энтузиазмом откликаются на призыв Комитета сторонников мира Румынии — сделать сбор подписей за мир подлинно всенародным делом.

В общих рядах со всеми трудящимися идут работники науки и учащаяся молодежь.

На снимке: подписи профессоров и преподавателей Бухарестского университета имени Пархона под воззванием Постоянного комитета Конгресса сторонников мира.

МИЧУРИНСКОЕ ОБЩЕСТВО В КИТАЕ

Три дня заседал в Пекине, в здании Сельскохозяйственного университета, конгресс мичуринского общества, созданного летом 1949 года. Среди 400 делегатов от местных отделений Общества были профессора, студенты, крестьяне, рабочие — герои труда. Десять докладов, прослушанных на конгрессе, пронизаны одной общей мыслью: как можно шире применять в сельском хозяйстве нового Китая достижения советской агробиологии, привлечь к мичуринскому движению не только ученых и агрономов, но и массы китайского крестьянства. Имена И. В. Мичурина и Т. Д. Лысенко, упоминавшиеся в докладах, встречались бурными аплодисментами участников конгресса,

АНГЛИЙСКИЕ РАБОЧИЕ В ГОСТЯХ У ЗНАТНОГО ШАХТЕРА

После майских торжеств гостившая в Москве английская рабочая делегация поехала в Тулу, чтобы познакомиться с шахтерами треста «Скуратовуголь». Среди делегатов был британский горняк Джордж Роуз, секретарь отделения Национального профсоюза горняков в Линби. Он высказал свое мнение обо всем, что видел, коротко:

— Очень хорошо!

Беседуя с управляющим шахтой, Джордж Роуз подробно расспрашивал о заработках советских горняков. В это время в кабинет вошел знатный советский шахтер Герой Социалистического Труда, начальник участка Василий Васильевич Пашкевич. Англичанин обратился к нему:

— Сколько вы зарабатываете?

Пашкевич ответил.

— Тогда вы можете покупать дорогие вещи, — продолжал англичанин, пытливо разглядывая собеседника. — Даже автомобиль, например?

— Недавно купил «победу», — усмехнулся Василий Васильевич, — хорошая машина.

И добавил:

— Прошу ко мне домой... Посмотрите, как живу, с семьей познакомитесь. Милости прошу, гостями будете.

Кто-то из англичан пошутил:

— Если бы я привел домой столько гостей, меня жена выгнала бы...

К Василию Васильевичу направились тринадцать делегатов английских рабочих и несколько его товарищей по шахте. Полина Георгиевна, жена Пашкевича, встретила всех радушно и тотчас захлопотала по хозяйству.

Англичане с интересом осматривали квартиру советского шахтера: пять хорошо меблированных комнат. В одной из них гости познакомились с детьми Пашкевича, только что пришедшими из школы.

— Моя дочь Лора, ей уже 15 лет минуло, как видите, совсем взрослая. А это сын Толя, — представил отец. — Учатся они неплохо. Думаю, что, окончив среднюю школу, пойдут в институт или университет... А, скажите, в Англии дети шахтеров легко могут попасть в университет?

— В принципе это возможно, — говорили делегаты. — Но для этого потребуется много денег и, следовательно, практически учиться не поступишь.

Англичане обратили внимание на большой написанный маслом портрет хозяина дома.

— Кто автор картины? Известный художник?

— Нет, пока еще не известный. Портрет писал мой племянник, юноша. Он не художник-профессионал, но хочет им стать. И, несомненно, добьется своего.

В комнату вошла Полина Георгиевна, закончившая свои хлопоты:

— Прошу к столу!

Василий Васильевич принял представителей английских рабочих с чисто русским радушием. Стол изобиловал разнообразными яствами.

Василий Васильевич поднял бокал за дружбу между английским и советским народами, за мир во всем мире, за вождя прогрессивного человечества товарища Сталина. Иностранцы ответили тостом во славу великого советского народа, говорили о необходимости объединить усилия в борьбе против поджигателей новой войны.

Трапеза, по русскому обычаю, длилась долго, и гости по достоинству оценили хлебосольство хозяев.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Каждая деталь имеет своего хозяина

М. И. Журкин (слева) и начальник участка покрытий А. М. Спирин проверяют качество колпаков машины «победа».

Фото Н. Капелюша

Если б можно было взглянуть на автомобильный завод сверху и проникнуть взором сквозь крыши, мы увидели бы непрерывное движение огромного количества разных деталей. Их перевозят на подвесных конвейерах, катят из корпуса в корпус на тележках. Со всех сторон завода, большого, как город, миллионы крохотных шпилек и отливок, маленьких шайбочек и поковок, повертевшись на станках, закалившись электротоком или окунувшись в ванны, стремятся к главным руслам — большим конвейерам. Чтобы собрать одну лишь машину «ГАЗ-51», нужно 12 839 деталей и нормалей. А на Горьковском автозаводе имени В. М. Молотова, как известно, делают не по одному грузовику и не только грузовики.

Однако до недавнего времени на пути деталей было немало задержек. Не всякая деталь достигала конечной цели и покидала завод, заняв свое место в очередном автомобиле. Одни тонули в ваннах, другие терялись во время транспортировки, третьи браковались и лежали на складах, как упрек нерадивости, а главное — обезличке. Да, обезличке! Деталь не рождается сразу готовой: она проходит через десятки рук, прежде чем удостоится чести быть принятой у главного конвейера.

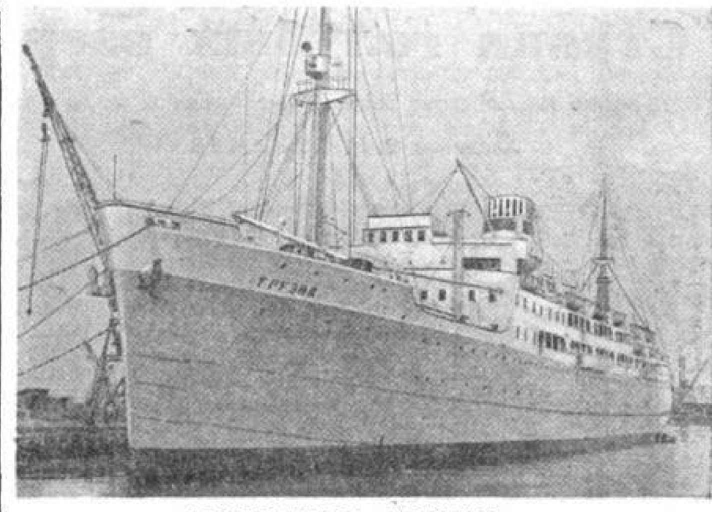
Каждая партия деталей, направлявшаяся из заготовительного цеха в неблизкий путь по станкам, терпела немалый урон. Потери эти были даже узаконены, для чего придумали оправдательный термин: «неизбежные». При хромировании, например, на каждую ванну 50—60 деталей заранее планировались как обреченные на потерю. Та же дань неосмотрительности и обезличке отдавалась при цинковании, никелировании и воронении.

Бригадир хромировщиков Михаил Журкин первым сказал обезличке: «Нет!» Его поддержала вся бригада. Журкин поставил перед товарищами вопрос: «Как нам лучше беречь детали?», — и все вместе нашли ответ: взять их на социалистическую сохранность!

Сотни тысяч советских рабочих давно приняли на социалистическую сохранность свои станки. Автозаводцы решили взять под свое покровительство не один большой механизм, а миллионы предметов, вплоть до самых маленьких. Сделать это оказалось не так просто. Однако начинание, заключавшее в себе большую пользу для государства, нашло сотни последователей. Почин хромировщиков поддержали не только их товарищи по цеху металлопокрытий, но и работники радиаторного, арматурного, второго термического и других цехов.

Все меньше становится беспризорных и безродных деталей. У каждой партии, даже у шайбочек-малюток, есть свой паспорт. А в нем точно записано, сколько тут деталей, кто их обрабатывал, какого они получились качества и куда, на какую операцию следуют дальше. Теперь, скажем, шлифовщик, получив сотню деталей, заботится о том, чтобы вся она сохранилась и вся дошла до следующей операции. Бригада Журкина обработала за месяц более двухсот тысяч деталей. И ни одна из них не была ни потеряна, ни попорчена. Бригада хромировщиков за месяц сберегла тысячи деталей. Ими можно укомплектовать два грузовика «ГАЗ-51».

Э. АРКАДЬЕВ

ТЕПЛОХОД «ГРУЗИЯ»

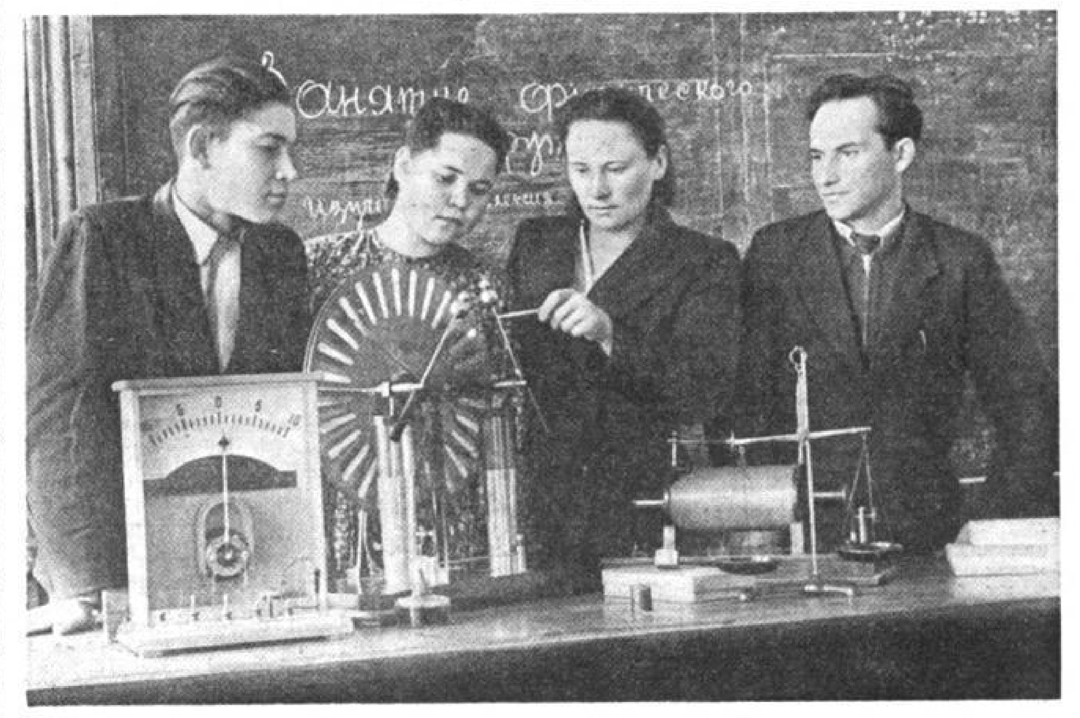
На Крымско-Кавказской линии этим летом будет работать флотилия лучших судов морского флота: дизель-электроход «Россия», теплоходы «Грузия», «Украина», «Львов» и пароходы «Петр Великий», «Петродворец».

Теплоход «Грузия» — судно новейшей постройки. Здесь созданы все условия для отдыха пассажиров. На «Грузии» — 1100 пассажирских мест, много хорошо оборудованных кают. В распоряжении пассажиров роскошные салоны, два плавательных бассейна, прогулочные палубы, курительные комнаты, концертный зал. Все помещения на теплоходе радиофицированы и связаны телефоном.

Экспрессная пассажирская линия Одесса — Батуми — Одесса признана образцовой. Во время плавания пассажиры получают возможность хорошо отдохнуть, купаться, загорать.

Фото В. Богданова

Институт на селе

Студенты института на занятиях по физике (слева направо): Х. Халилов, С. Ушакова, И. Сабирова, старший преподаватель института М. Ш. Шангареев.

Фото А. Червинского.

Село Месягутово... Исконная башкирская земля! Салават Юлаев — поэт и батыр — гулял по этим раздольным степям со своей вольницей во времена Пугачева. Соседний район назван по его имени — Салаватским.

Село Месягутово — большое село. И все-таки, когда по окружным селам пошел слух, что в Месягутове будет открыт институт, многие не поверили такому. Слыханное ли это дело! Люди говорили:

— Институты в столицах бывают, в больших городах. А тут Месягутово... 70 километров от железной дороги. Нет, быть этого не может, чтобы на селе институт открыли.

Сомнениям скоро пришел конец. Под учительский институт отвели лучшее на селе каменное двухэтажное здание. На улицах появились новые люди — студенты. Вот они направляются на занятия. Комсомолец Гафур Загидуллин, студент отделения языка и литературы — сын колхозника из соседнего села Насибаш. Дочь колхозного кузнеца из Салаватского района Асия Садыкова, Дина Шафикова, дочь колхозника из артели «Нур», приехавшая сюда после окончания десятилетки. Старшая ее сестра Лейля учится в кооперативном институте в Москве, четверо младших братьев ходят в школу.

В институте на двух отделениях — языка и литературы и физико-математическом — 140 студентов. Кроме того 100 человек учатся на заочном отделении. Нынешней осенью число учащихся удвоится.

Молодому вузу оказывается всемерная помощь. Вчера только институтская библиотека получила из Уфы 285 новых книг, а сегодня с почты сообщили, что прибыли еще 33 посылки с книгами из Москвы и Ленинграда. Из Свердловска выслали учебные пособия и приборы; из Куйбышева и Златоуста — мебель. На благоустройство здания института и общежития отпущена крупная сумма.

Институт в далеком башкирском селе — это еще одно замечательное явление нашей советской жизни.

Ш. НАСЫРОВ, Э. ВОЛОВИЧ

Дневник ОГОНЬКА

Страна голубых озер

К 30-летию Ильменского заповедника имени В. И. Ленина

Академик В. Н. СУКАЧЕВ

Меняется география нашей страны. События опережают картографов, и что ни год — стареют географические карты. Там, где вчера был дремучий лес, сегодня добываются редкие ископаемые, река переменила русло, болото высушили, в бездорожной степи пролегло широкое асфальтированное шоссе. Но на Южном Урале все так же неизменна «страна голубых озер», что между городами Миасс и Карабаш. Горные цепи покрыты лесами. Раскачиваются на ветру березы и сосны. Маленькие реки протачивают себе в горах удобные пути. Летом такая река скорее похожа на ручеек, а весною она раздается вширь, кипит и пенится, ступи в нее — и тебя сшибет с ног. В низинах хранят величественное молчание красавцы-озера.

«Страна голубых озер» — это Государственный Ильменский заповедник имени В. И. Ленина. Он организован 30 лет назад, 14 мая 1920 года, по инициативе Владимира Ильича.

Ильменский заповедник — единственный в мире, который охраняет не только живую природу, но и заключенные в недрах земли диковинные минералы.

В заповеднике нельзя охотиться, ловить рыбу, косить сено, пасти скот, собирать грибы и ягоды и, главное, — бродить по горам с кайлом. Природа создала в Ильменских горах удивительный минералогический музей, и на протяжении тридцати лет он тщательно охраняется.

Когда-то, в незапамятные времена, в трещинах земной коры затвердевала жидкая магма, выступившая из недр земли, образуя пегматические жилы. Эти жилы, которых в Ильмене немало, и представляют собой собрание минералов. Если походить по горам заповедника, то здесь можно увидеть множество великолепных камней.

Будто покрытый капельками жира, блестит серый нефелин. Сверкают желтые канкриниты, голубые содалиты, синие вишневиты — драгоценный материал для художественных изделий. Зелено-желтоватый апатит скрывает в себе фосфор. Среди разновидностей полевого шпата можно найти светло-коричневый мерцающий солнечный камень и бледноголубой матовый лунный камень. Точно кусочки сахара рассыпан альбит, яркой зеленью спорит с травой амазонит, слепят глаза топазы, и капельками крови выступают в изломах гор гранаты.

Когда-то Ильмень привлекал к себе «горщиков»—искателей камней со всего Урала. И по сегодня сохранились копи с отвалами, поросшими столетними соснами. Более двух веков назад нашли в Ильмене слюду, а вслед за нею десятки минералов, среди которых был и никому не известный ильменит. В погоне за наживой хищные дельцы грабили богатства Ильменя. Только Октябрьская революция предотвратила полное уничтожение ценнейшего природного минералогического собрания.

Руководит работами директор заповедника, кандидат геолого-минералогических наук Всеволод Аполлинариевич Васнецов, сын известного художника. Геологи исследуют пегматитовые жилы, вмещающие минералы, их историю, происхождение и формирование. К услугам геологов, как и других научных работников, прекрасные лаборатории, индивидуальные исследовательские кабинеты, библиотека.

Метеорологи изучают климат, ботаники — богатейшую флору. Научные работники К. Горновский и Е. Дорогостайская составили точную опись флоры Южного Урала, открыли новые виды травянистых растений.

Заповедник ничем не огорожен, но характерно, что животные почти никогда не покидают его пределов, чувствуя себя в полной безопасности. Количество животных систематически увеличивается. Их обитает здесь 266 видов. До двух тысяч голов доходит стадо сибирской косули. В Ильмене водятся лоси, лисицы, барсуки. Под руководством зоолога С. Ушкова удачно проделана работа по акклиматизации пятнистого оленя, привезенного с Дальнего Востока.

Когда-то на Южном Урале обитали бобры. Сохранилось название речки «Бобровка». Но ценного зверя перебили еще в прошлом веке. Недавно в заповеднике вновь поселили бобров. Они быстро освоились, почувствовали себя хозяевами и в первый же год построили плотину на протоке, соединявшем два озера, подняв уровень одного из озер на семьдесят сантиметров.

Сотни людей со всего Советского Союза и из-за границы ежегодно посещают Ильменский заповедник.

Только за лето прошлого года в «стране голубых озер» побывало около 9 тысяч человек.

И, наверное, еще большее количество любителей природы съедется сюда в нынешнем, юбилейном для заповедника году.

Дневник ОГОНЬКА

Четыре близнеца

25 апреля в городе Махарадзе, центре большого субтропического района, работница лимонно-мандаринового совхоза Екатерина Михайловна Марченко родила четырех девочек.

Роженица, 23 лет от роду, уроженка Одесской области, оказалась невысокой, довольно хрупкой женщиной. Это ее первые роды. Столь необычные роды она перенесла удивительно хорошо. Девочки родились доношенными.

Родильный дом города Махарадзе — отличное медицинское учреждение, каких много в Грузии, с квалифицированным персоналом. Роженица и ее дети были окружены большой заботой. Спустя десять дней Е. М. Марченко и ее девочек перевезли в Тбилиси, чтобы создать молодой матери еще лучшие условия и обеспечить необходимое клиническое наблюдение.

...В большой светлой палате Республиканского научно-исследовательского института охраны материнства и детства стоят в ряд четыре маленьких кроватки. Они пронумерованы в том порядке, в каком девочки появились на свет. Родители уже дали имена этим малышкам: Светлана, Александра, Ирина и Лариса. Специально выделенный медицинский персонал тщательно ухаживает за новорожденными. Кормят их молоком матери, и этого молока хватает на всех четырех.

В палате стоят в ряд четыре маленьких кроватки с новорожденными.

Е. М. Марченко.

Фото В. Тархова

Институт предоставил матери усиленное питание. Жизнерадостная женщина охотно рассказывает о своей работе в Натанебском субтропическом совхозе Махарадзевского района. Екатерина Михайловна работает здесь третий год, живет с достатком.

Директор института Георгий Александрович Цагарели говорит по поводу необычных родов Е. М. Марченко:

— Это первый подобный случай за мою 24-летнюю работу в институте. Двойни у нас бывают довольно часто, тройня была только раз за последние годы, причем всех троих детей мы сохранили и выписали в хорошем состоянии из института.

— Роды пятью плодами описывались в медицинской литературе 30 раз, шестью — 3 раза и семью — 1 раз. Рождение четырех близнецов приходится один раз на 560 тысяч родов.

Самое важное в этой статистике не выражено цифрами. Многодетная семья для трудящегося капиталистической страны — тяжкая ноша, дети обречены на голод, многие из них не выживают. Советская мать, родившая нескольких детей, всегда может рассчитывать на помощь и заботу со стороны государства.

Тбилиси.

Н. НОВИЦКИЙ

Харьковские водохранилища

...Загорелые тела купальщиков, разноцветные зонтики, голубой спортивный флаг, лодки... Обычная пестрая картина пляжа.

Где это? В Крыму, на Кавказе? На Волге, на Днепре?

Местность, о которой идет речь, находится в 15 минутах езды от Харькова, издавна снискавшего славу «безводного». Город стоит на четырех мелководных речушках: Хоть, Лопань, Харьков и Нетечь, которые в жаркие месяцы почти пересыхают.

В дореволюционные годы город заслужил печальную известность своей пылью и грязью.

Лишь в годы советской власти Харьков получил достаточное количество воды: были сооружены водопровод, несколько мощных насосных станций.

Наряду с большими работами по озеленению город успешно решает и проблему снабжения его водой. В одном из пригородов создано большое водохранилище с пляжем, лодочной станцией, спортивными сооружениями, купальнями. Это — любимое место отдыха трудящихся.

Народной стройкой стало большое гидросооружение в Лесопарке — Комсомольское озеро. Сейчас земляные работы полностью закончены. В течение двух весен огромный котлован заполнится талой водой. Озеро вместит миллион кубометров воды. Здесь будут пляжи и водные станции.

В «безводном» Харькове сооружаются фонтаны, а в новом сквере «Победа» построен бассейн с беседкой «Стеклянная струя».

Генеральный план реконструкции Харькова предусматривает дальнейшее расширение водоснабжения города.

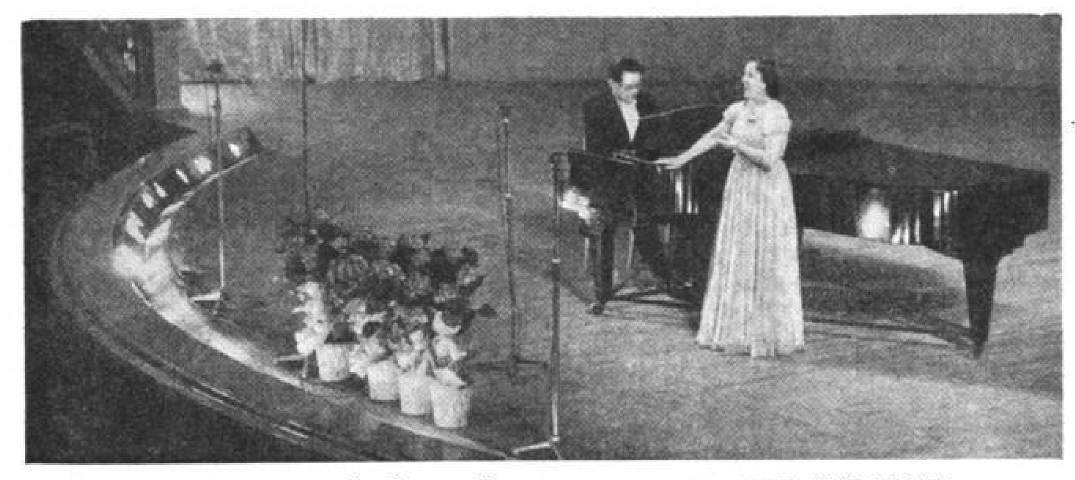
А. КАШТАНОВ

Беседка «Стеклянная струя».

Фото П. Омельяненко

Гости из Чехословакии

Выступление Стефы Петровой в концертном зале имени Чайковского.
Фото Е. Умнова

В этот вечер концертный зал имени Чайковского был переполнен. Москвичи пришли сюда приветствовать дорогих гостей — чешских музыкантов, праздновавших вместе с нами пятилетие освобождения Чехословакии Советской Армией. На эстраде звучали задушевные народные песни Чехословакии, оживали перед слушателями музыкальные образы, созданные чешскими классиками.

Тепло встретила московская публика свою старую знакомую — солистку оперы Пражского национального театра Стефу Петрову. Она известна как обаятельная исполнительница народных песен, арий из опер и оперетт. За эти годы мастерство певицы еще более возросло, сохранив вместе с тем всю безыскусственность и прелесть исполнительской манеры.

Не меньший успех выпал на долю ее товарищей по Пражской опере — Веры Крыловой и Рудольфа Едличка. В. Крылова, обладательница глубокого красивого меццо-сопрано, привлекла симпатии выразительностью пения, артистическим темпераментом, благодарными сценическими данными.

Приятный по тембру баритон, лиричность исполнения характеризуют артистический облик Рудольфа Едличка.

Чешским певцам с большим мастерством аккомпанировал концертмейстер и дирижер Пражского национального театра Франтишек Шквор.

Патриотические произведения чешских композиторов выбрал для своего выступления солист Чешской филармонии Зденек Илек. Фортепианные миниатюры Сметаны и соната Леоша Яночека «1-е октября 1905 года» позволили пианисту продемонстрировать разносторонние исполнительские возможности, виртуозное мастерство. Выразительно прозвучала в заключение «Токката» А. Хачатуряна.

Слушатели долго не отпускали с эстрады своих гостей, единодушными аплодисментами выражая свое восхищение.

К. АЛЕКСАНДРОВА

«Люди, будьте бдительны!»

Это завещание бесстрашного борца за свободу Юлиуса Фучика хранят в своей памяти простые люди всего мира.

«Люди, будьте бдительны!» — так называется недавно написанная кантата чешского композитора Яна Сейдла, посвященная памяти национального героя.

Нам посчастливилось услышать исполнение этой кантаты на первом пленуме Союза чехословацких композиторов, проходившем недавно в Праге. Огромный зал имени Сметаны, в котором шел концерт, был переполнен. В Праге многие знали Фучика, встречались с ним, читали его статьи, книги. Здесь каждый дом, улица могут рассказать о делах народного героя.

Образ мужественного борца предстает в кантате. Сквозь мощное звучание оркестра и хоров как бы доносится голос самого Фучика: «Верный побеждает, изменник изменяет, мещанин отчаивается, герой борется!»

Кантату исполняли большой симфонический оркестр Чешской филармонии, смешанный хор, детский хор, духовой оркестр, орган и солисты-вокалисты. Дирижировал известный чешский дирижер — Карел Шейн. Кантата «Люди, будьте бдительны!» — монументальное эпическое сочинение. Драматизм в ней доходит до трагедийности, сильные героические эпизоды чередуются с нежной проникновенной лирикой.

Талант композитора Сейдла громаден, его кантата займет почетное место в музыке современности. Большинство услышанных нами на пленуме новых произведений говорит о том, что в чешской музыке все больше укореняются реалистические принципы.

Высокой оценки достойны оратория Вацлава Добиаша «Строй родину — укрепишь мир», с ясной, напевной хоровой мелодией и выразительными танцевальными мотивами в оркестровой партии, и кантата молодого композитора Яна Капра «В Стране Советов», посвященная товарищу Сталину, написанная очень взволнованно, искренне, с большим подъемом.

На вопрос «С кем вы, мастера культуры?» чешские композиторы отвечают: вместе со своим народом, вместе со всем прогрессивным человечеством мы боремся за светлое будущее, за демократию, за мир во всем мире.

Кантату Яна Сейдла «Люди, будьте бдительны!» Союз чехословацких композиторов выдвинул на соискание Премии Мира. Эта кантата вновь напомнила обращение Фучика к братьям по борьбе: «Нет другого пути к свободе, к миру и людскому счастью, кроме пути, по которому идем мы».

Арам ХАЧАТУРЯН,
народный артист РСФСР,
лауреат Сталинской премии

Весна на Камчатке

Неприступным бастионом поднимаются из холодных вод Берингова пролива высокие обрывистые берега Чукотского мыса — свидетели давних походов русских мореплавателей Дежнева, Беринга, Чирикова.

Бескрайние просторы покрыты еще снегом, но все явственней ощущается дыхание весны. Теплые ветры колышут воды Тихого океана. Опытные штурманы знакомыми путями ведут корабли к камчатским берегам. Когда-то здесь хозяйничали японцы, теперь это советские территориальные воды.

Многие океанские пути сходятся в Петропавловском порту, расположенном в удобнейшей бухте мира — Авачинской губе, окаймленной величественными горами. Со стороны моря открывается вид на город, порт, Никольскую сопку. Героические русские моряки и солдаты в 1854 году мужественно отразили здесь англо-французский десант. В честь этого события на вершине сопки высится отлитый из чугуна памятник. Былая слава перекликается с сегодняшней: в центре города воздвигнут памятник героям боев за освобождение Курильских островов.

Город вместе со всей страной живет напряженной трудовой жизнью. Строители сооружают новые здания — жилые дома, гостиницу.

В эти дни большое оживление в порту. У причалов разгружаются прибывшие с Большой земли океанские пароходы. Несколько судов забирают товары для рыбных промыслов. Порт — передовое предприятие Камчатки. Сейчас первенство в соревновании держит здесь стахановская бригада грузчиков Дуженкина, выполняющая нормы на двести — триста процентов.

На Камчатке уже началась путина. Люди без устали совершенствуют технику лова рыбы. В Петропавловске живут и работают лауреат Сталинской премии изобретатель тов. Чернигин, новатор-самоучка тов. Усов, конструктор рыборазделочного автомата, которым оснащается сейчас рыбная промышленность. На западном побережье, на Кихчикском рыбокомбинате, бригада депутата Верховного Совета СССР М. К. Власова выступила с предложением: «Добудем сто тысяч пудов рыбы на морской невод». Предложение знатного рыбака горячо поддержали на промыслах.

Советские люди настойчиво осваивают богатства дальнего края нашей страны.

И. КУЛЬЧИЦКИЙ

Встреча друзей

Огромная сцена Центрального театра Красной Армии на два дня превратилась в спортивную арену. Вместо актеров действовали гимнасты, вместо декораций и бутафории зрители увидели спортивные снаряды: кольца, параллельные брусья, перекладину, «коня», бревно.

Товарищеская встреча между лучшими гимнастами СССР и Венгрии была встречей спортивных друзей. Об этом перед началом соревнований заявили руководители команд, это наглядно демонстрировали во время выступлений советские и венгерские гимнасты.

Венгерские гимнасты известны как сильнейшие, первоклассные мастера. Достаточно сказать, что в прошлом году мужская команда Венгрии победила команды Чехословакии и Финляндии. А между тем финны на последних олимпийских играх 1948 года в Лондоне заняли первое место, на этих же играх женская команда Венгрии была на втором месте.

Интерес к матчу между гимнастами СССР и Венгрии был велик.

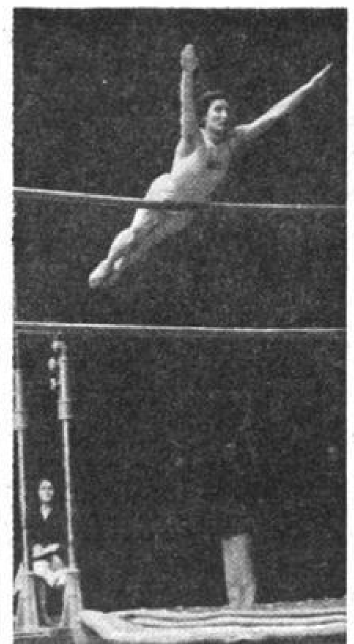
Гости еще раз подтвердили свою репутацию отличных мастеров. Особенно выделялась Агнеш Шарканине. За безукоризненное выполнение упражнения на бревне она получила высшую оценку — десять баллов. А. Шарканине заняла общее второе место, набрав 78,55 балла. Ей двадцать девять лет, она участница многих международных гимнастических соревнований. В прошлом году на международных студенческих играх в Будапеште Шарканине заняла первое место.

— С советскими гимнастами,— заявила Шарканине,— я познакомилась в Будапеште. С тех пор прошло меньше года. Должна сказать, что за этот короткий срок они шагнули далеко вперед. Мне особенно нравятся выступления С. Подуздовой и М. Гороховской.

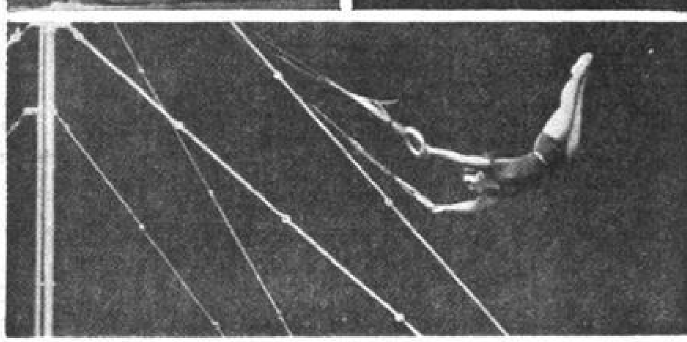
Первое место среди женщин заняла неоднократная чемпионка СССР Галина Урбанович, набравшая 78,8 балла. Среди мужчин победу одержал абсолютный чемпион СССР Виктор Чукарин, на втором месте — Владимир Беляков.

Отрадно отметить несомненный рост молодых гимнастов: москвичей Софьи Подуздовой, Галины Минаичевой и Валентина Муратова. Двадцатилетние Подуздова и Минаичева получили по десять баллов за исполнение вольных упражнений. Студент Московского областного педагогического института Муратов занял первые места в упражнениях на перекладине и в опорном прыжке.

Е. ЕВГЕНЬЕВ

Вверху: А. Шарканине и А. Хорват выполняют упражнения на брусьях. Внизу: Г. Урбанович — на кольцах.
Фото О. Кнорринга

КОРОТКО

ЗВАНИЕ ТЕХНИКА-ТЕХНОЛОГА присвоила 17 рабочим Кировского завода в Ленинграде государственная квалификационная комиссия. Все они окончили Ленинградский машиностроительный техникум при заводе. Большинство из них защитило дипломные проекты на «хорошо» и «отлично». В июне состоится очередной выпуск — 54 человека. За шесть лет существования техникум дал около двухсот специалистов по холодной обработке металла, литейному делу и т. д. Все окончившие работают на Кировском заводе в цехах и отделах.

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ газеты «Автозаводец» отметила общественность города Горького. За годы существования газеты вышло свыше 5 тысяч ее номеров тиражом более 40 миллионов экземпляров. Триста стахановцев, учителей, врачей, партийных и профсоюзных работников — постоянные корреспонденты газеты.

— Я продолжу курс лекций, — сказал Жолио-Кюри.

— Фредерик, мы гордимся вами!

Рассказ об одной лекции

Письмо из Парижа

Юрий ЖУКОВ

Это произошло недавно в самом сердце Латинского квартала Парижа. Здесь, в старинном центре французской науки, в Колледж де Франс, должна была состояться очередная лекция по курсу физики атомного ядра. И в силу чрезвычайных обстоятельств эта будничная лекция превратилась в исключительное событие.

Дело в том, что лекцию читал Фредерик Жолио-Кюри. Это было его первое публичное выступление после того, как правительство Франции захлопнуло перед ним двери комиссариата по атомной энергии и двери лаборатории, в которой он создал первый во Франции «атомный котел».

Об этой лекции мне и хочется рассказать читателям...

...Сюда, к мрачноватому массивному зданию Колледж де Франс, парижане устремились задолго до назначенного часа. Вместе со студентами пришли профессора, рабочие, сотрудники министерств, домохозяйки. И у всех в руках были большие букеты цветов. За час до начала лекции просторная аудитория заполнилась до отказа. В передних рядах сидели седовласые ученые, видные общественные деятели. Повыше шумела и перекликалась молодежь. Опоздавшие размещались в коридорах, на лестницах, в вестибюле, во дворе. Оттуда непрерывным потоком плыли, колыхаясь над головами людей, передаваемые из рук в руки охапки сирени, тюльпанов, роз, гвоздик; лаборантки в белых халатах сначала раскладывали их на большом демонстрационном столе для опытов, потом, когда стол утонул в цветах, начали класть букеты просто в кучу. Этот огромный благоухающий холм все рос и рос.

В 11 часов утра откуда-то снизу донеслось раскатистое троекратное ура и послышался гул рукоплесканий. Волна их все ширилась. Вот уже на лестницах закричали: «Жолио! Жолио!» Вся аудитория поднялась, и, когда распахнулась дверь, началось такое, что описать трудно: шум аплодисментов, крики, пение, дождь цветочных лепестков... На пороге стоял стройный, сухощавый черноволосый человек с тонким, одухотворенным лицом и вглядывался живыми, острыми глазами в лица людей, приветствовавших его. В руке он держал, видимо, только что врученный ему огромный букет тюльпанов.

«Жолио — это мир!», «Верните Жолио!» — кричали студенты. «Фредерик, вы молодец, мы гордимся вами!» — говорили его седовласые коллеги. Жолио-Кюри сконфуженно развел руками и поднялся на кафедру. В зале грянула «Марсельеза». Когда наконец установилась тишина, ученый взволнованно сказал:

— Спасибо, большое спасибо! Мне трудно выразить словами то, что я пережил сейчас, увидев, как дорого дело науки тысячам французов, пришедшим к нам, в Колледж де Франс...

Он глянул на часы, подошел к доске, взял мел и деловито начал:

— Сегодня я буду говорить о бомбардировке атомного ядра протонами и о том, какие она открывает возможности перед наукой. В прошлый раз мы с вами остановились...

Ученый перевел дух, словно ему не хватило воздуха. Видимо, он понял, что начать лекцию так, как он начинал ее обычно, не удастся. И он, отложив мел, вернулся к кафедре:

— Да, я продолжу курс лекций по физике атомного ядра... Теперь, после известных вам изменений в руководстве комиссариата по атомной энергии, — в голосе ученого прозвучала ироническая нотка, — я смогу посвятить чтению лекций больше времени. Вместе со своими помощниками я продолжу и научные изыскания в лаборатории Колледж де Франс, разумеется, в той мере, в какой это позволят ее скромные возможности... Не скрою от вас, что перемены, совершившиеся в комиссариате по атомной энергии, сильно затруднят научные исследования...

Лицо Жолио-Кюри на мгновение омрачилось, но он усилием воли преодолел волнение и продолжал:

— В нашем комиссариате имелось абсолютное единство взглядов. Мы работали над тем, чтобы дать Франции атомную энергию исключительно для мирных целей. И я уверен, что придет время, когда эти работы будут продолжены на благо науки, на благо всех людей.

И далее ученый смело и прямо заговорил о том, почему во Франции наложены путы на науку, служащую мирным целям, почему постоянно урезаются кредиты на нужды научно-исследовательских институтов, почему ученые Франции не располагают элементарными возможностями для творческой работы.

— Мы начали свою деятельность по исследованию атомной энергии сразу после освобождения Франции от гитлеровского гнета, — сказал Жолио-Кюри, — тогда, когда в составе правительства еще были люди, понимавшие интересы науки и ее значение для нации. Этих людей больше нет в составе правительства; их нет там с 1947 года (в 1947 году под давлением США из французского правительства были исключены коммунисты. — Ю. Ж.). С тех пор кредиты на то, что именуют «национальной обороной», непрерывно растут, кредиты на содержание полиции увеличены вчетверо, а кредиты на науку сокращаются. Такова правда, и ничто мне не помешает ее говорить. Я нахожусь здесь, в стенах Колледж де Франс, где на протяжении четырехсот лет творят науку. Наука необходима народу. Страна, которая ее не развивает, неизбежно превращается в колонию. И если бы хотели создать подлинную национальную оборону, — следовало бы начать с развития французской науки, которая вооружает граждан оружием творчества...

В зале загремели аплодисменты. Жолио-Кюри выждал, когда они утихнут, и продолжал:

— Ко мне часто приходят студенты и просят принять их в мою лабораторию. Они с восторгом говорят о будущем науки, о своей готовности отдать все силы ее прогрессу. Это хорошо. Но я хотел бы напомнить о том, что долг ученого не ограничивается самоотверженной работой в лаборатории. Я хотел бы напомнить, что наука в наше время нуждается в защите, и ее надо защищать не только в этих стенах, но и за их пределами.

Жолио-Кюри саркастически улыбнулся и сказал:

— Некоторые хотели бы обойтись без участия в этой борьбе. Конечно, требуется известная смелость для того, чтобы защищать науку. Но если не бороться за дело всей нашей жизни, то как оправдать тогда свое присутствие в лаборатории? Говорят: «Это политика, а мы не хотим вмешиваться в политику». Но, право же, честная политика — это прекрасная вещь, которую хотят дискредитировать из дурных побуждений.

Многие наши коллеги, — продолжал Жолио-Кюри, — люди очень честные, люди, которых я очень люблю, но которые почему-то стыдятся, стесняются выйти из рамок своей профессиональной деятельности, хотя и понимают, что пришло время действовать, что если мы не поднимемся на защиту французской науки, то ее сомнут, уничтожат. Впоследствии они пожалеют о своей нерешительности, но, быть может, будет уже поздно.

Жолио-Кюри на мгновение задумался и потом снова заговорил:

— Я вспоминаю свои встречи в начале тридцатых годов с немецкими учеными: они жаловались на разгул шовинизма, на бесчинства гитлеровских штурмовиков, на то, что правительство не только не укрощает фашистов, но, наоборот, расчищает путь Гитлеру к власти. Я спрашивал немецких коллег: «Почему же вы не поднимете свой голос против фашизма, почему не выступите на борьбу с ним? Ведь вы сами говорите, что фашизм — это конец мирного научного творчества!». Они пожимали плечами и говорили: «Мы политикой не занимаемся. И потом, поймите, — ведь это опасно!..» Вы знаете, что произошло затем в Германии, и я уверен, что честные немецкие ученые не раз проклинали себя за эту свою нерешительность. Я думаю, что об этом полезно иногда вспомнить каждому из нас...

Жолио-Кюри сделал резкий, размашистый жест, точно подчеркнул в воздухе написанную строку, повернулся и подошел к доске. В зале опять загремели овации. Дождавшись, когда установится тишина, ученый повторил фразу, с которой он начал свою лекцию: «Сегодня я буду говорить о бомбардировке атомного ядра протонами»...

Мелок его забегал по доске, одна за другой рождались формулы, схемы. Жолио-Кюри читал лекцию с большим подъемом, захватывая даже тех слушателей, которые были не сильны в физике атомного ядра. Он пересыпал свою речь образными примерами, смелыми аналогиями, рисовал захватывающую картину завтрашнего дня науки, когда не только в лабораториях, но и в заводских масштабах будет осуществляться превращение одного химического элемента в другой, когда по желанию человека можно будет менять самую основу вещества — атом, когда эти операции высвободят такое огромное количество энергии, о каком до сего времени не могли мечтать самые смелые умы.

Как зачарованные, внимали ученому слушатели, и когда он кончил говорить, положил мелок и отошел от доски, десятки людей бросились к Жолио-Кюри, чтобы пожать ему руку. Овация была подхвачена тысячами людей, которые не смогли войти в зал и в течение полутора часов терпеливо ждали в неимоверной тесноте, в коридорах и на лестницах, пока ученый кончит лекцию и пройдет мимо них. В ожидании его собравшиеся в вестибюле провели стихийно возникший митинг, на котором потребовали возвращения Жолио-Кюри в комиссариат по атомной энергии, и все до одного подписались под бюллетенями, воспроизводящими призыв Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия; ведь первым подписался под ним председатель Постоянного комитета Фредерик Жолио-Кюри.

Сердечно попрощавшись с ученым и спев еще раз «Марсельезу», тысячи парижан, собравшиеся в Колледж де Франс, вышли на улицу Школ и двинулись к бульвару Сен-Мишель — главной артерии Латинского квартала. В воздухе гремели лозунги: «Вер-ни-те Жо-лио-Кю-ри! Вер-ни-те Жо-лио-Кю-ри!». Цепь полицейских преградила путь демонстрантам, но была сметена их напором.

Так закончилась эта необычная лекция в Колледж де Франс.

Париж, май.

Прага. Вид на Влтаву и Пражский Кремль с Национального театра.

Памятник советским танкистам — освободителям Праги.

Прага. Площадь у здания филармонии.

По всей стране организованы школы по подготовке рабочей молодежи в ,университеты, которые для нее ранее были недоступны. **Н а с н и м к е:** учащиеся школы рабочей молодежи.

Юноши и девушки новой Чехословакии принимают активное участие в выполнении народнохозяйственного плана. На снимке: молодой специалист на строительстве.

Пейзаж Северной Чехии.

Возделанные поля вплотную подходят к цехам заводов. На снимке: маковое поле у цементного завода в окрестностях Праги.

На ежегодном празднике «Славянского дня» в Словакии.

Цветные фото Ю. Монгловского

ВЫСШИЙ ПРИНЦИП

Рассказ[1]

Ян ДРДА

Рисунки Г. Филипповского

Нас было четверо в купе поезда, вышедшего на склоне январского дня из Праги в Южную Чехию. Пожилая крестьянка в светлом платке то и дело открывала свою объемистую полотняную сумку и перебирала натруженными руками кипу книг, шепотом читая по слогам их заглавия. Плечистый юноша в коричневой шерстяной куртке погрузился в чтение свежего номера журнала «Творба», в котором он иногда что-то подчеркивал карандашом. Худощавый белокурый гимназист с увлечением дочитывал роман «Молодая гвардия». Толстая истрепанная книга рассыпалась, страницы часто падали на пол. А он читал торопливо и страстно, словно стремясь опередить сумерки, медленно опускавшиеся на землю.

Одному мне нечего было читать. Я с удовольствием наблюдал за своими соседями, такими несхожими и все же объединенными одним и тем же бескорыстным влечением к книге.

Книга в новой Чехословакии стала для народа такой же ежедневной необходимостью, как хлеб.

Мне очень хотелось завязать разговор с соседями, но я боялся их обеспокоить. И только когда совсем стемнело и стало невозможно читать, я решился заговорить. Гимназист успел дочитать роман. Он поднял покрасневшие влажные глаза и стал всматриваться в сгущающуюся темноту. На его полудетском лице еще сохранилось выражение торжественной строгости, словно он в этот момент приносил присягу Олегу Кошевому.

Ян Дрда.

Поезд подходил к большой станции, замедляя ход, и буфера вагонов резко звякали, ударяясь друг о друга. Молодой человек в коричневой куртке пробормотал что-то неодобрительное о неумелой езде машиниста. Гимназист, очнувшись от очарования, навеянного книгой, промолвил грустно:

— Мы еще только в Здицах.

— А вы далеко едете? — спросил я.

И тут он назвал хорошо мне знакомый город в Южной Чехии. Хоть я давно там не был, но сердце мое принадлежало этому городу: в нем я провел свою юность.

— Вы гимназист? — спросил я.

— Семиклассник, — ответил он скромно и вместе с тем гордо.

И мне сразу вспомнилась маленькая черная дощечка над коричневыми дверьми, на которой серовато-белой краской была начертана римская семерка. Я даже отчетливо почувствовал запах, царивший у нас в классе, состоявший из запахов мокрого мела, яблочной кожуры и смолистого духа дров, которыми мы щедро набивали старинную железную печку. И я представил себе на пороге класса старого учителя в неуклюжем, измятом костюме от провинциального портного, с рябым лицом, и мне даже послышался его смешной каркающий голос и слова «С точки зрения высшего принципа нравственности...», которыми он обычно начинал свои наставления.

— Как поживает старик Высший принцип? Жив, здоров? — спросил я семиклассника.

Он недоуменно посмотрел на меня.

— Я говорю об учителе Малеке, преподавателе латыни и греческого. Может быть, его по старости уволили?

Гимназист зарделся и возразил:

— Но ведь он... вовсе не старик!

Я смутился: вероятно, речь идет о его однофамильце. Ведь Высшему принципу — так мы называли его в школе — сейчас, по моим подсчетам, никак не меньше шестидесяти, и его сгорбленная спина, наверно, еще больше согнулась.

Но тут вмешалась крестьянка, очевидно, уроженка тех же мест. То, что она сказала, было еще более удивительно.

— Вы имеете в виду господина учителя... то есть товарища Малека? Так он еще совсем молодчина. Он помог нам организовать в деревне сельскохозяйственный кооператив. Когда кто-то из богатеев «забыл» выпустить из тракторов воду, чтобы она замерзла и разорвала радиаторы, он так осрамил их перед всей деревней, что они головы поднять не могли.

Юноша в коричневой куртке, на которой я разглядел значок компартии, покуда молчал, но с явным интересом прислушивался, усмехаясь, к нашему разговору. Вдруг он не выдержал и тоже заговорил, немало удивив меня.

— Разрешите, — иронически сказал он, откровенно радуясь моему удивлению, — разрешите сообщить вам еще одну неожиданную для вас подробность: коллега Высший принцип является членом районного комитета нашей партии.

— Но это действительно он, Высший принцип? — воскликнул я с недоверием, ибо все это показалось мне невероятным.

Тогда плечистый юноша проскандировал с безупречным произношением то место из «Метаморфоз» Овидия, которое профессор Высший принцип, как мне было памятно, очень любил и обязывал всех своих учеников заучивать наизусть:

Первым был век золотой, когда люди, насилья не зная,
Были сами себе и законом, и честью, и правом...

Сразу стало ясно, что молодой товарищ — бывший ученик Высшего принципа. Я не выдержал и перебил его:

Пищу земля им давала тоже свободно и щедро,
Плуга чужда и кирки избегая касаний...

Юноша перебил меня со смехом:

— Теперь коллега Высший принцип относится несколько иначе к золотому веку!

— Вы, конечно, его бывший ученик?

— Да... Я учился в том самом трагическом седьмом классе, из состава которого фашисты в 1942 году расстреляли трех учеников за то, что они с одобрением отнеслись к убийству Гейдриха... Моя фамилия — Горак, по алфавиту я был следующим за казненным Гавелкой.

И так мы все вспомнили о мужественном поступке нашего старого школьного учителя. Во время жестокого разгула фашистского террора, когда нацисты расстреляли трех его учеников, он во всеуслышание заявил перед лицом всего седьмого класса, что он тоже одобряет убийство Гейдриха, ибо убить тирана — это не преступление.

— А что было дальше с Высшим принципом? — спросил я с нетерпением, так как после 1942 года я не имел никаких сведений об учителе Малеке.

— Кое-что могу вам рассказать. Седьмой класс после расстрела наших трех товарищей был разогнан, нас таскали по концентрационным лагерям, а потом послали на принудительные работы в Германию. Во время бомбардировки завода мне и еще двум товарищам удалось бежать. Днем мы прятались, а ночами пробирались в Чехию и в конце концов дошли до родины. Мы были вконец измучены, но нас поддерживал огонь ненависти к нацистам. Мы искали связи с партизанами, которые действовали против фашистов в окрестностях нашего города. Голод и усталость валили нас с ног. Мы никак не могли найти партизан. Только впоследствии мы узнали, как осторожны партизаны. Они знали о нас уже две недели, наблюдали за каждым нашим шагом, но не доверяли нам, так как нацисты подсылали в лес провокаторов.

Однажды, когда мы отдыхали в кустах, нас накрыл врасплох лесничий. Сначала он припугнул нас своим ружьем, а потом велел придти вечером в лесную сторожку. Там нас ждал комиссар партизанского отряда старший лейтенант Водолазов. Подробно допросив, он отвел нас в лагерь партизанской группы, и ее начальник, капитан Олексинский, принял нас в отряд «Серп и молот». Там были советские парашютисты и много чехов. Мы жгли заводы, подрывали железнодорожные пути, уничтожали транспорт. В общем работали неплохо, но это уже другая статья.

Вот тогда-то, в партизанах, я вновь встретился с Высшим принципом. Послали меня как-то на передовой пост, примерно километрах в шести от города. Было это в октябре сорок четвертого, листья уже пожелтели и едва держались на деревьях. Солнце напоследок перед зимой напрасно пыталось согреть землю. Я взобрался на холм, поросший буком. На горизонте туманно рисовались трубы нашего города. Меня охватила тоска. Мне страшно захотелось встретить кого-нибудь из земляков: девушку, прибежавшую на свидание с парнем, старуху, пришедшую в лес по дрова. Хотелось взглянуть на них из буковой чащи и хоть глазами послать привет домой.

И вдруг вдалеке на дороге под холмом я вижу человека. Его походка мне показалась знакомой. Смотрю в бинокль и узнаю... Высший принцип! Трудно передать, с какой быстротой я скатился с холма, забыв о всякой осторожности. Автомат бил меня по груди, ветки царапали лицо, раз я даже упал в яму, где росла ежевика, но Высшего принципа я все же догнал.

Когда я подошел к нему на повороте лесной дороги, он немного испугался. Посмотрел на мой автомат, на мой защитный плащ, снятый с немецкого парашютиста, и только моя штатская шляпа успокоила его.

— Что вы здесь делаете, Горак, и что это у вас здесь?

Он указал тонким костлявым пальцем на мой автомат, словно застигнул меня в классе за чем-то недозволенным.

— Это, господин учитель, извиняюсь, автомат русского образца, — сказал я со смирением школьника, пойманного на месте преступления.

— Отсюда следует, что вы...

— Да, господин учитель, уже несколько месяцев...

И тут этот старик стиснул мне руку и сказал растроганно:

— Спасибо, Горак... Я знал, что в моем классе есть благородные ребята...

Сказал и вдруг смутился, словно сам в чем-то был виноват. Он подарил мне свой перочинный нож, яблоко, которое у него оказалось в кармане, и усиленно навязывал мне свое вечное перо: на всякий,

[1] Этот рассказ является продолжением рассказа «Высший принцип», который советским читателям известен по книге Яна Дрды «Немая баррикада».

мол, случай, — вдруг придется записывать какие-нибудь «данные». Поверьте, я был растроган до слез его заботливостью. Мы провели вместе — это, конечно, была с моей стороны непростительная неосторожность — больше часа в густом кустарнике подле дороги и договорились, что через три дня снова встретимся. Старик меня уверял, что это его «любимая привычка» — совершать продолжительные прогулки в лесу, — и настойчиво допытывался, в чем мы нуждаемся, предлагая принести все необходимое из города. Я назвал ему несколько вещей: подробные карты нашего и соседнего районов, кремешки для зажигалок и, если можно, горсточку чая — наш комиссар давно мечтал о нем. Старик все старательно записал в блокнот. На прощанье он спросил:

— А для освежения хотите что-нибудь из классической литературы? Овидия или Горация? Вы всегда были отличным латинистом...

Когда я рассказал об этой встрече нашему комиссару Михаилу Константиновичу, он меня основательно пробрал и запретил встречаться с учителем:

— Старик не удержит язык за зубами, раструбит на весь город...

Тогда я рассказал комиссару, как Высший принцип публично одобрил убийство Гейдриха. Михаил Константинович с интересом выслушал меня, нахлобучил шапку и сказал:

— Это — другое дело...

Через три дня Михаил Константинович пошел на свидание вместе со мной.

Трудно передать, как они подружились — наш комиссар и учитель Малек. Поначалу они, надо сказать, не поладили. До войны был Михаил Константинович был аспирантом исторического факультета. Через пять минут после встречи он поспорил уже с Высшим принципом о характере античной эллинской демократии — Высший принцип всю жизнь считал ее идеальной. Миша на ломаном чешском языке заявил, что к истории нужно подходить с марксистских позиций.

— Но марксизм, — легкомысленно воскликнул учитель, — это ведь теория опровергнутая!..

Миша побагровел, но сдержал себя:

— А вы читали Маркса? И Ленина? Сталина?

— Нет... — признался смущенно Высший принцип, — но как все утверждают...

— Дураки утверждают, отец! Ты почитай сначала, а потом суди.

Старый учитель был ошеломлен. Он опустил глаза и побледнел. Мне стало жаль этого славного, но наивного добряка. До сих пор голова его была забита платоновыми идеями. Он искренне и убежденно верил, что после Сенеки никто не сказал ничего существенного о нашем мире. После некоторого размышления Высший принцип поднял глаза, в упор посмотрел на комиссара и сказал:

— Прошу прощения. Я действительно сказал глупость. Учение, которое вам дает силу воевать и за нас, — это по-настоящему хорошее учение.

Михаил Константинович был человек глубоко образованный. Направленный в Чехию (его спустили на парашюте), он захватил с собой «Краткий курс» истории ВКП(б). Он пользовался им, как руководством, проводя в минуты отдыха беседы с нами, чьи головы были засорены схоластической школьной премудростью. Вечером в лагере, после встречи с Высшим принципом, Михаил Константинович отвел меня в сторону и сказал:

— Слушай, Володя, надо что-то сделать для старика. Сердце у него молодое...

За четыре месяца жизни в партизанах я заучил две — три сотни русских слов. Михаил Константинович знал примерно столько же чешских слов. С этим багажом в тот же вечер мы начали переводить вторую часть четвертой главы «Краткого курса» — «О диалектическом и историческом материализме».

— Драгоценные сталинские слова! — говорил Михаил Константинович.

Слово за словом в течение восьми дней мы переписали карандашом в школьную тетрадь этот важнейший документ марксистско-ленинского учения. При ближайшем свидании Михаил Константинович вручил его старику.

— Сталин мудрее Платона, — сказал он с улыбкой и поцеловал учителя, как родного отца. Я видел, как дрожали сухие руки Высшего принципа, принимая тетрадь в синей обложке.

Два дня спустя, еще до начала дождливой осенней погоды, наш отряд покинул лагерь. Совершив два ночных перехода вдоль горного лесистого хребта, мы продвинулись на юго-запад и напали на гитлеровцев там, где они меньше всего нас ожидали. Последнюю военную зиму мы провели в непрестанных, почти ежедневных боях. Мы выгнали немцев из лесу и прилегающих деревень. Только к пасхе мы возвратились в наш старый лагерь. Об учителе Малеке всю зиму мы не имели никаких сведений. Михаил Константинович часто вспоминал о нем.

— Ну, как там старик? — спрашивал он меня вечером у костра. — Думаешь, учится?

— Учится, Михаил Константинович, — отвечал я уверенно.

— Ну, посмотрим... Придет время, возьмем город штурмом, а потом проэкзаменуем старика.

Пятого мая на рассвете наш отряд, увеличившийся за последние недели до четырехсот человек, действительно взял город штурмом. Немецкий гарнизон был разбит. Большинство солдат сдалось буквально в нижнем белье. Только эсэсовцы, застигнутые на вокзале при посадке в вагоны, ожесточенно сопротивлялись, отбиваясь из тяжелых пулеметов. Мы передали город под охрану Революционной гвардии, которая была наскоро сформирована под руководством коммунистов из рабочих и мелких ремесленников. Затем мы мобилизовали все грузовики и помчались на юг вслед отступающим эсэсовцам, которые поджигали деревни и убивали женщин и детей километрах в пятнадцати от города. Четыре дня, вплоть до 9 мая, мы вели жестокие бои с беснующимся нацистским зверьем.

Благодаря военному опыту капитана Олексинского и геройской отваге Михаила Константиновича, появлявшегося в самых опасных местах и личным примером воодушевлявшего изнуренных бойцов, мы совершили чудо: разбили эсэсовцев, силы которых вдвое превосходили наши. Мы выгнали их из деревень, положили конец их злодеяниям. Они бежали в леса разрозненными группами, которые мы потом постепенно ликвидировали. Учтите, что добрая половина наших людей не обладала никакой военной подготовкой, что многие из нас вначале считали эсэсовцев какими-то неуязвимыми существами, что эти профессиональные убийцы значительно превосходили нас обилием тяжелого оружия... Но, руководимые Михаилом Константиновичем, мы не знали ни страха, ни усталости. Его пламенная энергия, его ненависть к врагу наполняли героической силой наших неопытных, но мужественных ребят. Девятого мая, в три часа дня, мы уничтожили последнюю эсэсовскую шайку. Стрельба в лесу прекратилась. Изредка только раздавались единичные выстрелы.

Штаб капитана Олексинского расположился на опушке леса, на холме, покрытом низким кустарником. Этот холм называли «Виселичным». Как рассказывали старожилы, полтораста лет назад императорские мушкетеры повесили здесь сто зачинщиков крестьянского бунта.

Километра за четыре от нас, на открытой местности, пролегало большое шоссе. Даже простым глазом было видно, как в беспорядке бегут по нему расстроенные автомобильные и танковые колонны фашистов. Они стремились на юго-запад, к американцам. Капитан Олексинский, не отрывая бинокля от глаз, изучал положение. Нам было ясно, что наше дело еще не кончено и что мы должны ударить по бегущему врагу...

Внезапно Олексинский, отличавшийся невозмутимым спокойствием даже во время тяжелых боев, взволнованно вскрикнул. Мы рвали друг у друга из рук трофейные бинокли.

— Наши! Наши! Танки! — кричал Олексинский.

Мы, затаив дыхание и еле держась на ногах, смотрели на шоссе. На дорогу ворвалась мощная колонна серо-зеленых могучих танков с красными флагами на башнях, налетела на задние немецкие машины и с ходу, словно железным кулаком, буквально сметала их с дороги. Фашисты в ужасе сами съезжали в канавы, пытались бежать в поля и луга. Но советские танки, не замедляя хода, расстреливали в упор панически разбегавшихся фашистов.

— Ура! Ура!! — кричали мы, чуть не плача от радости, махали шапками и приветствовали русских залпами в воздух.

Никто из нас не заметил, что Михаила Константиновича не было среди нас. Только когда два автоматчика молча поставили у ног Олексинского самодельные березовые носилки, мы разом глянули на них и сердца наши пронзила острая боль.

Наш комиссар в своей линялой гимнастерке лежал на березовых светлозеленых ветках с простреленным животом и неподвижными руками. Последний нацистский дьявол пустил в него из укрытия длинную очередь. Глаза Михаила Константиновича были широко открыты, на губах застыла его обычная, приветливая и вместе с тем гордая улыбка.

— Погляди, родной...— Капитан Олексинский приподнял комиссара и приложил к его глазам бинокль.

Видно было, как умирающий собрал все свои силы, чтобы глаза его сумели еще раз посмотреть.

— Красная...— прошептал он; казалось, ему стало легче. Он выскользнул из рук капитана, голова его упала на березовые листья. Последнее, что он увидел в своей жизни, было победоносное знамя его родины.

Крестьяне из освобожденных деревень хоронили наших павших товарищей на своих маленьких кладбищах. Но комиссара мы хотели похоронить в нашем городе. Капитан разрешил нам. Мы обили деревенскую телегу новыми липовыми досками, покрыли павшего чехословацким флагом, который дал нам деревенский учитель, и, окружив этот катафалк двумя рядами автоматчиков, направились по полевым дорогам в город.

Несмотря на то, что этот день 9 мая 1945 года был самым торжественным и радостным днем в истории нашей родины, днем окончательного освобождения и начала новой жизни, мы возвращались домой с влажными глазами и жгучей болью в сердце.

В тот же вечер под кустами цветущей сирени в городском парке мы хоронили Михаила Константиновича Водолазова, старшего лейтенанта Красной Армии и комиссара партизанского отряда «Серп и молот». Он лежал в открытом гробу из нестроганных досок, сверкавших белизной, и, казалось, улыбался даже после смерти. Сотни женщин и девушек из рабочих кварталов приносили к гробу букеты цветов, преклоняли колени, целовали покойника в ясное чело, как целуют дорогого сына и брата.

В молчаливой, тихо плачущей толпе вдруг увидел я старого учителя. Он пробился сквозь толпу женщин и шахтеров, приблизился к гробу и склонил голову. Казалось, он никого не видел вокруг себя. В глубокой задумчивости смотрел он на ясное, улыбающееся лицо Михаила. И только когда начался погребальный обряд, он отошел в сторону. Капитан Олексинский произнес короткое надгробное слово. Ему, чьи громовые команды перекрывали шум битвы, сейчас не хватало голоса и дыхания. Я подошел к Высшему принципу и прошептал:

— Господин учитель, скажите, пожалуйста, несколько слов от имени населения...

Высший принцип посмотрел на меня, словно не узнавая, но потом кивнул головой. Он шагнул к гробу и голосом, изменившимся, глухим, но все же проникновенным, доходящим до самого сердца, сказал:

— Клянемся... Клянемся в этот священный час освобождения... перед лицом этого храбрейшего из храбрых, героя-освободителя...— Его патетически напряженный голос перешел в рыдание.

По команде капитана Олексинского мы дали тройной траурный салют. В то время как грохотали выстрелы и, медлительно кружа, падали каштановые листья, пробитые пулями, сотни женщин и мужчин подняли правую руку. Ладони и вытянутые пальцы светились в наступающих сумерках. И мне показалось в ту минуту, что у всей этой громады рабочих людей одно огромное сердце, такое сердце, какое билось в груди нашего комиссара. И не было в этой массе народа никого, кто не понял бы недосказанных слов присяги: клянемся, что будем достойны великого освободительного дела, что свободу и независимость, за которые была пролита братская советская кровь, мы всегда будем защищать; мы клянемся в верности вечному братскому союзу с нашим освободителем — славным советским народом...

Минуты торжественной присяги разрядили скорбную атмосферу. Глаза у всех горели воодушевлением, нежностью и решимостью, все были точно наэлектризованы. Позже я понял, что на этих партизанских похоронах, во время этой недосказанной клятвы, родились новые кадры нашей, вышедшей из подполья, окровавленной, но бессмертной коммунистической партии.

Через три дня я уже работал в комитете партии и принимал заявления о вступлении в партию. Когда я спрашивал людей, в большинстве случаев рабочих-шахтеров и изнуренных работой женщин, почему они решили вступить в партию, многие отвечали мне так: «Я уже давно собирался... а во время похорон комиссара...» Когда я теперь встречаюсь с этими товарищами, честными, самоотверженными, простыми работниками партии, мне всегда припоминается светлый облик Михаила Константиновича...

* * *

Крестьянка, до сих пор молча слушавшая, раскрыла свою поношенную сумку и, показав красную книжку с золотой звездой, застенчиво сказала:

— Я тоже... с мая месяца... состою членом нашей партии!

Тихой гордостью засветились ее голубые глаза.

— Ну, а наш Высший принцип,— продолжал Горак своим спокойным голосом,— тоже подал заявление о приеме в партию.

Смущаясь, он спросил у меня, можем ли мы его принять — ведь он так много заблуждался в жизни. Я сказал с какой-то школьнической горячностью:

— Что вы, господин учитель, для нас это будет честью...

— Ни в коем случае,— поправил он меня, строго, по-учительски грозя пальцем, словно я сделал грубую ошибку,— для меня это будет честью, если меня партия примет...

Поезд уже отходил от станции, предшествующей городу, где живет учитель Малек. Горак принялся надевать пальто. До остановки оставалось пять минут. У меня вдруг возникло желание узнать удивительную историю человека, который на склоне лет так жадно устремился к правде.

— Рассказывать можно было бы еще долго...— с улыбкой ответил Горак.— Товарищ Малек — один из наших лучших агитаторов. Его теперь никто не называет Высшим принципом. Он уже не употребляет своего знаменитого изречения. И именно с тех пор, когда по-настоящему постиг высший принцип нравственности. В школе, где он преподает, им сделано очень много. Своим авторитетом он уберег молодежь от влияния реакционеров. Разумеется, он выдержал жестокие схватки с ними. Не обошлось без инцидентов. Вы сами ведь знаете, как реакционеры начали поднимать голову, когда они немного пришли в себя. Вот, например, какую стычку имел Малек с небезызвестным пронырой Матоушеком, который в гейдриховские времена обратился к Франку с подхалимским письмом. Инцидент случился в сорок пятом году, перед выборами. Матоушек, бывший тогда, конечно, приверженцем Зенкля, поднял в учительской шум, говоря, что нужно агитировать против коммунистов, так как они-де ограничивают гражданскую свободу и права. Малек, говорят, только насмешливо улыбнулся и сказал:

— Но ведь вам лично эти ограничения не могут причинить никакого вреда. Вы и так человек ограниченный!

Вся учительская расхохоталась, даже, говорят, смеялись лидовцы и зенклевцы. Матоушек требовал сатисфакции и суда чести. А товарищ Малек отрезал:

— Бесчестному коллаборационисту не место на суде чести.

...Раздался протяжный гудок паровоза. Поезд подъезжал к станции. Только сейчас, прощаясь с нами, крестьянка рассказала, что она возвращается с зимнего отдыха, который проводила в Праге. Горак пожал мне руку и вышел из купе. Но вдруг, уже сходя на перрон, крикнул:

— Если хотите видеть Малека собственными глазами, пойдемте со мной. Через час я вместе с ним выезжаю на собрание в село Велмержицы.

Я махнул рукой на все свои планы и мысленно попросил прощения у друзей, которые тщетно будут ждать меня. Через четверть часа я входил в районный комитет партии.

— Товарищ Малек просил передать, что он пошел в Велмержицы. А ты должен приехать за ним,— сообщил дежурный товарищ.

И вот мы едем в темноте по ухабистым проселочным дорогам на старой тарахтящей машине «Шкода». Где-то впереди на берегу реки находится село, в котором местный поп-реакционер давно уже подрывал нашу созидательную работу коварным нашептыванием и застращиваньем прихожан.

На седьмом километре лопнула задняя рессора. Мы застряли в лесу. Больше половины пути сделали. Не возвращаться же! Дойдем пешком!

Полтора часа шли мы в темноте. Горак не говорил ни слова. Он шел впереди быстрым и ровным шагом и, видимо, размышлял о работе в селе, к которому мы приближались. Его, вероятно, сердило немного

то, что он опаздывает на собрание, а может быть, он жалел, что так необдуманно связался со мной.

В девять часов вечера мы прибыли в Велмержицы. Маленький зал трактира был так переполнен, что, казалось, яблоку негде упасть. Здесь сидели один к одному безземельные крестьяне, каменщики, дровосеки, сплавщики плотов, люди, изнуренные тяжелой работой на малоплодородных, каменистых полях, суровые, недоверчивые и молчаливые. Им случалось запрягать в плуг собственных жен. На собственных спинах таскали они тяжелые корзины с навозом на крутые склоны, куда никогда не ступало конское копыто. Они сидели на широких липовых лавках и хмуро и подозрительно поглядывали на председательский стол. Жены робко жались к окнам. Они до сих пор не привыкли к новым порядкам и не осмеливались сидеть рядом с мужчинами.

На правой стороне у прилавка стоял дубовый стол, покрытый голубой вышитой скатертью. За столом сидели десять кулаков, издавна державших в руках всю эту глухую деревеньку. Им принадлежали все плодородные земли в долине реки, все лошади, молотилки, все машины в деревне и, наконец, люди, к беспрекословной покорности которых они привыкли с давних пор. Здесь же восседал их естественный союзник — поп, сорокалетний, плешивый, откормленный служитель премонстрантского ордена. До февраля 1948 года он сам был кулаком, владея тридцатью гектарами плодородной церковной земли.

Только через несколько минут я пришел в себя, убедившись, что оратор — это коллега Высший принцип. Внешность его не изменилась. Быть может, только прибавилось седины. Костюм был такой же мятый и неуклюжий, как пятнадцать лет назад. И все же это был совершенно другой человек. В нем ничего не осталось от прежнего смешного чудака, дряхлого, раздавленного жизнью человека.

Я понял, почему гимназист в поезде не считал его стариком. Голос, лицо, все повадки Малека дышали гордым достоинством, победной силой убеждения.

Сначала я слушал, не вдумываясь в смысл его речи, так удивительно было его преображение. Я наблюдал. Никогда в жизни я не видел его таким. Слушатели, показавшиеся мне поначалу хмурыми и замкнутыми, внимали ему с жадной сосредоточенностью, подобно тому, как потрескавшаяся от жары земля впитывает в себя живительную влагу.

— Отчего разбогатели те, кто теперь препятствует вам стать членами кооператива? Не от своей земли, хотя они и захватили самую плодородную, самую лучшую! Они разбогатели потому, что вы на них работали от зари до зари, из года в год! Они вам ссужали на два — три дня работника и пару лошадей, но за это вы должны были трудиться на их полях круглый год. И не только вы, но и ваши жены и дети! Что уродилось бы без вас на их плодородной земле? Лебеда, дикая редька, пырей да чертополох... Или вы думаете, что они могли бы разжиреть, питаясь одной землей?

В зале кто-то робко засмеялся. Поп-премонстрант строго оглядел аудиторию и сделал протестующий жест. Кое-кто из женщин опустил глаза. Товарищ Малек, не прерывая речи, заметил эту немую сценку. А когда поп повторил свой жест, Малек обратился прямо к нему:

— Вы протестуете, господин Медуна? Против чего? Против богачей, как вас учит священное писание? Против нехристианского обращения с людьми?

— Я протестую против вашей демагогии! Мы жили здесь и без вас в довольстве...— воскликнул поп. От волнения он даже взвизгнул.

— Вы лицемерный человек, Медуна. Сожалею, что вы были моим учеником,— сказал с презрением учитель Малек.— Вы злоупотребляете своим положением. Вместо проповедей вы ведете в костеле пропаганду против республики, против трудящихся, против собственного народа, сыном которого вы являетесь!

— Вы оскорбляете!..

— Я никого не оскорбляю, Медуна. Я только разоблачаю темноту и злобу, которыми наполнены ваша душа, ум, сердце. Труд этих людей кормит и одевает вас. А вы хотите, чтобы они и впредь прозябали в нищете и крепостной зависимости. Тут есть люди, которые живут в полном довольстве, не правда ли? Особенно те, кто сидит рядом с вами за одним столом. Вы у них на роли советника. А мы будем давать советы всем остальным, и, будьте покойны, это будут правильные советы. Вы были довольны, но нас это не устраивает! И мы не успокоимся, пока совершенно не освободим трудящегося человека, пока не избавим его от угнетения, эксплуатации, пока не избавим его от нужды и болезней!

Когда Малек закончил речь, в зале на несколько секунд воцарилась глубокая тишина. Затем эти люди — сплавщики, каменщики и безземельные бедняки, не привыкшие проявлять свое одобрение аплодисментами, суровые, неразговорчивые,— молча поднялись со своих скамеек, окружили стол президиума.

— Я подпишу,— сказал первый из них,— видно, что это наш человек.

Своими грубыми руками, до крови разодранными на изнурительной работе, они друг за другом подписывали договор об учреждении сельскохозяйственного кооператива.

Поп направился к выходу. Поровнявшись с женщинами и считая, что он находится в безопасном отдалении от коммунистов, Медуна перекрестился и лицемерно вздохнул:

— Готовится деяние адское...

И вдруг одна из женщин, преждевременно поседевшая крестьянка, сказала:

— Да я лучше с ними в ад пойду, чем с тобой, с гадюкой, в рай!

Собрание кончилось. Вместе с товарищем Малеком мы вышли на улицу. Он крепко пожал мне руку.

— Плохо я вас учил, плохо... Я обращал ваши глаза к прошлому вместо будущего. Ты помнишь, как я заставлял вас учить наизусть: «Первым был век золотой...» Эх, как все это было глупо! Мне надо было побольше присматриваться к тому, как живет народ. Люди собирали лесные ягоды, грибы, чтобы заработать грош на пропитание, жарили желуди и варили из них горькую бурду, собирали колосья и дробили зерна вручную, в ступках, чтобы испечь детям лепешку... А мы прославляли и поддерживали эту нужду и тьму беспросветную, мы помогали хищникам, эксплуататорам...

На небе ярко светили чистые золотые звезды.

— Почти до шестидесяти лет я жил, как слепой... как крот. Ученый крот. Только потом я прозрел... Правильный путь мне показали наши освободители... Советские люди... Сталин!

Он положил руки мне на плечи, притянул к себе и спросил строго, как учитель:

— Ты читал «Краткий курс» истории ВКП(б) ?

— Читал! — ответил я.

— Помнишь место, где Сталин говорит об Антее? Ты понял? Впервые в жизни я чувствую себя молодым... Только теперь, после того как я прожил на свете шестьдесят лет. И это потому, что меня уже ничто не оторвет от народа, потому, что я живу с народом, работаю для народа и для партии.

Люди шли мимо нас, расходясь с собрания. Все снимали шапки, прощаясь со старым учителем. Они ему доверяли, несмотря на то, что они видели его впервые. Его морщинистое лицо светилось радостью.

— А золотой век,— сказал вдруг он решительно,— будет! Я верю, что увижу его собственными глазами. Я все-таки проживу еще несколько лет. Коммунизм победит! Светлый человеческий разум победит! Люди переделают поверхность земли, используют силу рек и морей, заставят солнечную энергию двигать машины, обработают скалы и пески, утеплят полюсы, искоренят болезни, победят смерть! Дайте ход фантазии, вы, писатели, пусть она взлетит высоко, как сокол, расскажите людям, что будет завтра и в далеком будущем! Покажите всю красоту и славу рода человеческого!

И его рука с длинными пальцами, взволнованно вытянутая в пространство, словно с уверенностью ощупывала будущее. Рука, которая присягала у тела комиссара. Рука, которая неустанно будет бороться за окончательную победу народа.

Перевод с чешского

О радости

Милан ЛАЙЧАК

1

**От радости,
Которой нет конца,
Сердца у нас
Сильнее биться стали:
Как дети любят
Своего отца,
Мы любим Вас,
Родной товарищ Сталин!**

**Пласты руды
Ломая в рудниках,
Мы вместе с Вами,
Наш учитель мудрый,
Уверены:
Везде, во всех краях
Взойдет, сияя,
Коммунизма утро!**

**Своей свободной родиной
Горды,
Растем в рабочей доблести
И славе:
Мы сотни тысяч тонн
Простой руды
В станки невиданные
Переплавим!**

**Поют о радости
Поля моей земли,
Заводы наши
Счастьем засверкали, —
То Ваши воины
Нам счастье принесли.
Спасибо Вам,
Родной товарищ Сталин!**

**Мы верим в радость.
Нам она, как щит:
В сражения
Мы с нею шли без страха...
Пусть эта радость вечная
Горит,
Как солнце
Над вершиною Герлаха![1]**

Перевел со словацкого
Бронислав КЕЖУН

2

**Есть любовь,
Старой русской березе
подстать,
Белой, прекрасной
На снежной равнине.
Так нежно
Только может встречать
Та женщина,
Что век не покинет.**

**Ах, старые ветви!
Я под вами мечтал,
Книги читая...
Кристальные строки!
В татранских долинах
Средь алеющих скал
С ними сравнил бы
Источник глубокий.**

**Я любовь в тайники
В дни грозы заключил,
Блеск молнии верность
В сердце не выжег.
Человек, как гора:
Долго, долго молчит,
А потом сбросит тучи
И становится выше.**

**Я читал его книги,
Глубокою силой
Сверкали в них строки,
От которых мы крепли.
В них была наша правда,
Пламя светлое било —
Это выросло пламя
Из искорки в пепле.**

**Сердце бой закалил —
И в жизнь оно верит:
Самая большая любовь
Не требует слов.
Знаем мы, что на свете
Ничем никто не измерит
Самую великую —
Сталинскую любовь...**

**Говорю о любви,
А думаю о березе,
О ваших тихих лесах,
Будущие века!
Человек встанет утром —
За окнами не предгрозье,
Услышит под сводами хаты,
Как рядом поет река.**

Перевел
Анатолий КУДРЕЙКО

[1] Пик в Татрах.

УЧИТЕЛЬ

Рассказ молодого рабочего

Конст. МУРЗИДИ

Рисунок О. Верейского

Лет шесть или семь тому назад строили мы обогатительную фабрику на железном руднике в Тигеле. Хорошо ребята работали. Особенно наша бригада вперед рванулась. Был я тогда совсем еще молодым верхолазом, но очень уж хотелось мне первое место завоевать. Считанные дни оставались до конца работ, как вдруг мастер и говорит:

— Придется тебе, товарищ Кудрявцев, на один денек от монтажа отвлечься...

— В какую это сторону?

— Давно бы надо на трубе громоотвод перемонтировать. Весенние грозы скоро...

Вскинул я голову, огляделся. В небе — сизые тучи, высоко не смеют подняться, а понизу ходят, крепости набираются.

— Мое ли это дело, товарищ мастер?

— Не совсем твое — это верно. Тут бы Лопатину поработать.

— Именно!

Сережка Лопатин, мой дружок, был у нас специалистом по громоотводам. Выше его никто еще в небо не взбирался из нашей бригады.

Бывало, пробегает по заводскому двору иная девушка и вдруг услышит пение. Остановится, поглядит во все стороны: никого не видать,— а песня еще веселей разливается. Идет девушка дальше, прислушивается, оглядывается, а потом, словно кто надоумит ее, глянет вверх, в синее небо. А «соловей»-то на трубе громоотвод ставит. Засмеется она и еще рукой помашет: всего, мол, доброго!

Ему бы этим громоотводом заняться. И, конечно, занялся бы, если б на курсы не уехал.

— Не ждать же Сережку! А лето, по всему видать, грозовое будет. Тучи-то, глянь, какие... Скоро до нас доберутся.

Пожал я плечами. Молчу.

— И ты тоже нахмурился, не веселей неба...

Думал мастер, улыбнусь. Когда человек улыбнется в споре, считай, что сдался. Но я твердо решил держаться и еще больше нахмурился.

— Подумай все-таки, а завтра скажи.

— Боюсь я. Высота-то какая! Может, кто другой возьмется?

— Не стал бы я тебя просить, если бы не шел ты впереди других. Один день — потеря небольшая. Нагонишь, управишься.

Пошел мастер, а на прощанье еще раз попросил:

— Подумай!

А чего мне еще думать! И так все ясно. Об одном только и думал я тогда: как бы свой план перевыполнить. Все к тому нацелил. А тут этот громоотвод... Крепко мне хотелось вперед выбиться. Не для славы, а так вообще. Ничего в этом особенного нет. Законное желание. А все же мастеру правды не сказал. Оттого и упирал на то, что высоты побаиваюсь. Не привык, мол, еще. Как бы не сорваться.

Шел я домой и думал, с камня на камень перепрыгивал.

Тут и повстречался я со старым своим дружком Мишкой Тихоновым. Мы с ним вечернюю школу вместе кончали. Давно мы не виделись. Загляделся я на рудничные горизонты и чуть не споткнулся о Мишку — он сидел на корточках и рельсовые скрепления подвинчивал. Глянул он на меня сердито, но, признав, обрадовался.

Гляжу я на него, все такой же: вихрастый, веснушчатый, жилки на лбу рогаткою — упрямый.

Вот кому, думаю, надо рассказать про свою неурядицу! Этот меня поддержит. Доведись ему самому, он уж нашел бы, что сказать мастеру. Всегда за свое крепко держался. То, что ему положено, в точности делал. А за чужое и взяться, бывало, не заставишь.

Так и решил. Но сразу рассказывать не стал.

Затянулись дымком. Оглядел меня Мишка, хлопнул по плечу в полудгра и назвал, как прежде, конструктором по небесной части.

— Да, разные мы с тобою! — ответил я. — Один в небеса стремится, а другой под землю уходит. Говорили мне знакомые ребята, что ты работаешь слесарем в шахте.

— Было такое дело. А теперь вот, сам видишь, болтики на узкоколейке подкручиваю. Свежим воздухом дышу. Приказано! — Усмехнулся, помолчал, а потом махнул рукою: — Все равно к своим ребятам в шахту пойду! Я ведь в скоростной проходческой бригаде работал. Да вот происшествие случилось... Собрался начальник шахты в дальний забой, в заброшенную выработку, посмотреть механизацию: нельзя ли что годное в рабочие забои перебросить. Решил и я с ним пойти. Мог бы и не ходить. У меня своего дела хватало. Но понимал я, что одному ему идти в такое место все-таки опасно. Вдруг что случится, помочь некому... Пошли, да и увлеклись и не заметили, что кое-где крепления подгнили, — выработка-то ведь старая. Рухнуло что-то за нами. Обернулись — породой ход завалило... Часа через два вызволили нас, посоветовали сразу наверх подняться. Начальник шахты пошел и мне приказал, а я не послушался приказа. Принялся вместе с другими очищать ход, крепить породу. Потом осмотрел узкоколейку, наметил, какие звенья перебросить в рабочие забои и только ухватился за прямое свое дело — вдруг звонок от начальника: как узнал, что я и не собираюсь до конца смены из шахты уходить, еще раз приказал вывести меня под руки и на медпункт послать. Пришлось подчиниться. Пошел я по штреку и тут только почувствовал, что походка у меня нетвердая, спотыкаюсь да и дышу тяжеловато. А на поверхность вышел — воздухом захлебнулся... Посоветовал мне врач с недельку отдохнуть. Не согласился я. Пришел к начальнику шахты: выручайте! Поругал он меня, созвонился с врачом. И тут же перевел меня на поверхность. «Приказываю свежим воздухом подышать!» Вот и дышу. Такие мои дела. А у тебя как? Ты что-то не совсем веселый...

Тут бы мне и рассказать про свое. Но почему-то не решился я. Почему — и сам не знаю.

— Нет, ничего... Все в порядке!

— Верно? Завидую!

Докурил Тихонов, посмотрел поверх рудных отвалов, туда, где виднелась вершинка шахтного копра. Понял я его, улыбнулся, посоветовал не отчаиваться:

— Возьмешь еще свое.

— Возьму! А что ты думаешь! — сказал Мишка. — Забегай вечерком. Рудничная улица, дом пятнадцатый.

— Разбогател? — удивился я.

— Женился!

Начал я поздравлять своего дружка, а он отмахивается:

— Вечером поздравишь.

На том и порешили.

Повернул я за скалистый выступ, подумал да обходной тропинкою назад, на строительную площадку, бегом. А про Мишку подумал: «Не дождеться тебе гостя сегодня вечером!»

Мастер оказался на месте. Вскинул на лоб очки. Удивился.

— Забыл что-нибудь? — спрашивает.

— Ничего не забыл, — отвечаю. — Надумал я!

Затаил мастер улыбку:

— Когда начнешь?

— Считайте, что уже начал, раз пришел.

— Завтра бы лучше. Все-таки целую смену проработал на такой высоте. Отдохнуть не помешает.

— Нет уж, решился,— так все!

— Темновато становится, Яша.

— Факел зажгу!

...До глубокой ночи провозился я с громоотводом, при огне работал. Говорили потом ребята, что горел мой факел вровень с другими рудничными огнями. Любо, мол, было поглядеть издали. Может, и пошутили ребята. Кто их знает! А все же приятно стало после таких слов.

Пока я на трубе сидел, мастер на небо поглядывал: не собираются ли тучи. Как будто он мог отогнать их в случае чего...

С делом справился. А к Мишке Тихонову лишь на другой вечер попал.

Вышел на Рудничную, разыскал пятнадцатый номер. Домик новенький, деревянный, с резными узорами.

Только загремел кольцом калитки, а Мишка уже с крылечка сбегает:

— Где это ты запропастился? Давно ждем. Со вчерашнего вечера...

Растерялся я малость, едва слова подходящие нашел:

— Совсем было к тебе собрался, да вдруг по срочному делу вызвали... громоотвод ставить.

— Так это ты вчера на трубе сидел с факелом?

— Я.

— Красиво было с крылечка поглядеть. Машенька даже сказала: «Смотри, еще чья-то звездочка в нашем горняцком небе зажглась!»

«И верно, — подумал я, — звездочка!»

Огляделся вокруг и вижу: оба веселые: что домик, что хозяин. Спрашиваю:

— Сам строил?

Как весна приехала на танке

Мария ПУЙМАНОВА

С добрым утром, Пеничка, с добрым днем!
Встань, моя зорька!
Дышит поле майское за окном,
за незатемненным и зорким,
глянь, как ветер впутался сходу
в шелковые волосы всходов,
и бегут подружки с пригорка...

Помнишь, помнишь ли ты, девочка, скажи,
как на баррикады
против смерти, против рабства, против лжи
Прагой шли отряды!
Как поднялся наш разгневанный народ
против свастикою меченных господ!
Это помнить надо!

Шли, как львы, на битву бедняков колонны.
Лучше рабства, дочка, смерть у баррикад.
Голодали ружья — не было патронов,
а у черных с черепом — пулеметы в ряд!
Вырывала Прага камни из портала!
А из туч—стервятники! Визг и гром металла!
Судный день над городом, ночью — ад!

Но к рассвету город, ночь прожив без сна,
раненный жестоко,
увидал: на танке катит к нам весна
по шоссе, с востока!
Пахнет маем, Пеничка, нефтью, дочка,
где весна проедет — лопаются почки,
ручейки спешат к водостоку!

Ну, а май по крутоярам
мчится к Праге, как солдат!
У весны в руке фанфара,
или это автомат!

Люди толпами — за нею,
обнимаются, пьянея,
и за жизнь благодарят!

«Мы пробились от Опавы»...
«Мы спешили из Берлина»...
...Смех и кровь и песни славы —
все смешалось воедино...
Пыль закрыла горизонт,
едет Украинский фронт —
воли сталинской лавина!

О, страданья Приднепровья!
Киев и Донбасс в пожаре!
Там Крещатик вымыт кровью,
в сердце боль о Бабьем Яре...
Но, идя по зову пражских баррикад,
как спаситель, входит в Прагу Сталинград.
Здравствуй, брат!

Храмы Праги не лизать огню!..
И в дымке бензина и сирени
девочку, поднявши на броню,
воины сажают на колени.
«Прокатить!..» На платьице смешное
пятнышко ложится нефтяное,
дружит с танком веточка сирени!

...С добрым утром, Пеничка! После сна
выгляни в окно, весну послушай.
К нам на танке въехала весна.
Значит, слава танку и «Катюше»!
И рукам, рукам, что их ведут!
И идеям тем, что нам несут
радости невиданную меру.
Сталинскую солнечную эру!

Перевел с чешского М. МАКСИМОВ

Жаворонок

Иван СКАЛА

Ты дух возносишь мой сейчас
над далью времени бескрайней,—
не счесть на пальцах, сколько раз
я с небом слиться жаждал втайне,
чтоб звезды, птицы, облака
в полете мне друзьями стали,
чтоб радугой была строка,
пред словом тучи отступали.
Но у подножья высоты
следил я за тобой с тревогой:
с небес домой найдешь ли ты
с моею музою дорогу,
не проскользнут ли под крылом
поля, где всё— в мечтах о хлебе,
прольется ль жар твой серебром
на борозды, сверкая в небе!

Ты в вышине светил, блистал,
поющий родины кристалл,
крыло о солнце зажигал,
летел к земле, где я шагал.
Земля — едва скажу о ней,
увижу села, реки, горы,
там блеск лучей—в глазах людей,
там вышел трактор на просторы.
Там песню милую цикад
напоминает ритм динамо.
Из тысяч уст услышать рад:
— За счастье боремся упрямо!
Я песнь о Чехии моей
певучей картою раскину,
несу на крыльях радость дней,
как ты, пока не рухнешь в глину.

Перевел с чешского Анатолий КУДРЕЙКО

Пражская весна 1950 года

Витезслав НЕЗВАЛ

На Влтаве уже ломается лед,
в Праге синие блузы уже запестрели.
А дрозд свой кларнетик настроил и шлет
в окна Аничек, Янов веселые трели.

Влтава, река всех чешских рек,
от мостов полосатая, на зебру похожа...
Здесь исчезли со старых улиц навек
фабрикант, и помещик, и нищие тоже.

У Града стою и смотрю не дыша,—
это флаг пролетарского президента.
Не дипломаты в цилиндрах спешат,
не те, чье богатство — владения, рента.

Теперь ни одной из вечерних газет
искать ни убийств, ни сенсаций не надо.
Ударники — герои, бездельники — нет,
и сердце у каждого этому радо.

Со старых улиц событий ход
смел шайку буржуев — не стало обузы,
и песни молодости поет народ,
песни веселые, как синие блузы.

О, Прага, как ты прекрасна сейчас,—
красочней пасхальных яиц и гостинцев!
Холодной царевной тебя называли не раз,
а как полюбила советских бойцов — пехотинцев,

танкистов, пришедших сюда, где вокруг
откликаются башни звоном столетий!
Генералиссимус мира, великий наш друг
с плакатов твоим улыбается детям.

Кружить не посмеет фашистский пилот
над Староместской — подальше проводят!
В дорогу за счастьем вышел народ,
в ворота твои он, как в оперу, входит.

Это не опера старых времен,
что мишурою одною блистала.
Вырос народ твой, и в опере он
сам дирижер, — его время настало.

На Влтаве уже ломается лед,
и залой концертной Прага запела.
Да здравствует Прага и знамя несет
на Петржине в день завтрашний смело!

Перевел с чешского Анатолий КУДРЕЙКО

— Рудник помог. Эта улица у нас вся стахановская. Да ты заходи. Наговоримся еще. Там жена кое-чего к столу приготовила.

Жена у Тихонова была совсем молоденькая. И не подумаешь, что замужем, если бы не ребеночек на руках. Сероглазая такая, русоволосая, улыбчивая.

— Помнишь вчерашнюю звездочку? — спросил у нее Мишка и рассказал про мою работу.

Заулыбалась она, накрыла на стол, пригласила, словно песню спела:
— Садитесь, гостем будете.

Поздравил я их.

Не успели они ответить, как раздался стук на крылечке. Хозяйка к детской кроватке отошла, а хозяин к двери шагнул, распахнул ее — на пороге мужчина стоял, молодой, ладно сколоченный. Кожаное пальто на нем и картуз, тоже кожаный. Прошел в комнату, поздоровался, руку пожал — как следует!

Мишка заметно начал сутулиться, руки расставлять пошире. Вроде бы тоже силу в себе немалую чувствовал. Подставил стул, пригласил выпить.

— По одной, товарищ начальник.

Поблагодарил начальник, но выпить отказался: ему еще на шахту надо было. А забежал он на минутку, чтобы справиться о мишкином здоровье.

— Да уж, видно, здоров, коли вино пьешь.
— Здоров, товарищ начальник. В шахту бы, в свою бригаду.
— Еще денька три подыши свежим воздухом.
— Приказываете?
— Приказываю, товарищ Тихонов.

И встал от стола. А хозяйка ему навстречу:
— Угостились бы...
— Спасибо! — посмотрел на нее ласково, сказал: — Доволен я вашим мужем. Хороший он работник. Тяжеленько ему на днях в шахте пришлось... порода обвалилась... А ничего, с поста не ушел...

Глянула на Мишку жена испуганно, а потом покраснела. Должно быть, разгневалась. И отвернулась:
— А он мне про это ничего не сказал.
— Вот и хорошо!
— Чем же это?
— Значит, любит он вас, коли не сказал про такое дело. Тревожить не захотел...

Ушел начальник, а она все не может успокоиться, слушать ничего не желает. Отчаялся парень прощение получить и вскрикнул:
— Так ведь он там тоже был, Машенька! А вот не сказал же.

Посмотрела Машенька на меня и сердито улыбнулась:
— Все вы такие!
— Пока еще не все! — ответил я.

Поняла или нет Машенька, не знаю. Догадалась ли она, что я с тех пор кое-чему научился?

Думал ли я когда-нибудь, что Мишка Тихонов будет моим учителем?

Гляжу я в окно и, как живых, вижу перед собою слесаря подземной выработки и начальника шахты, и тут же вспоминаются мне многие другие люди, очень похожие на них. Кажется, ничего особенного и не свершили они, а вот не уходят из памяти. И никогда не уйдут.

СЕГОДНЯ НА САХАЛИНЕ

Сергей ФЕОКТИСТОВ

В дни всенародных торжеств жители Александровска-на-Сахалине направляются к своей городской площади. Любовно обрамленная зеленью молодых деревьев, увенчанная памятником Владимиру Ильичу Ленину, она зовется площадью имени 15 мая. Для всех жителей острова это незабываемая дата: 15 мая 1925 года советский народ изгнал с Северного Сахалина японских колонизаторов и поднял над ним знамя Советов.

Пять лет хозяйничали японцы на северной части острова: их экспедиционный корпус высадился в Александровске 21 апреля 1920 года. Это была вторая попытка самураев подчинить своему господству весь русский остров. Первый раз они пришли на Северный Сахалин в 1905 году, во время русско-японской войны. Японцы тогда безжалостно расстреляли всех русских поселенцев, отказавшихся служить врагу. По Портсмутскому договору, подписанному царским правительством, южная часть Сахалина отошла от России. Но самураям этого показалось мало: в годы гражданской войны они снова решили поживиться на чужой счет.

На горстку сахалинских партизан японцы обрушили мощь своих бронированных эскадр. Они предательски захватили и зверски замучили руководителей островного революционного комитета Александра Цапко, Михаила Кондрашкина и других. Началась пора жесточайшего террора против русского населения.

Люди задыхались в чужеземном ярме. Их спасла советская власть, партия Ленина — Сталина. 15 мая 1925 года народ назвал днем рождения нового Сахалина: на северной части острова занялась заря свободной жизни.

Большевистская партия послала на остров своих лучших сынов, чтобы поднять тружеников Сахалина на борьбу за освоение сурового края.

Прекрасны плоды их труда. Там, где некогда звенели кандалы каторжников, ныне раздается радостная, вольная песнь рыбака и шахтера, нефтяника и хлебороба.

В безлюдной таежной глуши вырос лес вышек — советский город нефти Оха. Трудовая доблесть 124 лучших нефтяников отмечена высокими правительственными наградами. Знатному охинскому мастеру, создавшему свою школу скоростного бурения, Григорию Подшивайлову присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Их много на Сахалине, людей, прославляющих большими делами свой любимый край. Это александровские рыбаки-бригадиры ставных неводов Петр Иванов и Алексей Башкиров, вдвое перевыполняющие план рыбодобычи; токари механических мастерских Василий Зуев и Николай Комков — неутомимые новаторы; Герой Социалистического Труда, студент горного техникума Кирилл Караулов — вчерашний проходчик и бригадир навалоотбойщиков шахты Мгачи, дававший по десяти норм за смену. На Мгачи Караулов приехал после того, как рудник был очищен от японских интервентов, варварски отработавших лучшие пласты. Советским людям пришлось начинать все сначала. Мгачинцы первыми на острове применили врубовые машины, электровозы. Месяц назад горняки шахты закончили свой пятилетний план и начали выдавать уголь в счет 1951 года.

Сахалинская земля слыла землей-мачехой. Не было, казалось, такой силы, которая могла бы заставить ее щедро вознаграждать труд хлебопашца. Сила эта объявилась при советской власти: колхозный строй, передовая наша агротехника.

Есть на Сахалине деревушка Корсаковка — в прошлом нищая, неграмотная. Ныне здесь раскинулись земли колхоза-миллионера: триста гектаров одной пахоты; к тому же молочно-товарная ферма, пасека. В домах крестьян — электричество, радио, мягкая мебель, этажерки с книгами.

В союзе с агрономами сахалинские колхозники разгадали капризы приморского климата, нашли способы борьбы с ними. В соседнем с Корсаковкой селении Ново-Михайловке, где раньше крестьяне не собирали даже затраченных семян, Анна Чуйко сняла на своем участке по 31 центнеру пшеницы с гектара.

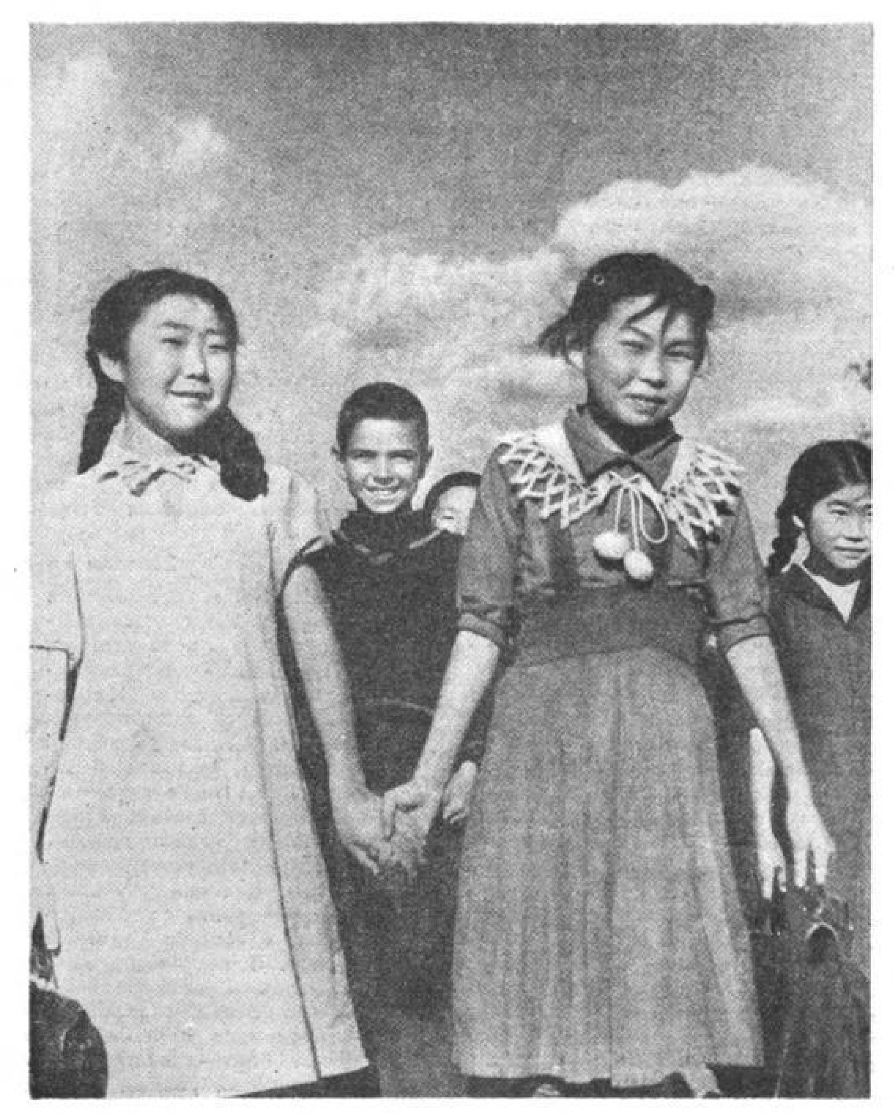
Богато живут сахалинские колхозники. Колхозница артели имени 1 Мая Ксения Гранкина ежегодно получает вместе с семьей на трудодни больше пяти тонн картофеля, свыше трех тонн капусты, около семисот литров молока, пятнадцать тысяч рублей. На дворе у Гранкиной корова, телка, бык-двухлеток, гуси, куры...

Вот так живут советские люди далеко от Москвы, на острове Сахалине. Всего у них вдоволь. Полностью электрифицируются и радиофицируются целые районы. Шесть колхозных гидроэлектростанций строятся в одном только Кировском районе. В селах Воскресеновке, Узкове, Адатымове строительство подходит к концу.

Адатымовцы сооружают станцию вместе с колхозниками соседней артели «Чир-унвд»; в ней двадцать лет назад объединились коренные жители острова — нивхи.

«Чир-унвд» означает новая жизнь. В названии этом глубокий смысл. Поистине новая жизнь наступила при советской власти для нивхов. В царское время их, вчерашних кочевников, презрительно называли гиляками. Они были обречены на полное вымирание.

Промышлявшие некогда у берегов Сахалина американские китобои грабили и обманывали нивхов самым бесстыдным образом. Японцы загнали их в «особые зоны», лишив права учиться и разговаривать на родном языке.

Дети коренных жителей острова — нивхов — идут в школу.

Большевистская партия возродила этот маленький народ, помогла ему найти счастье в коллективном труде, сделала равноправным членом советской семьи. В «Чир-унвде» своя школа, больница. Из темных прокуренных юрт нивхи перешли в светлые русские дома.

Такой же гигантский прыжок вперед совершили эвенки, орочены и другие малые народности Сахалина. Как и нивхи, они объединены в рыболовецкие и оленеводческие колхозы, имеют своих учителей, врачей, зоотехников, дети их учатся в институтах.

В конце прошлого века на Сахалине побывал Антон Павлович Чехов. С горечью писал он тогда: «На Сахалине 5 школ... в 1889—1890 г.г. обучалось в них 222 человека... сахалинские школы бедны, обставлены нищенски, существование их случайно... положение крайне неопределенно...»

Сейчас на Сахалине десятки тысяч детей занимаются в школах, большинство из которых построено за последние 25 лет.

Новая славная страница в истории острова открылась после того, как был освобожден от японских захватчиков Южный Сахалин. Многие советские воины, очищавшие от самураев исконные русские земли, после демобилизации остались здесь, на полюбившейся им земле, сменив винтовку на отбойный молоток или снасти рыболова. Прибыли сюда и переселенцы с материка. Привыкшие к условиям жизни на острове северосахалинцы передали им свой опыт.

Выросли на юге острова и свои знатные шахтеры, хлеборобы, овощеводы, животноводы. На Сахалине никогда не сеяли озимой ржи. Переселенцы из Курской области решили: попробуем! Опыт удался. Собрали по 17 центнеров отличного зерна с гектара.

Советские патриоты по-новому, на социалистический лад, перестраивают жизнь. По всему Сахалину развернулось жилищное строительство. Сносятся с лица земли японские халупы с бумажными стенами. На их место встают добротные рубленые дома с большими окнами, двухэтажные, шлакобетонные. В Южно-Сахалинске — областном центре — на Ленинской улице сдана в эксплуатацию большая гостиница, на Сталинской — заканчивается строительство огромного дома рыбников.

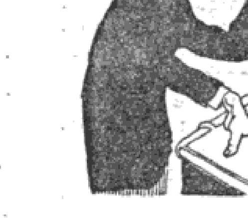
На Сахалине весна в полном разгаре. Правда, вершины сопок еще в снегу, но у подножья урчат тракторы — идет сев. Зеленеют почки на березах. Скоро зацветут сады. Яблоня — уже не диковинка на острове. В Александровске восьмой год будет плодоносить сад талантливого мичуринца-самоучки Терентия Федоровича Мысника.

В Холмском районе есть равнина, которую называют Долиной садов. Фруктовые деревья тут занимают двадцать гектаров. Под руководством научного сотрудника Сахалинского филиала Академии наук СССР Л. Е. Рыбака в долине выращивается 20 сортов яблонь, 30 сортов смородины, 10 сортов крыжовника...

Сахалинцы видят тот день, когда весь остров превратится в цветущий сад. Они верят: так будет, ибо с ними Сталин, чью отеческую заботу жители острова чувствуют ежечасно.

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

Профессиональные лжесвидетели

Капитализм порождает отвратительные профессии. Американская действительность развивает и усугубляет их гнусность. К скупщикам краденого прибавляются скупщики голосов на выборах. Ряды продажных судей пополняются профессиональными лжесвидетелями. В наши дни в США эти субъекты особенно охотно вызываются к судейскому столу, когда надо упрятать за решетку прогрессивного деятеля.

Реакционерам понадобилось расправиться с председателем профсоюза портовых грузчиков и складских рабочих Бриджесом. В роли основных «свидетелей обвинения» были выставлены две юркие личности — Мэннинг Джонсон и Поль Крауч. Оба они поклялись на библии, что видели «преступника» Бриджеса в Нью-Йорке на совещании национального комитета коммунистической партии. И, обращаясь к судье, добавили:

— Видели вот так, как видим вас, ваша честь!

На другой день газета «Дейли Компас» воспроизвела копию протокола заседания окружного совета профсоюза грузчиков и складских рабочих в Сан-Франциско. Это заседание происходило под председательством Бриджеса в тот самый день, когда, по словам лжесвидетелей, он был в Нью-Йорке.

Американская продажная пресса в интересах сенсации усердно рекламирует «чемпионов» лжесвидетельства. Так, профессиональный лжесвидетель некий Джонсон за два года дал клеветнические показания по девятнадцати судебным делам. Этот Джонсон на процессе известного немецкого антифашиста Герхарда Эйслера в Вашингтоне показал, что видел Эйслера («Вот так, как вижу вас, ваша честь!») на митинге в Буффало вместе с коммунистами. А прогрессивные газеты опубликовали данные, доказывающие, что эти коммунисты в тот день... отбывали заключение в тюрьме.

Конечно, американское правосудие делает вид, что не замечает всех этих провалов своих штатных лжесвидетелей: кто же станет рубить сук, на котором сам сидит!

Американские «культуртрегеры»

Вместе с американскими генералами и адмиралами инспекционные поездки в «подопечные» доллару страны все чаще предпринимают члены конгресса США. Во время последних парламентских каникул свыше 100 членов палаты представителей и более 30 сенаторов совершили под различными предлогами заграничные путешествия.

Поскольку такие поездки оплачиваются государственной казной, конгрессмены, как правило, возят с собой обширную свиту помощников и секретарей, а также жен, детей и даже теток. Одна группа американских законодателей совершила таким путем кругосветное путешествие. Пять конгрессменов отправились развлекаться в Мексику под предлогом изучения... эпидемии ящура. Остальные двинулись в Европу, на Гавайские острова, в Южную и Центральную Америку.

Всем им было дано напутствие: пропагандировать пресловутые «преимущества американского образа жизни». Американский журнал «Тайм» рассказывает о том, как «культуртрегеры» из американского конгресса выполняли эту важную миссию. По свидетельству журнала, нескольких членов конгресса сняли с парохода в состоянии полного отравления алкоголем. Другой конгрессмен, допившийся до белой горячки, выбросил весь свой багаж из окна поезда, вызвав переполох среди поездной прислуги. Двое членов конгресса, находившихся в таком же состоянии, во время путешествия по территории Испании потеряли некоторые необходимые части своего туалета.

Вместе с другими сенаторами в Европе побывал фашиствующий сенатор Элмер Томас (из штата Оклахома). Это он неоднократно призывал к самой тесной дружбе с генералом Франко и к быстрейшему вооружению Западной Германии.

Как пишет тот же журнал «Тайм», Томас после посещения 14 стран созвал в Лондоне пресс-конференцию. «Нас хорошо встретили королевские семьи Дании и Швеции»,— заявил он. В это время ему что-то шепнул на ухо секретарь. «Я хотел сказать,— продолжал, запинаясь, бравый сенатор,— что нас хорошо принял король Греции, а не Швеции. В Швеции нет короля!..» Секретарь снова что-то шепчет. Сенатор недоумевающе смотрит на него и бормочет: «Ах, значит, он у них есть?» И уже громким голосом говорит корреспондентам:

— Джентльмены, я спутал. Мне только что сообщили, что король у них имеется. Впрочем, это информация из вторых рук...

В заключение пресс-конференции Томас посетовал, что в Бельгии и некоторых других странах его плохо угощали: давали мало виски. Только на прием у генерала Франко Томас не нашел причин жаловаться: там его не ограничивали по питейной части.

Таковы «американский образ жизни» и его апологеты.

Мечтания о розгах

В Англии катастрофически растет преступность. Газета «Ньюс кроникл» считает это самым злободневным вопросом и требует укрепления сил полиции. Газета «Дейли грэфик» со своей стороны агитирует за... возобновление телесных наказаний.

Насколько этот вопрос актуален для Англии сегодняшнего дня, говорит тот факт, что ему были посвящены специальные дебаты в палате лордов.

Заключая прения, лорд-канцлер Джоуитт заявил: «Если бы правительство было уверено, что телесные наказания предотвратят такого рода преступления, то оно бы высказалось за такие наказания...»

В самом деле, какая уж тут уверенность, если поток инструкций по технике бандитизма плывет в страну в виде голливудских фильмов и гангстерской американской литературы, дополнительно выпускаемой массовыми тиражами в самой Англии.

У страха глаза велики

Известно, что сейчас в Соединенных Штатах ведется разнузданная кампания против всего, что имеет хотя бы малейшее отношение к прогрессивным взглядам. Иногда от страха перед «коммунистической опасностью» у заправил американской реакции начинает явно двоиться в глазах.

Одно издательство в Штутгарте (американская зона оккупации Германии) собиралось напечатать сборник изречений знаменитого китайского писателя Ляо Дзе, жившего более 2500 лет тому назад, и запросило на это разрешение у американских оккупационных властей. Невеждам из американской разведки, именуемой «Службой осведомленности», конечно, невдомек, что в Китае были великие писатели и философы еще задолго до того, как был заложен первый кирпич чикагских боен. И ответ службы контрразведки гласил: «Строжайшим образом запрещается печатать сочинения... Мао Цзе-дуна!»

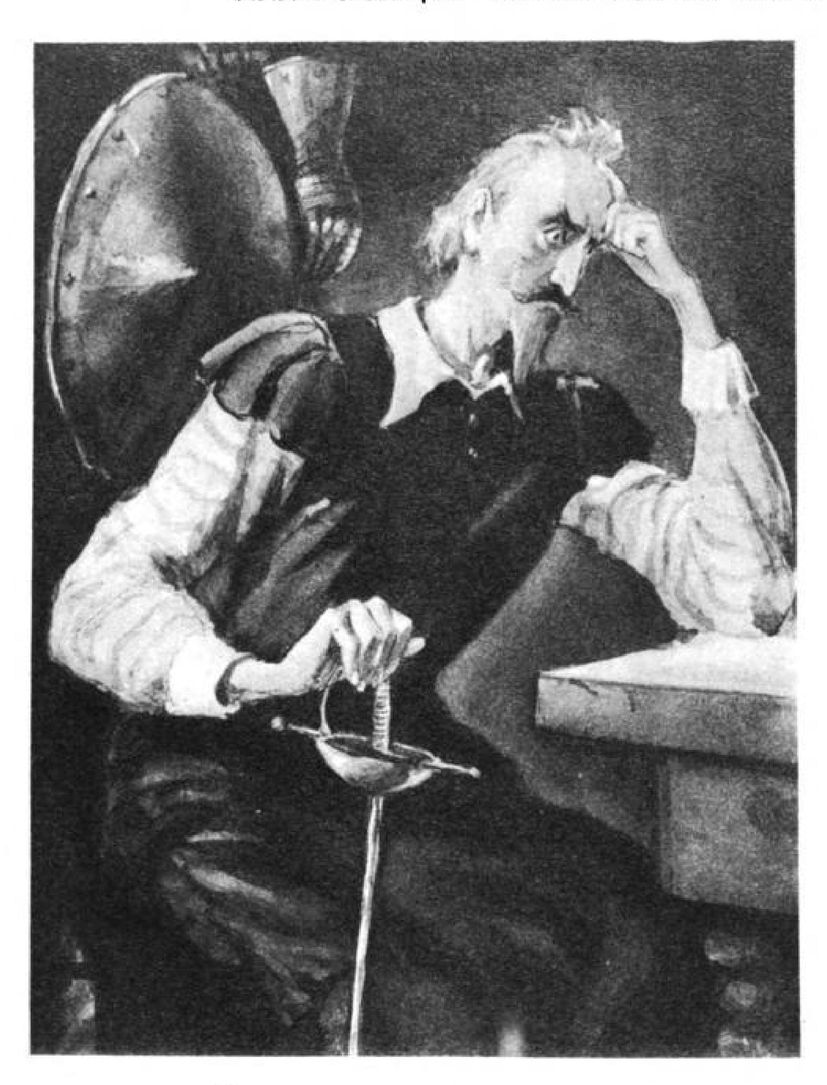
Знатоки «русского вопроса»

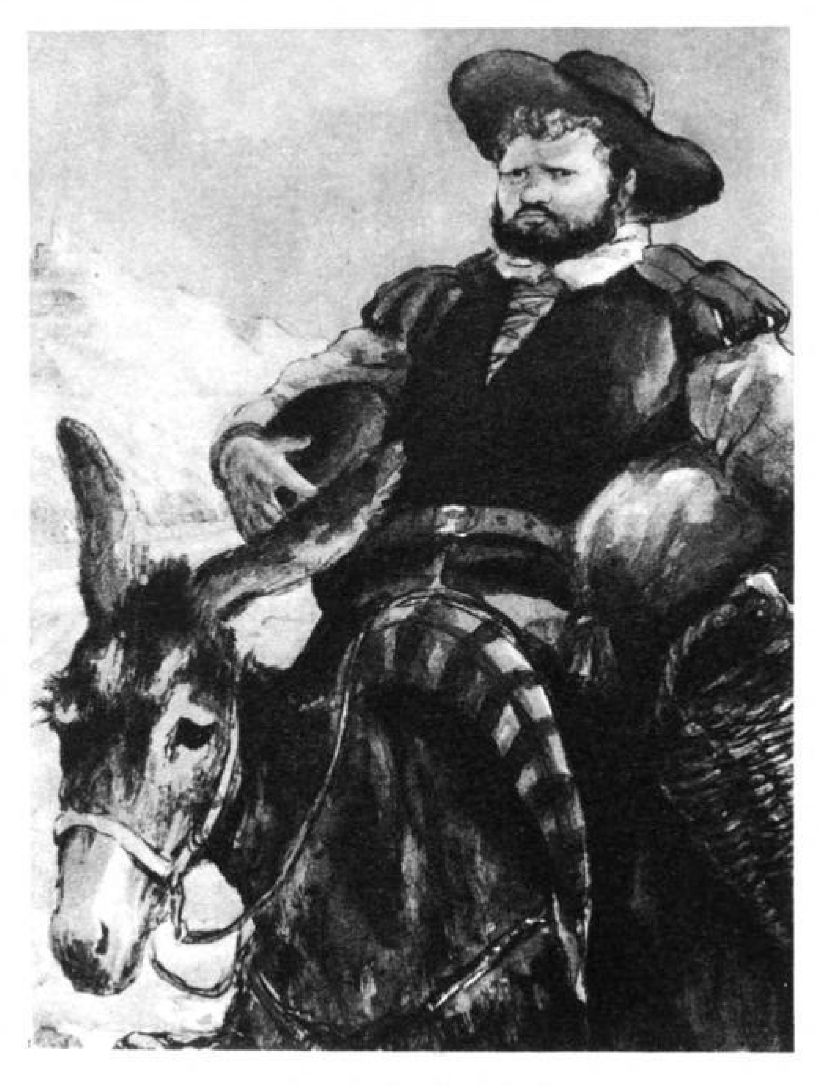
С некоторого времени в Соединенных Штатах множатся, как грибы после дождя, всякого рода «специалисты» по русскому вопросу. Не захотел отстать от этой почтенной компании и американский контр-адмирал Захариас. В газете «Юнайтед Нейшнс Уорлд» он опубликовал статью, в которой делает такое сенсационное «открытие»: «Как известно, русский ученый Циолковский является основоположником теории ракетных двигателей. В настоящее время он успешно работает над созданием ракеты, способной перевозить войска и снаряжение весом в несколько тонн на расстояние нескольких тысяч миль».

Бравому контр-адмиралу и невдомек, что всемирно известный великий русский ученый Циолковский умер в 1935 году!

ИЛЛЮСТРАЦИИ КУКРЫНИКСЫ К РОМАНУ СЕРВАНТЕСА «ДОН-КИХОТ» (Гослитиздат).

Портрет Дон-Кихота Ламанчского.

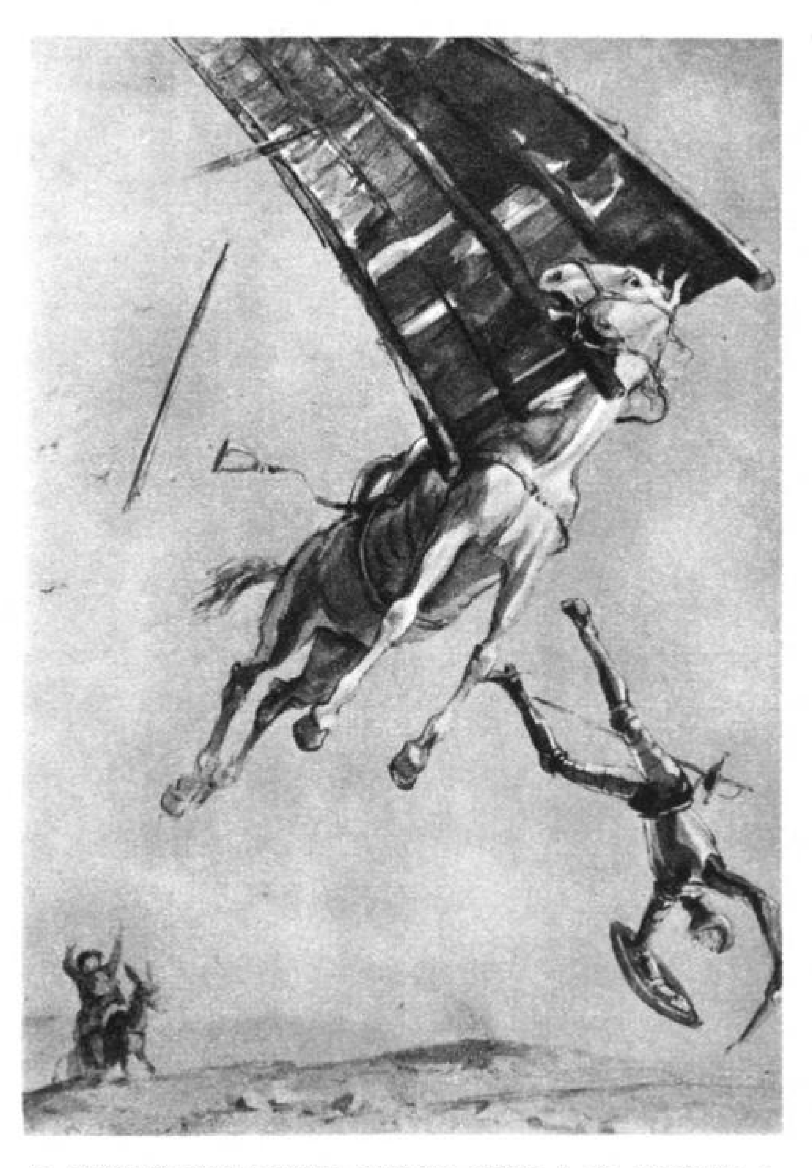
Портрет Санчо-Панса.

«... он до того его убедил, столько наговорил и наобещал, что бедный крестьянин согласился отправиться вместе с ним в качестве его оруженосца».

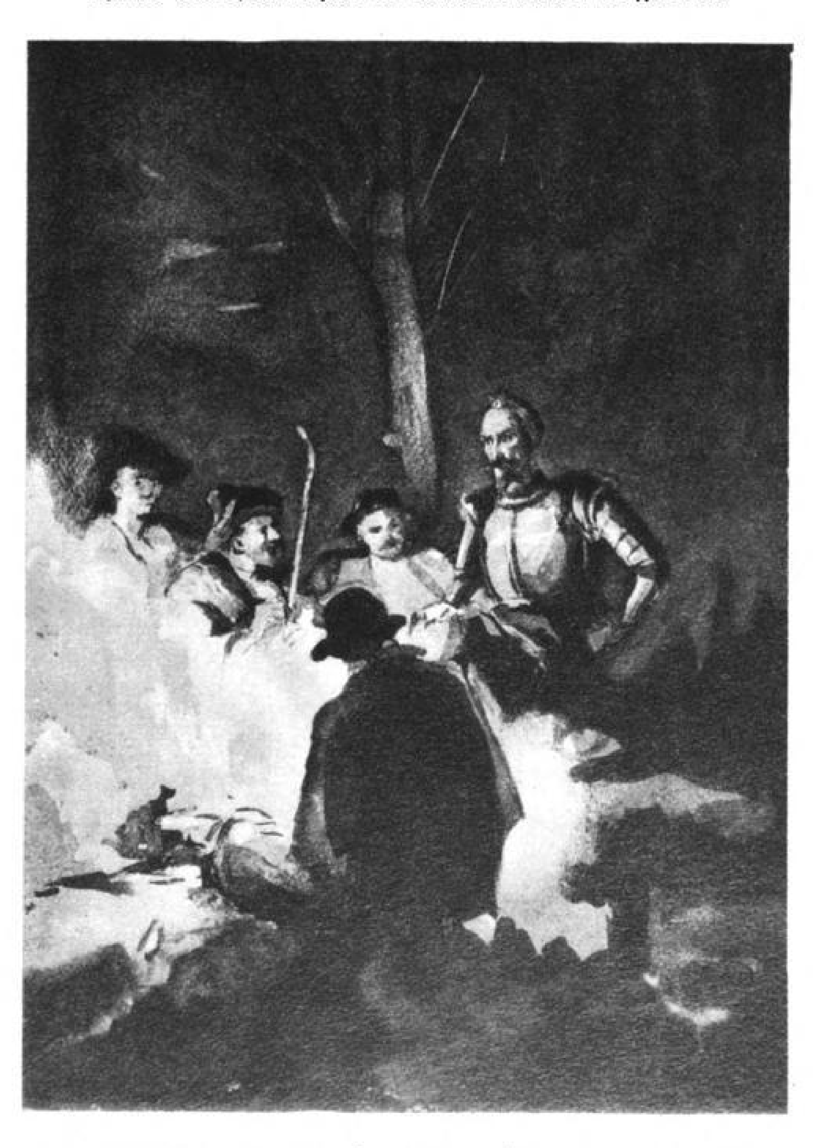
«Четыре дня он придумывал, какое бы ей дать имя; ибо, рассуждал он сам с собой, несправедливо, чтобы конь столь знаменитого рыцаря, притом и сам по себе столь замечательный, не имел какого-нибудь славного имени».

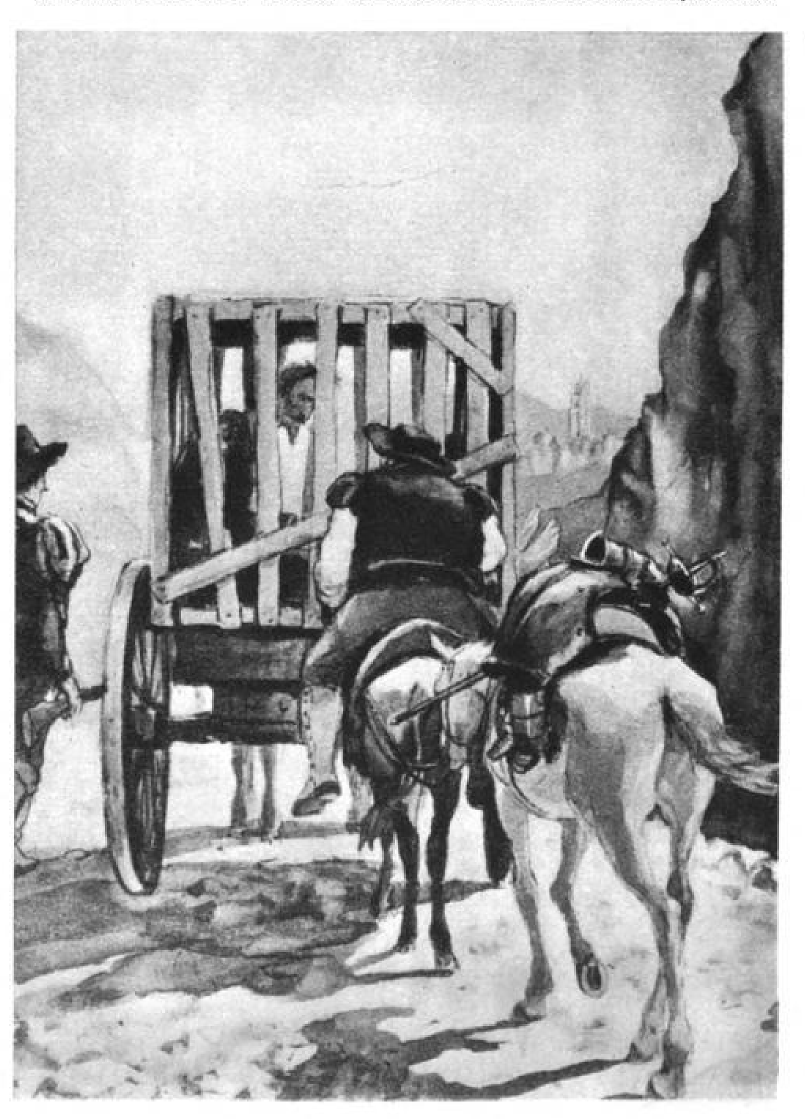
«... сильный порыв ветра повернул крыло, и оно, разломав в щепки копье, потащило за собой и коня и всадника...»

«... у него явилась мысль, внушенная его неустанным расстроенным воображением: что все эти лица — привидения из заколдованного замка и что без всякого сомнения он сам очарован...»

«... и вот вздумалось ему без нужды разглагольствовать перед пастухами...»

«Так, медленным шагом и в глубоком молчании, проехали они около двух миль...»

9 января 1887 года в московском Большом театре давалось первое представление новой оперы Петра Ильича Чайковского — «Черевички». В восемь часов вечера композитор занял в оркестре капельмейстерское место и «благополучно продирижировал».

«Мне было тогда уже почти 47 лет», — вспоминает Чайковский. Он не собирался стать дирижером, но хотел попробовать свои силы и на этом поприще. Чайковский был чрезвычайно доволен, что «этот и все последующие опыты доказали, что я могу более или менее успешно управлять исполнением своих сочинений — а это то именно для вящего моего благополучия и было нужно».

Поэтому, когда летом того же года Чайковский получил приглашение от разных заграничных музыкальных организаций совершить концертное путешествие, он охотно согласился. Ему хотелось не только «пропагандировать свои сочинения как дома, так и на чужбине», но если удастся, то «заслужить службу русскому искусству и путем пропагандирования произведений других русских композиторов». Он с гордостью думал о том, что явится на Западе «истолкователем русских музыкальных красот».

Сердце славянина

К 110-летию со дня рождения П. И. Чайковского

П. И. Чайковский. 1889 год

В этой поездке, длившейся три месяца, особенно ярко выделяется десятидневное пребывание Чайковского в Праге. Брат Петра Ильича, Модест Ильич, в написанной им трехтомной биографии композитора говорит: «Пражские чествования превзошли самые фантастические представления о том, что он мог найти в Европе. Эти десять дней составляют высшую точку земной славы, которой Петру Ильичу суждено было достигнуть при жизни».

В Праге Чайковский должен был дирижировать двумя концертами — 19 и 21 февраля 1888 года. Он приехал в древнюю чешскую столицу 12 февраля, чтобы подготовиться к своим выступлениям. Чехи встретили Чайковского, по его выражению, как «какого-нибудь могущественного властителя». Уже на последней станции перед Прагой поезд, в котором ехал композитор, ожидала первая депутация. А на пражском вокзале была приготовлена торжественная встреча с приветственными речами на русском и чешском языках.

Собралась громадная толпа, дети подносили гостю цветы. Когда Чайковский ехал в гостиницу, по дороге стояли две сплошных стены пражцев и возгласы «слава» неслись к взволнованному композитору со всех сторон.

Начались дни встреч, знакомств, посещений оперных спектаклей (Чайковский слушал «Отелло» Верди и «Проданную невесту» Сметаны), званых завтраков, обедов, ужинов, осмотров города и музеев, посещений балов, исполнений серенад под окнами гостиницы, всяких чествований с речами и без речей. Чайковский едва успевает заносить в свой дневник перечень событий дня. Вот под датой 14 февраля он записывает: «В Умелецкой Беседе... Играли квартет Сметаны, квартет Кварджича и квинтет Дворжака. Последний со мной очень мил, и квинтет его мне нравится... Мой портрет к р а с о в а л с я, окруженный лаврами». С Дворжаком у Чайковского завязываются самые теплые отношения.

Несмотря на праздничную атмосферу, Чайковский каждый день репетирует программу первого концерта, в которой исполняются: «Ромео и Джульетта», первый фортепианный концерт, скрипичный концерт, элегия из третьей сюиты и, наконец, увертюра «1812 год». Каждое произведение Чайковского на концерте встречалось овацией, а особенно «1812 год».

Концерт шел днем, а вечером был назначен банкет, на котором Чайковскому надлежало выступить с речью. «В общем, конечно, это один из знаменательнейших дней моей жизни»,— вспоминает композитор.

Немало забот доставило Чайковскому составление банкетной речи. Ему хотелось не только выразить в самых простых и приветливых словах свои чувства и мысли, но и произнести их на чешском языке, которым он почти не владел. И вот Чайковский выучивает перевод речи, размечает по тексту нужные ударения, и присутствующие с восторгом слушают речь знаменитого гостя на их родном языке.

С особой теплотой говорил Чайковский о Праге, о том, как она дорога сердцу славянина: «Живописная красавица Прага, обладающая стольким кладами старинного искусства и воспоминаниями седой старины, конечно, очень интересна для каждого иностранца, но понятно, что сердце славянина бьется особенно сильно, когда ему представится возможность посетить Ваш родной город».

Чайковский подчеркивал, что во всей его многолетней музыкальной деятельности ему суждено было «близко сталкиваться с музыкантами-чехами, которые отдали свой талант, свои знания художественной деятельности в России». Он называет имя своего друга — «самого выдающегося скрипача нашего времени» — Фердинанда Лауба. Он говорит о «даже на миг не омраченной дружбе» с Эдуардом Направником — дирижером Петербургской оперы. Он считает своими близкими друзьями Гржимали, Палечека, Авранека, Главача, Черни — «всех наиболее выдающихся чехов, которые посвятили себя музыкальной деятельности в России». Чайковский относит не только к себе оказанные ему почести. Он отделяет «ту часть симпатий, которая в моей особе воздается чему-то гораздо высшему и важнейшему, чем я».

«Господа, поверьте, что там, где живет братский и близкий Вам народ, составляющий то значительное и важное, о котором я только что помянул, сумеют умно и сердечно ответить на ту часть гостеприимного отношения Вашего, которая не ко мне направлена».

Чайковский сознавал, что в его лице чешское общество чествует прежде всего русский народ. В одном из пражских писем он отмечает: «Меня принимали здесь так, как будто я явился представителем не русской музыки, а вообще всей России... Я и не подозревал, до какой степени чехи преданы России». А в свой путевой дневник Чайковский заносит: «Я очень полюбил этих добрых чехов. Да и есть за что!!! ...Сколько было восторгу, и все это совсем не мне, а голубушке России!»

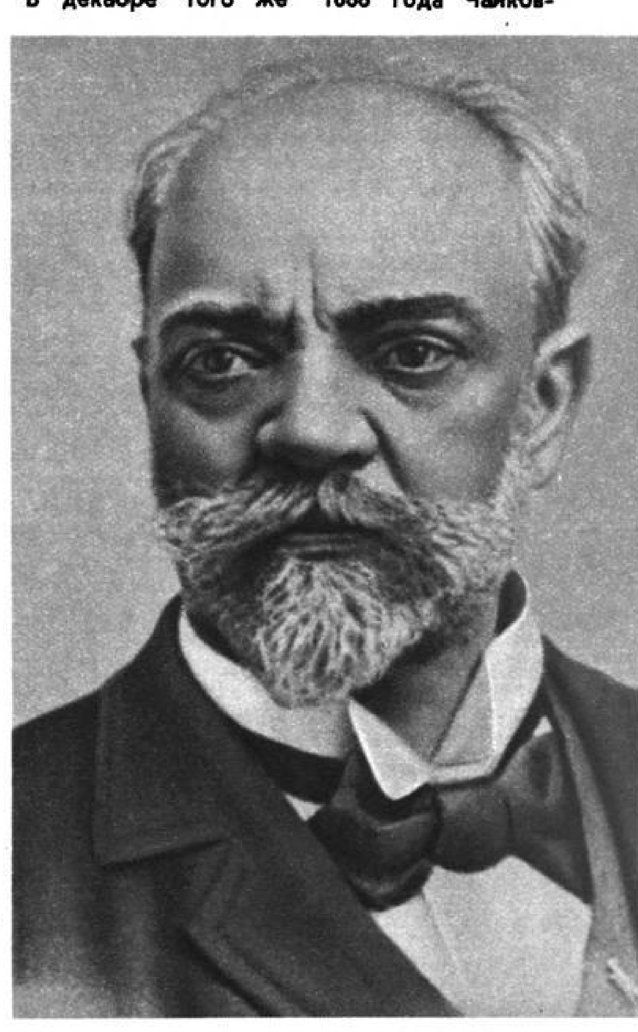
21 февраля на втором концерте Чайковского пражский балет показал «великолепно обставленный» II акт «Лебединого озера».

В записях Чайковского, относящихся к этому концерту, есть особо подчеркнутое выражение: **«Минута абсолютного счастья...»**

В декабре того же 1888 года Чайковский снова приехал в Прагу, чтобы продирижировать первым представлением «Евгения Онегина». Успех был небывалый. Вот как описывает премьеру в Пражском театре хроникер музыкального журнала «Баян»: «Музыкальная чешская публика во все время представления находилась в величайшем восторге от сочинения русского композитора... Прага не помнит еще такого успеха... На партитуру «Евгения Онегина» возложили серебряный венок.

...По окончании представления хор под управлением капельмейстера Ангера спел Чайковскому: «Друг, будь здрав».

Когда же композитор вышел из театра, то толпа с энтузиазмом приветствовала его криками: «Да здравствует русская нация!»

Чешский композитор А. Дворжак.

Так в историю дружбы русского и чешского народов великий художник-патриот Чайковский внес драгоценный вклад истинной любви и тех возвышенных чувств, которыми живет «сердце славянина».

Н. ВОЛКОВ

Опера о краснодонцах

«Молодая гвардия» Ю. Мейтуса в Ленинградском Малом оперном театре

Легендарные герои Краснодона — Олег Кошевой, Уля Громова, Ваня Земнухов, Сергей Тюленин, Люба Шевцова — это образы, близкие, дорогие сердцу каждого советского патриота. Со страниц романа А. Фадеева они перешли на сцену многих драматических театров. Мы видели их и на экранах кино.

Новая наша встреча с героями-краснодонцами произошла теперь в опере «Молодая гвардия» украинского композитора Ю. Мейтуса, показанной Ленинградским Малым оперным театром в постановке народного артиста СССР Н. Охлопкова.

Трудно представить себе поющими арии наших современников, которых мы отчетливо представляем себе в жизни и слова которых читаем и слышим, как разговорные. Умелое сочетание современной вокальной интонации с условными по самой своей природе оперными формами — одна из основных трудностей в создании полноценной реалистической советской оперы на современный сюжет.

Композитор Ю. Мейтус и либреттист А. Малышко отказались от скрупулезной инсценировки романа. Объединяя отдельные эпизоды, свободно перенося их из одного места действия в другое, они стремились средствами оперного жанра выразить героико-романтическую, высокопатриотическую идею произведения. Нарушив в ряде мест «букву» литературного первоисточника, они решили сохранить главное — его дух. И это удалось им. В спектакле запела молодость, зазвучали большие, сильные чувства, волнующие юных героев-патриотов, поднимающие их на подвиг.

Можно пожалеть лишь о том, что авторы не заимствовали у Фадеева того заключительного мажорного эпизода, который в романе показывает беспорядочное отступление германской армии под ударами советских войск и вступление последних в Краснодон. Все три картины заключительного действия оперы — допрос, камера, расстрел — несколько однотонны по трагической окраске. Опере недостает жизнеутверждающего героического апофеоза, который символизировал бы бессмертие совершенного подвига.

Арии и речитативы оперы не только музыкально содержательны, но и образно поэтичны. Поэт М. Исаковский сделал превосходный русский перевод ее украинского текста.

Музыка Мейтуса привлекает своей напевностью, хорошо переданным украинским национальным колоритом (в особенности в хорах), органическим использованием песенных интонаций, выразительной инструментовкой. В партитуре немало и хороших лирических страниц. К ним, например, можно отнести монолог Олега, посвященный матери. Однако музыкальным образам все же не хватает той силы, которая позволила бы поставить оперу рядом с романом Фадеева.

Ульяна Громова — А. Ступальская, Люба Шевцова — Т. Лаврова.

Тем не менее успех спектакля у зрителей очень велик. И в этом громадная заслуга постановщика спектакля Н. Охлопкова и дирижера Э. Грикурова, сумевших найти для всех участников спектакля тон безыскусственности, простоты и искренности. Создается впечатление, что артисты играют не роли, а самих себя, и не случайно большинство из главных действующих лиц почти не использует грима.

Охлопков великолепно организовал групповые и массовые сцены: движение эвакуирующихся жителей и бойцов в первой картине (она завершается впечатляющей мизансценой размещения боевого отряда, готовящегося к отражению вражеской атаки); волнение горожан, читающих листовку, вывешенную молодогвардейцами в парке; собрание молодогвардейцев на квартире Кошевых 6 ноября.

Темп спектакля стремителен. Напряженные драматические сцены чередуются с простыми, казалось бы, незначительными, но тем неотразимее воздействующими бытовыми картинками, раскрывая всю глубину и чистоту взаимоотношений между советскими людьми.

Инженер Валько встречает девушку, несущую в охапке груду оружия, предназначенного для подпольного боевого отряда. С дружелюбным юмором, шутливым и ласковым движением пальца он задирает ей нос, «чтобы выше держала голову». И аудитория горячо реагирует на это дружеское обращение директора шахты № 1-бис со скромным подростком, в котором он чувствует будущего героя. Таких ярких режиссерских «мелочей», придающих спектаклю обаяние жизненной правдивости, очень много. Поскольку все это не искусственные внешние эффекты, а житейские подробности, они не заслоняют узловых моментов действия, но придают им еще большую силу.

Волнующий рассказ Сергея Тюленина о казни шахтеров-коммунистов, заживо погребенных фашистами, клятва молодогвардейцев; молодежь, слушающая у радиоприемника, затаив дыхание, речь товарища Сталина; мужественный поединок жертв со своими палачами в застенке; пение в тюремной камере истерзанными, но не сломленными духом героями-краснодонцами боевой комсомольской песни о Красном знамени — вот наиболее впечатляющие сцены оперы.

Художник В. Рындин создал декорации в полном соответствии с замыслом постановщика. Глубина дали донецких степей с вышками шахт и терриконами, с теряющейся за чертой горизонта лентой дороги, запруженной толпами эвакуирующихся, вспышки и отсветы орудийных выстрелов и бомбовых разрывов — все это сразу вводит зрителя в обстановку и атмосферу действия.

Высокой оценки заслуживают участники спектакля — актеры Малого оперного театра. Вчерашний Онегин — артист С. Шапошников, вчерашние Мизгирь и Снегурочка — Л. Петров и Т. Лаврова предстали перед нами в образах Олега Кошевого, Вани Земнухова и Любы Шевцовой, образах, лишенных специфического отпечатка «оперности». Они передают живую драму так, как играли бы ее актеры драматического театра, со всей выразительностью речи и жеста.

Актеры поют, и в пении та же естественность, побуждающая их расширять границы обычных вокальных приемов. Так, артист А. Алмазов, исполняющий партию Сергея Тюленина, шепотом начинает свой рассказ в саду перед домиком Кошевых.

Впечатление молодости оставляют непосредственность и страстность, вкладываемые в исполнение партий всеми артистами, изображающими молодогвардейцев; кстати, среди них только одна совсем юная артистка — студентка Ленинградской консерватории С. Баскова, исполняющая роль Вали Борц. Но столь же молоды по тону игры, по экспрессивности вокальной речи и артисты А. Ступальская (Уля Громова), В. Кудрявцева (Клава Ковалева), А. Золотарев (Жора Арутюнянц).

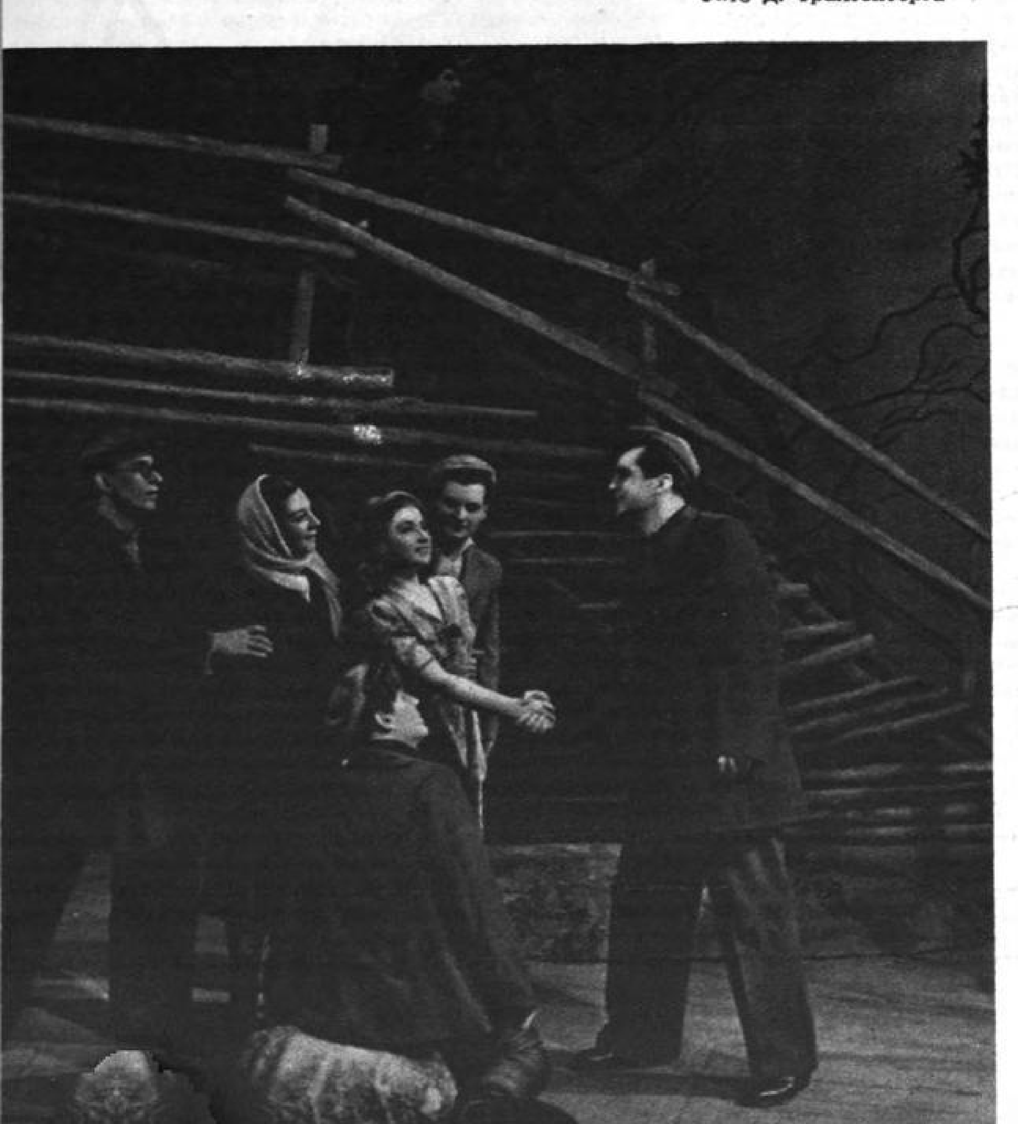
Каждый артист дал свой собственный запоминающийся рисунок. Назовем лишь наиболее жизненно убедительные образы, нарисованные артистами В. Левандо (Андрей Валько), Ф. Ратнер (мать Олега).

Постановка «Молодой гвардии» Ленинградским Малым оперным театром — значительный этап в развитии советской оперной культуры.

В. БОГДАНОВ-БЕРЕЗОВСКИЙ

Сцена из второго действия оперы «Молодая гвардия». Справа — Олег Кошевой (С. Шапошников). В центре — Люба Шевцова (Т. Лаврова).

Фото Д. Трахтенберга

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

Галина ШЕРГОВА

Века сохраняют рожденное для мира. Они помнят тех, кто творит добро.

Он был молод, и темные лики камней рядом с ним смотрели еще угрюмее, и сильнее возле него ощущалась их древность.

Ираклий Цицишвили любил грубые черты камня и понимал его язык, когда камень говорил с ним своими загадочными письменами. Он любил камни за то, что они напоминали о тех, кто возводил для людей города, и о тех, кто побеждал врагов во имя жизни. Некто Кабул провел в скалистое ущелье воду, чтобы люди могли напоить сад, и люди воздвигли в честь Кабула храм у Белого ключа. Царица Тамара изгнала из Грузии турецкого султана, и люди врезали в камень ее славу. Ираклий прочел и эту каменную повесть.

Пять лет Ираклий живет в удивительном мире древних руин, их загадок и скупых повествований. Но они никогда не были для него мертвой историей. Всегда в холоде камня он ощущал человеческое тепло. Ощущал, вероятно, потому, что сапер, поднимающий на воздух мосты и наводящий под огнем переправы, когда рядом гибнут его товарищи, знает цену строениям. Сапер подрывается на мине, спасая от этой мины город для людей, которые завтра придут сюда, чтобы развести огонь и согреть дыханием жилья камни.

Ираклий Цицишвили был на войне сапером. Он наводил переправы на Днепре и спасал от мин Киев. Хороший солдат, он стал Героем Советского Союза. К руинам у него было свое отношение. И надписи на них он читал по-своему. Он знал, как пишутся чернильным карандашом надписи на бревнах блиндажа: «Стояли насмерть...» — и как вырезаются перочинным ножом слова на стенах бараков концлагерей: «Отомстите, товарищи...» Надписи — судьба писавших.

Много стихов слагалось о том, как зодчий, ставший сапером, мечтал на войне не взрывать, а строить, как в походном блокноте он делал наброски будущих городов. Это поэтичная и точная тема. Однако Ираклий ничего не рисовал в блокноте даже тогда, когда видел величие архитектуры Новгорода и великолепие Киева и Праги. Хотя очень хотелось. На войне ему было некогда. Но строить он мечтал. Он не успел еще ничего создать: только в сорок первом, в канун войны, он кончил в Тбилиси институт. И когда в Карпатах в сорок пятом его тяжело ранило, он думал о том, что скоро начнет строить.

Но строить не стал: он вернулся к руинам.

* * *

— Ты пройдешь двадцать километров до места раскопок, ты целый день будешь рыться в земле, отыскивая следы древних городищ, и когда ночью вернешься на базу, ты не уснешь, а будешь бродить по улицам, воскрешенным тобой, которые умерли для других две тысячи лет назад.

Академик Джанашия примерно так сказал об этом Ираклию, когда предложил ему заняться архитектурной археологией. Он сказал ему:

— Ты начинаешь работать, ты еще ничего не создал сам. А древние камни научат тебя и тому, чего ты не узнал на лекциях!

И, лежа в палатке во Мцхете, где раскапывали древнюю столицу Грузии, Ираклий и во сне бродил по ее погребенным улицам. Он уже отчетливо видел город. Раньше он и не предполагал, сколько поэзии в том, чтобы по куску сохранившейся кладки восстановить целый акрополь, сколько радости может принести обугленный чурбан у основания колонны, потому что этот чурбан даст тебе понять, что колонны делались из дерева. Что вырезанная на ручке из слоновой кости танцовщица вдруг начинает танцевать на ковре, который ты угадал, найдя бронзовый гвоздь с плоской шляпкой. Ты угадал его, потому что знаешь: им прибивался к полу ковер. В клинописях такой гвоздь называли «зигатти».

Раскопки Мцхеты были первой археологической экспедицией Ираклия, но они научили его не просто представлять себе прошлое: научили делать обобщения. Он видел, как линии крепостных стен, следуя за каждым изгибом холма, усиливают и подчеркивают пейзаж. Он рисовал здания, угаданные им, монументальные и величественные, воссоздавал мягкую, бархатистую акварельность их стен, колорит камня еще больше теплел, когда южное солнце примешивало к нему бледное золото своих лучей. Он собирал пестрые шарики египетской пасты, куски обсидиана и горного хрусталя, чтобы сложить их в неповторимую мозаику древних дворцов. И с горячей убежденностью писал он о высокой культуре древней Грузии (Ираклий и его учителя С. Джанашия и Г. Беодзенишвили первыми нашли античные ее корни), о том, что созидательное творчество в крови его народа.

Опыт, который он собирал по крупицам, кропотливо и вдумчиво, как свои находки, укреплял в нем ученого. Постепенно от обобщений он переходил к новым для науки выводам. И его кандидатская диссертация «К вопросу об античных городах-крепостях Грузии» заставила ученых по-новому представить истоки грузинской культуры.

Это тоже было войной. Он отвоевывал у буржуазной науки права своего народа-созидателя. Он раскопал саркофаг, в котором хранились золотые украшения тончайшей работы, и торжествовал, когда прочел на них имена грузинских мастеров. Письменам на грузинской черепице он посвятил специальную работу и ощущал победу, когда доказал, что необычайно совершенный для XII века водопровод, построенный на принципе напора, создан был грузинскими гончарами.

Да, камни помнили тех, кто творил для мира. Ираклий Цицишвили читал их имена и рассматривал их примитивные портреты, высеченные на стенах храмов, чтобы рассказать о них живущим. Он разгадывал в темных письменах их завещания и много раз повторял стихи Иосифа Нонешвили о резчике по камню, который

> ...Так изобразил побеги лоз,
> Что шелестом нежданно отдалось
> Мое дыханье в каменной листве —
> Орнамент шелестел секунды две.
> И понял я, что выше всех божеств
> Моей руки вооруженный жест,
> Державный жест. Во власти у него
> Находится любое божество.

Творчество человеческой руки и разума, которое выше всех божеств, было главным завещанием умерших зодчих. И Ираклий принял это завещание.

* * *

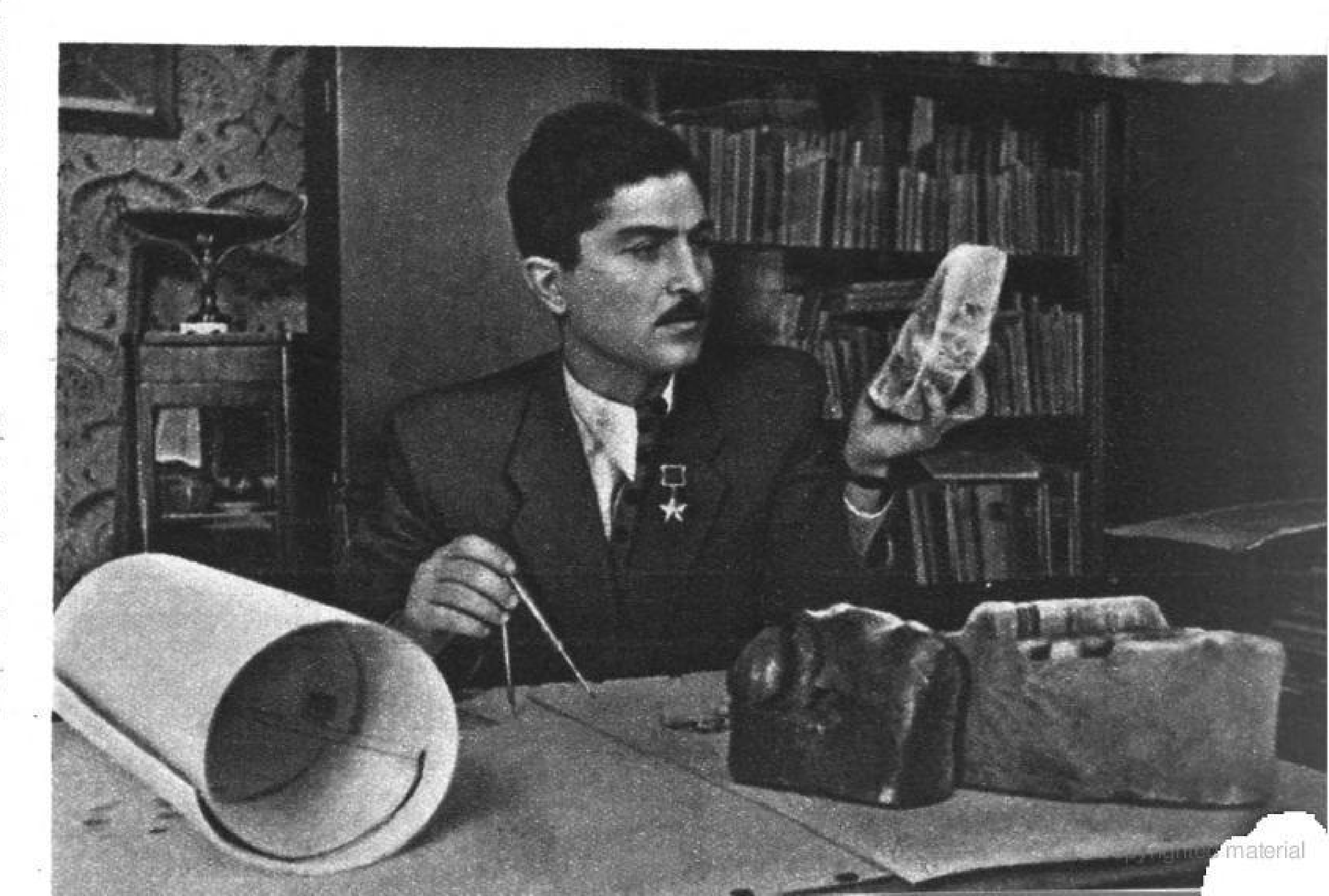
Друзья часто собирались вместе — Иван Чхенкели, Алексей Миминошвили, Валериан Кедия и Ираклий. На «четвергах» в Союзе архитекторов, дома, на выездных сессиях Союза на автозаводе в Кутаиси или на стройке в Рустави говорили об одном и том же, хотя всякий раз о новом, и не могли решить всего. Его друзья строили. Они тоже истосковались на войне по созиданию и теперь заваливали его проектами рабочих поселков в Рустави и Гори, планами санаториев, чертежами жилых домов в Тбилиси. Они требовали его альбомов — найденные им орнаменты, — ждали его совета, говорили, что теперь работы много, что время сократилось совершенно катастрофически, и радовались этому. Они были очень увлекающиеся и свою профессию архитектора считали лучшей из всех профессий. Им и передал Ираклий завещание старых мастеров, их наследие.

За пять лет своей работы он собрал несколько альбомов уникальных грузинских орнаментов, элементов колонн, образцов мозаики и инкрустаций. Эти тщательно выписанные Ираклием создания старых мастеров вызвали большой интерес в грузинской архитектуре. Ираклий открыл многое неведомое раньше, и значение открытого не только в том, что орнаменты и мозаики были оригинальны: творения прежних зодчих были глубоко национальными. Они были рождены для Грузии — ее климата, ее национальных нравов, ее эстетики. Теперь это перенимала социалистическая культура...

Так, ссылаясь на старых мастеров, Ираклий воскрешал умирающую «традицию балкона». Для грузинской архитектуры большой открытый балкон был очень характерен: в стране зелени и солнца люди любили полжизни проводить под небом. Опровергнув заблу-

Ираклий Цицишвили.

Фото М. Квирикашвили

Отдых

Репетиция спектакля «На бойком месте» в рабочем театре Выборгского дома культуры. Миловидов— В. Багреев, Аннушка — А. Гуторова.

Фото Б. Кузьмина

Слушатели покидали лекционный зал, оживленно обсуждая доклад о международных делах; закрылись комнаты обмена стахановским опытом; доиграли свои партии шахматисты; ушли последние посетители читального зала. Веселой гурьбой спустились в раздевалку участники самодеятельных кружков: певцы, танцоры, художники, музыканты. Уже около полуночи. Затихла жизнь в огромном здании Выборгского дома культуры. Опустела вешалка, собрались домой дежурные.

Только из зрительного зала гулко доносятся голоса:

— Как нас здесь принимают Али бунт сделать? Семен! Давай посуду бить! Все окна высадим!

— Ну, полно, Петя, полно!

...Это рабочий театр Дома культуры репетирует пьесу Островского «На бойком месте».

Георгий Васильевич Поляков, по профессии чертежник,— талантливый актер. С большим юмором, смело и темпераментно он ведет роль загулявшего купеческого сынка Петра Непутевого. Его партнер Сергей Кудрявцев, играющий приказчика Сенечку, слегка робеет: ведь это его первая роль.

— Гоша, голубчик, не наскакивай так бурно на Сережу, ты убить его можешь! — прерывает диалог Татьяна Викторовна Сукова, руководитель драматического коллектива. Она делает короткие указания участникам.

— Повторим сцену сначала!

И репетиция продолжается. Кропотливо ищут артисты самодеятельного коллектива новые детали и краски в создаваемых образах.

Пока повторяется сцена, мы беседуем со старейшим членом коллектива, начальником участка на заводе имени Козицкого, Николаем Александровичем Кудрявцевым. Это худощавый человек лет под сорок с русой шевелюрой и большими голубыми глазами. Он знаком нам по блестящему исполнению роли Егора Булычева в спектакле Выборгского дома культуры «Егор Булычев и другие». Этот спектакль на всесоюзном смотре театральной самодеятельности в Москве занял первое место.

— Я впервые играю в пьесе Островского,— говорит Кудрявцев,— и роль Вукола Бессудного трудна для меня. Кроме того я задумал по-своему передать этот образ стяжателя. Мне хочется показать в Бессудном здоровый ум и талант русского человека, направленные во вред людям лишь силой общественного строя.

Как ассистент режиссера, Кудрявцев ведет параллельные репетиции со вторым составом исполнителей. В рабочем театре Выборгского дома культуры уже девяносто актеров, и с новичками занимаются Георгий Васильевич Поляков и Николай Александрович Кудрявцев.

— В последнее время мои домашние обижаться стали, что мало дома бываю,— говорит Николай Александрович, — но отказаться мне от актерской работы — значит лишить себя огромной духовной радости. А вот Багреев, тот перехитрил жену: вовлек ее в наш коллектив. Его жена — наш главный бутафор и незаменимый помощник.

Мы знакомимся с В. Багреевым, играющим в спектакле «На бойком месте» роль помещика Миловидова. Багреев — инструктор скоростного резания на заводе имени Энгельса, председатель культкомиссии завкома и ревностный артист рабочего театра.

...Молодая белокурая женщина А. Гуторова мягко, обаятельно и с волнением играет роль Аннушки, девушки, сохранившей чистоту и девичью гордость на постоялом дворе брата, среди разгула и разбойных дел. Гуторова работает лаборантом в научно-исследовательском институте, заочно учится на филологическом факультете Ленинградского университета и с увлечением занимается в театральном коллективе Выборгского дома культуры.

На сцене еще нет декораций, исполнители без грима и костюмов, но по ходу репетиции чувствуется, что спектакль готов. Каждой интонацией, взглядом, размеренной речью, тяжелой поступью передает Кудрявцев задуманный им образ Вукола Бессудного. Прекрасно справляется с трудной ролью Евгении — разбитной, наглой и лживой хозяйки трактира — товаровед З. Замятина. Даже самый молодой участник постановки «На бойком месте» Володя Иванов хорошо играет Гришку, слугу Миловидова. Легко и свободно он отплясывает трепака под гитару. Володя работает слесарем на заводе «Русский дизель», в рабочий театр перешел из детской самодеятельности и вначале пугался той серьезности, с какой здесь репетируют. А сейчас привык и готов заниматься ночи напролет, чтоб не отстать от товарищей.

Сейчас спектакль «На бойком месте», на репетиции которого мы присутствовали, с успехом идет на сцене Выборгского дома культуры.

Чувство ответственности перед зрителем и стремление к подлинному искусству движет здесь любителями театра. Поэтому так требовательны они к себе и к товарищам, находя отдых во вдохновенном труде.

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

Ленинград.

ждение о мнимом изобретении Америкой «встроенной архитектуры» (то есть мебели — столов, шкафов и т. д., спрятанных в стенах), Ираклий рассказал о древних грузинских образцах встроенной архитектуры, и его друзья задумались над тем, как использовать эту интересную традицию.

Впрочем, Ираклий меньше всего хотел, чтобы архитекторы копировали созданное другими. Чтобы почувствовать главное, нельзя просмотреть 5—10 памятников; их нужно видеть сотни. Только тогда ты ощутишь основное направление и будешь мыслить самостоятельно. За пять лет он пересмотрел тысячи памятников. Поэтому в глубине души он был уверен, что скоро сам возьмется за проект. Теперь он уже ждал этого. И когда в Союзе архитекторов обсуждали, каким должен быть жилой дом советского человека, он уже «чувствовал» этот дом, потому что чувствовал советского человека, с которым он разделил судьбу солдата и созидателя. Сталинские слова о культуре, национальной по форме, социалистической по содержанию, были для него вещественны и полны конкретного смысла.

Ночью, озаренные лунным светом, здания состоят из одних линий; ощутимей становится их форма. Друзья любили ходить по ночному Тбилиси, чтобы заново увидеть щусевское здание филиала ИМЭЛ или какой-нибудь новый дом на улице Бараташвили.

Сегодня был отличный день. Алексею Миминошвили была присуждена Сталинская премия за проект жилого дома на улице Марти. Отпраздновали, разумеется, честь по чести. Все были — и Ираклий и другие друзья. А ночью снова ходили по городу. Кажется, Иван Чхенкели сказал растроганному и немного смущенному Миминошвили:

— Ну, дорогой, скоро твоя рука будет красоваться на фасаде дома на Марти, как на Свети-Цховели. Я думаю, уже время — ты превзошел, надеюсь, учителей?

Ираклий не обратил внимания на то, что ответил Алексей. Вспомнили Свети-Цховели, и он думал о нем. Легенда этого храма всегда странно волновала его.

Поразительный храм Свети-Цховели стоит во Мцхете. Гладкий и строгий, сложенный из желто-розовых плит, он почти совсем лишен лепных или резных украшений. И только у самой кровли в камень врезано изображение руки, держащей треугольник. Рука зодчего, создавшего храм. Говорят, учитель архитектора, которого тот превзошел в искусстве, велел отсечь ученику руку.

Но не сама легенда, а ассоциации волновали всегда Ираклия. Он думал о людях, которые жертвовали не рукой — жизнью во имя сооружения. На Курской дуге он командовал саперным батальоном. Потом командование фронта поручило ему навести мост через Днепр. Был ноябрь, а его солдаты работали в ледяной воде. Но за четверо суток они построили 450 метров, а еще через пять суток были наведены 720 метров, и наши танки перешли на правый берег Днепра. Тогда он и получил звание Героя Советского Союза. Где же те обелиски победы и мира, на которых высечены руки и сердца этих легендарных солдат, превзошедших в храбрости и любви к Отчизне всех своих предшественников?

Их еще возведут, если не возвели уже, и через тысячи лет люди будут знать об этих людях, потому что они творили самое великое в мире добро: добывали поколениям мир и право на творчество.

А друзья продолжали шутить. Иван не унимался:

— Вот наш уважаемый доцент Ираклий Цицишвили создаст небывалое в истории здание, и на нем будет высечена вся его биография. Что о тебе напишут, Ираклий? «Архитектор Ираклий Цицишвили. 1919 год рождения. Герой Советского Союза. Сражался в Великой Отечественной войне. После войны преподавал историю и теорию архитектуры в Тбилисском политехническом институте. Доктор искусствоведческих наук». Я полагаю, ты к этому времени уже защитишь докторскую?

Миминошвили перебил:

— Да, как у тебя, кстати, с докторской? Тему окончательно выбрал?

Ираклий ответил:

— Да, разумеется: «Художественные приемы грузинского зодчества». Уже пишу.

И неожиданно серьезно, не стараясь поддержать тон Ивана, сказал:

— Мы начертим на камне: «Мир принадлежит человеку. Человек рождается для мира. Ибо мир — это свобода и творчество».

ДРУЗЬЯ

Заметки о спортивной жизни Чехословакии

Н. ТАРАСОВ

Массовые выступления спортсменов на слете в Праге. Вольные движения мужчин.

Дом спортсменов — одно из интереснейших зданий гостеприимной Праги. В этом доме находится штаб спортивного союза «Сокол» — единой общегосударственной физкультурной организации. Здесь наряду с большим гимнастическим залом, бассейном для плавания находятся музей и художественная картинная галерея. В доме спортсменов как нельзя лучше отражены прогрессивные идеи и традиции союза «Сокол». Все здесь призывает к формированию гармонично развитой, свободной человеческой личности, к всестороннему физическому и духовному воспитанию народа.

Отсюда лучше всего начинать знакомство со спортивной жизнью народно-демократической Чехословакии.

Союз соколов — одна из старейших спортивных организаций мира — возник еще в 60-х годах прошлого столетия и с первых дней существования направил все усилия своих членов на борьбу за свободу народа.

Тотчас после победы демократических сил, руководимых коммунистической партией, комитеты действия возрожденного Национального фронта объединили чехословацкие физкультурные организации в одну сокольскую общину. Тем самым был положен конец существованию разрозненных спортивных клубов, находившихся под влиянием различных реакционных политических партий. Чехословацкое физкультурное движение вышло на широкую дорогу подлинно демократического роста и совершенствования.

Выдающимся не только спортивным, но и политическим событием был созванный летом 1948 года XI всесокольский слет. Это была демонстрация верности трудящихся Чехословакии своему народному правительству, преданности народно-демократическому строю. Слет прошел под знаком любви и дружбы к Советскому Союзу, к странам народной демократии. Более 600 тысяч чехов и словаков активно участвовало в празднике. Почти каждая семья послала на слет своего представителя.

Гигантский стадион на Стагове стал демонстрационной ареной спортивных достижений соколов. Казалось, вся Прага пришла на слет. На трибунах стадиона разместилось более 200 тысяч зрителей.

В основе сокольской системы физического воспитания — гимнастика. Этот вид спорта пользуется в Чехословакии исключительной популярностью. Вот почему те, кому посчастливилось быть на сокольском слете, никогда не забудут величественной красоты массовых гимнастических упражнений.

Четырнадцать тысяч гимнастов в одинаковых спортивных костюмах, подчиняясь единому ритму, выполняют вольные движения. Строгая последовательность, быстрота и четкость перестроений создавали картину, полную необыкновенного изящества и впечатляющей силы.

С тех пор прошло почти два года. Для сокольской общины это были годы большого творческого роста, годы упорной борьбы за дальнейшую демократизацию спорта, за массовость физкультурного движения, за повышение мастерства чехословацких спортсменов. Не случайно команда Чехословакии, участвовавшая в олимпийских играх 1948 года, привезла из Лондона 6 золотых, 3 серебряных и 3 бронзовых медали.

По призыву Центрального совета профсоюзов свыше 100 тысяч рабочих вступили в «Сокол», создав организации более чем на 150 предприятиях. Президент Чехословакии подписал одобренный парламентом закон о государственном попечении над физическим воспитанием и спортом.

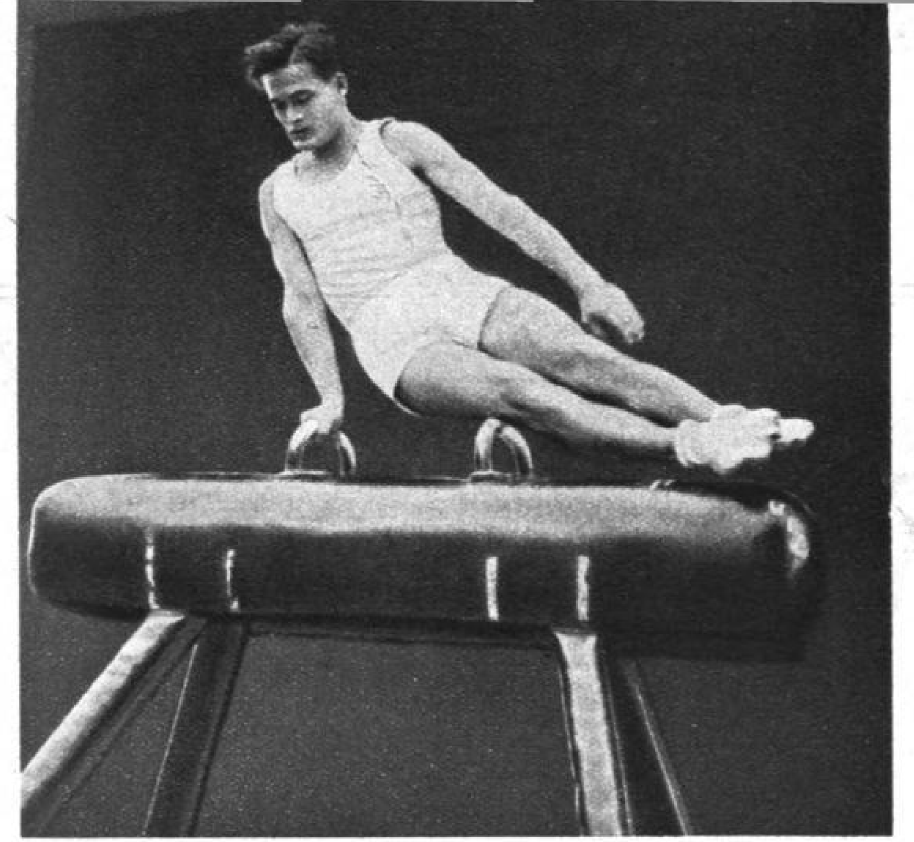
В первом параграфе нового закона было сказано:

«В стране народной демократии задача физического воспитания заключается в сохранении и улучшении здоровья народа, повышении его трудоспособности, а также в воспитании решимости и мужества, необходимых при обороне отечества и его народно-демократического государственного устройства. Поэтому государство заботится о развитии физического воспитания и спорта».

Теперь в рядах единого спортивного союза «Сокол» насчитывается около полутора миллионов активных членов. Спортсмены «Соко-

Выступление юных спортсменок на XI всесокольском слете в 1948 году в Праге.

Чехословацкий спортсмен Ружичка упражняется на гимнастическом коне.

Матесова Мария — рекордсменка Чехословацкой республики.

ла» объединены в 5 тысячах товарищества и имеют все условия для успешных занятий различными видами спорта.

Легкая атлетика в довоенной капиталистической Чехословакии была одним из наименее популярных видов спорта. Ныне легкоатлетическим состязаниям посвящают свой досуг широкие массы трудящихся. 45 тысяч легкоатлетов участвовало в разнообразных соревнованиях минувшего года.

Нет ничего удивительного в том, что за сравнительно короткий отрезок времени резко возросли спортивные достижения большинства чехословацких атлетов, а сборная команда страны снискала себе славу одной из сильнейших в Европе. В активе легкоатлетов Чехословакии — победы над спортсменами Бельгии, Голландии, Италии, Швейцарии, Румынии, Болгарии.

Москвичи знают чехословацких легкоатлетов по их прошлогоднему выступлению в матче со сборной командой Советского Союза на стадионе «Динамо». Как известно, советские спортсмены одержали тогда победу. Но это был матч дружбы, и в этом состязании друзей 4 национальных рекорда установили атлеты народно-демократической Чехословакии.

Наиболее выдающимся спортсменом страны по праву признан рекордсмен мира, олимпийский чемпион Эмиль Затопек. 28-летний капитан чехословацкой армии Затопек — обладатель лучшего в мире результата в беге на 10 тысяч метров — 29 минут 21,2 секунды. За один год ему удалось сбросить с мирового рекорда около 15 секунд. В очень хорошее время пробегает он и половину своей коронной дистанции — 5 тысяч метров.

Бег Эмиля Затопека — необыкновенное зрелище. По меткому выражению одного тренера, олимпийский чемпион бежит так, как ему удобно. Однако за этой внешней легкостью кроются годы упорного труда.

Затопек пользуется известностью и как общественный деятель. Он являет собой пример спортсмена нового типа. Высоко его спортивное мастерство, широк круг его общественных интересов. Затопек был делегатом своего народа на прошлогоднем Всемирном конгрессе сторонников мира.

Широкой известностью пользуются такие чехословацкие спортсмены, как Вацлав Чевона — бегун на средние дистанции, Лумир Кизеветтер — атлет, метающий копье за 70 метров, прыгун Ярослав Фикейц и др. Среди женщин выделяются 22-летняя работница из города Брно Ольга Шицнерова, превосходно бегающая на 100 и 200 метров, метательница Дана Затопкова, рекордсменка в беге на 800 метров Мария Матесова и другие.

В первомайские дни по шоссе Прага — Варшава ежегодно проводится большая велосипедная гонка с участием спортсменов многих стран. В этих соревнованиях борются за победу и велосипедисты Чехословакии.

Спортивные результаты чехословацких велогонщиков довольно высоки. Велосипедный спорт имеет здесь много поклонников. Одни из них отдают дань состязаниям по шоссе, другие — соревнованиям на треке. Есть, однако, еще один вид велосипедного спорта, пользующийся известностью в стране. Это футбол на велосипеде.

О характере игры в футбол на велосипеде можно рассказать в нескольких словах. Площадка размером 16 на 12 метров. По краям небольшие ворота. Две команды, в каждой по два человека, на специальных велосипедах с маленькой передачей стараются загнать в ворота противника пробковый, обтянутый брезентом мяч. Голы разрешается забивать только колесами велосипеда. Матч продолжается четверть часа с перерывом лишь для перемены ворот после семи с половиной минут игры.

...В Доме спортсменов — центре организационной и методической работы «Сокола», а стало быть, и центре спортивной жизни страны — вас обязательно встретит староста сокольской общины 76-летний Иосиф Тругларж. В «Соколе» он с 1919 года и всегда возглавлял прогрессивно настроенные круги спортсменов союза. Труглaржу — хранителю лучших сокольских традиций — первому в стране присвоено звание заслуженного деятеля физической культуры и спорта.

Ныне для сокольской общины образцом служит советская система физического воспитания. По примеру Советского Союза, где основой основ физического воспитания является сдача норм на значок «ГТО», в Чехословакии введен такой же комплекс физических упражнений, выполнение которых дает право на получение спортивного значка «ТОЗ».

Значок «ТОЗ» в первый же год после выпуска получили 21 тысяча человек. В нынешнем году перед сокольскими организациями и чехословацким союзом молодежи стоит задача подготовить четверть миллиона значкистов.

Дом спортсменов — штаб сокольской общины — играет огромную роль в деле воспитания молодых строителей социализма, готовых к труду и обороне родины, готовых к защите мира во всем мире.

— В Доме спортсменов — друзья! — говорит молодежь Чехословакии. И с каждым днем все шире, все крепче становятся ряды «Сокола».

Развитие физической культуры и спорта в Чехословакии тесно связано с выполнением пятилетнего плана реконструкции и развития народного хозяйства республики.

По пятилетнему плану, на нужды спортивных организаций ассигновано около миллиарда крон. За годы пятилетки будет построен институт физической культуры, сооружено около тысячи спортивных залов, более 2500 площадок и стадионов, десятки бассейнов для плавания и т. д.

Законом о единой системе физического воспитания утверждена классификация спортсменов по разрядам, стимулирующая рост мастерства, создан центральный орган государственного контроля за развитием физической культуры и спорта.

Спорт сегодняшней Чехословакии находится на верном пути. Забота народно-демократического правительства о физическом воспитании трудящихся открывает перед чехословацкими спортсменами безграничные возможности для роста и совершенствования. Спортсмены Чехословакии отвечают на эту заботу активным участием в общественной жизни страны, новыми успехами в труде и в спорте. Вместе со всеми гражданами Чехословакии они борются за построение социализма, за мир во всем мире.

Ян Веселый — победитель велогонки на треке Прага — Варшава в 1949 году, многократный победитель велосипедных соревнований Прага — Карловы Вары — Прага

Эмиль Затопек — олимпийский чемпион и мировой рекордсмен в беге на 10 тысяч метров, чемпион и рекордсмен Чехословакии в беге на 5 и 3 тысячи метров, член АТК (спортивный клуб чехословацкой армии).

ЗАМЕТКИ О МИРЕ ПЕРНАТЫХ

Над крышами, над деревьями в погоне за насекомыми стремительно проносится ласточка. Ее зигзаги молниеносны, повороты виртуозны. Для полета нужно обладать сильными мускулами и очень крепким скелетом. В действительности это так и есть: скелет птицы имеет пятнадцатикратный запас прочности.

Чтобы увидеть еще издали крохотную мошку, необходимо иметь очень острое зрение. У птиц оно развито в высшей степени. Установлено, например, что сокол-сапсан видит небольшую горлицу на расстоянии километра. Глаза у пернатых и устроены по-особенному: три века — нижнее, верхнее и прозрачная мигательная перепонка, назначение которой — защита и очищение поверхности глаза.

Глаза у птиц несоразмерно велики! Так, у сарыча глаз по объему равен глазу человека, но сарыч весит меньше килограмма, а взрослый человек — 60—70 килограммов.

Хорошо развит у пернатых слух: ласточка по звуку полета отличает пчел-трутней от пчел-работниц и ловит только трутней. Сова на лету слышит слабый шорох мыши в траве и бросается на этот шорох.

Пернатые очень жизнедеятельны, и все жизненные процессы проходят у них необыкновенно энергично. Человеческое сердце делает 70—80 ударов в минуту, а сердце домового воробья — свыше восьмисот. Число дыханий у человека — 16 в минуту, у птиц из отряда мелких воробьиных оно доходит до 100. Опасная для жизни человека температура тела — 41—42 градуса — является нормальной для птиц. У дроздов она достигает даже 45,5 градуса.

Пернатые много едят и быстро переваривают пищу. Этим, быть может, объясняется их невосприимчивость к ядам. Без всякого вреда многие из них глотают ядовитые ягоды и семена. Сильные сердечные лечебные средства, введенные в организм мелких воробьиных, не вызывают у них даже изменения пульса, гриф выдерживает значительные доли стрихнина, а сипуха — цианистого калия.

Будучи очень подвижными, пернатые и развиваются быстро: жаворонок вылетает из гнезда на девятый день после выхода из яйца, соловей — на одиннадцатый.

Многие птицы образуют пары на всю жизнь. Это лебеди, крупные хищники, совы, цапли, аисты. Большинство птиц крепко привязано к своей родине, а некоторые даже к своему старому гнезду и много лет подряд пользуются одним и тем же, лишь подправляя его и ремонтируя.

Птицы некоторых видов очень внимательно относятся к своему раненому или больному товарищу. Так, журавлиная стая не покидает подбитого журавля до тех пор, пока не убедится, что все попытки заставить его полететь вместе со всеми остаются тщетными.

Большую пользу приносят птицы в борьбе с вредителями сельского и лесного хозяйства и разносчиками инфекционных заболеваний. Мухоловка за 2 месяца уничтожает не менее 50 тысяч мух, стаи розовых скворцов поедают тонны саранчи. Можно считать, что птицы, истребляя насекомых, уменьшают примерно на одну треть тот ущерб, который могли бы нанести вредители сельскому хозяйству.

Б. М.

Чехословацкая САТИРА

Что снится одному президенту...

Долларовая идиллия и реальная действительность.

Чем ниже цены в Советском Союзе, тем выше подпрыгивают от злости некоторые господа...

Срочный ремонт огородного пугала...

Американская реакционная пресса призывает к «стабилизации позиций США на Дальнем Востоке»...

«Стабилизация» по-американски...

Фашистская клика Тито распродает национальные богатства Югославии американским монополиям.

Югославский погонщик и его хозяин.

Французские власти запретили распространение во Франции советского журнала «Новое время», борющегося за мир. Зато разрешено печатание в газете «Фигаро» мемуаров гитлеровского военного преступника Скорцени.

Свой своему поневоле брат...

(Из «Свет Праце» и «Творба»)

Рыболовный сезон начался!.. Фото Б. Дмитриева

Счастливый вальдшнеп

Однажды весной, отъехав от столицы километров пятьдесят, я сошел на маленькой станции, где встретился с двумя охотниками. Один из них был высокий, худой, другой — коренастый, плотный.

— Вы куда намереваетесь? — обратился ко мне полный. — Если желаете, идемте с нами. Веселее.

— Далеко?

— Пустяки! А места-то! Места! И тянет как!..

До захода солнца, а следовательно, и до тяги, оставалось не менее трех часов.

Впереди шел толстяк, за ним — высокий. Я замыкал шествие. Под тяжелыми сапогами звонко чмокала раскисшая земля. К стоянке мы подошли, когда солнце уже уходило на покой.

Места действительно были превосходные.

Зарядили ружья. Разошлись.

Однако, несмотря на прекрасный вечер, не слышно было ни хорканья, ни цвиканья. Будто здесь не обитал ни один вальдшнеп.

На небе уже весело замигали звезды, а над верхушками деревьев повис тоненький серебряный серпок месяца.

И вдруг прогрохотал выстрел. Эхо долго переливалось в лесу.

«Счастливец!» — позавидовал я.

Когда мы сошлись на поляне, было уже совсем темно.

— Ну, вынимайте свой трофей, показывайте, — обратился маленький.

Высокий не заставил долго ждать. Из-под пиджака он осторожно вынул вальдшнепа и протянул его товарищу. Тот внимательно ощупал птицу, взвесил на руке и подал мне.

Я с удовольствием взял ее. Птица с необыкновенно длинным носом была теплая и мягкая.

Я полюбовался и вернул ее счастливцу.

— А говорите, что плохо стреляю! — задорно проговорил высокий и, положив птицу на ладонь, приподнял руку.

И тут произошло то, чего мы никак не могли ожидать. Вальдшнеп подпрыгнул и уверенно замахал крыльями.

По спирали он поднимался все выше и выше. Мы, как застывшие, стояли неподвижно и любовались плавным полетом вальдшнепа до тех пор, пока он не скрылся за косматой елкой.

— Улетел! — наконец еле слышно прошептал высокий и как-то странно, по-мальчишески, захихикал.

— Что же вы не стреляли?! — набросился на него приятель.

— Хих-хи... А вы чего не стреляли?

— Птица-то не моя, а ваша!..

— Моя-а... — насмешливо протянул высокий. — Какая же она моя?! Она такая же моя, как и ваша... А здорово он взмыл! Совершенно неожиданно. Ну, раз так случилось, пускай летает себе на здоровье.

— Вот хитрец! Притворился! Один троих провел! — не унимался приятель.— Нечего сказать, хороши охотники!.. Смотрите, не проговоритесь кому-нибудь. Засмеют!

Последние слова он произнес с большой осторожностью, еле слышно, как будто боясь, что в лесу могут оказаться посторонние свидетели этой необычной сцены.

Мы с высоким не выдержали и захохотали на весь лес.

Обратный путь нам показался таким коротким, что мы и не заметили, как перед нашими глазами выросли станционные здания. Мы строили всевозможные предположения и догадки. Между приятелями даже разгорелся ожесточенный спор. Высокий высказывал мысль (я разделял ее), что вальдшнеп не был ранен, а только получил контузию; его приятель придерживался другого мнения: он считал, что птица была слегка ранена и «притворилась».

И, как ни странно, никто из нас уже не говорил о том, что в него надо было стрелять. Теперь нас беспокоило только одно: как бы не погибла эта птица.

С. МИНАЕВ

Обо всём

ТРИУМФ РУССКОГО УЧЕНОГО

В 1875 году французский химик Л. де Буабодран случайно открыл неизвестный элемент. Назвав его галлием (Галлия — древнее название Франции) и определив важнейшие свойства, Буабодран опубликовал в «Докладах» Парижской академии наук сообщение о своем открытии.

Это событие прошло бы как рядовое явление в науке (открыт еще один элемент — шестьдесят пятый по счету — и все), если бы не письмо, полученное вскоре ученым от профессора Санкт-Петербургского университета Дмитрия Менделеева.

Автор письма утверждал, что Буабодран допустил неточности в описании свойств галлия. В частности, удельный вес нового металла должен быть не 4,7, как утверждал Буабодран, а от 5,9 до 6,0.

Французский ученый был удивлен: кто же лучше знает галлий? Он или русский профессор, не видевший даже этот элемент?

Однако тщательная повторная проверка показала, что прав был Менделеев. Удельный вес галлия оказался действительно 5,96.

Случай этот привлек внимание ученых всего мира. Все поняли, что произошло нечто из ряда вон выходящее: впервые в истории науки открытие нового элемента было предсказано.

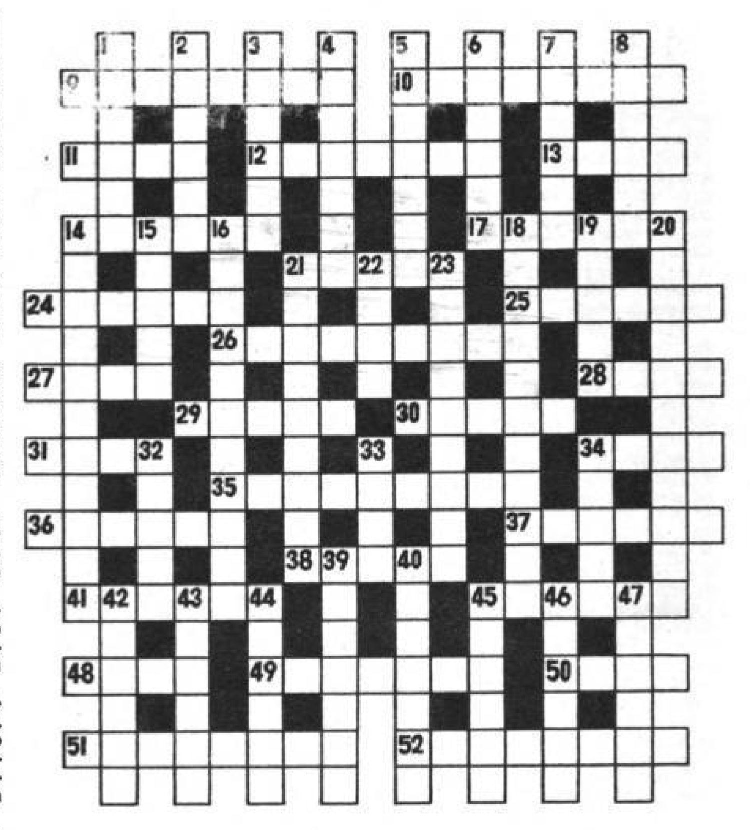
В результате этого события ученый мир Европы вспомнил о статье Менделеева, напечатанной в немецком химическом журнале в 1872 году. В ней говорилось о гениальном открытии русским ученым нового закона природы. Выяснилось также, что этот закон, названный Менделеевым «Периодическая система элементов», был опубликован в русских журналах еще в 1869 году.

ЗАПАСЫ КИСЛОРОДА В ПРИРОДЕ

Атмосферный воздух состоит на одну пятую из кислорода. Насколько велико количество кислорода в воздухе, можно судить по следующему расчету. Если весь кислород земной атмосферы превратить в жидкость (учтя, что это возможно при температуре минус 192 градуса и что плотность жидкого воздуха в 800 раз больше газообразного при обычной температуре), то вся поверхность земного шара может быть покрыта слоем жидкого кислорода толщиной свыше двух метров.

Кроме того известно также, что запасы кислорода в воздухе непрерывно пополняются растительным миром и что огромное количество кислорода есть в воде. На тонну воды приходится 890 килограммов кислорода. А объем воды мирового океана составляет приблизительно два миллиарда кубических километров.

КРОССВОРД

По горизонтали:

9. Заготовленные в прок продукты. 10. Сходство. 11. Небольшая рыбка. 12. Жировое вещество. 13. Усик на злаке. 14. Произведение Л. Толстого. 17. Соединение отдельных частей. 21. Остров в Эгейском море. 24. Часть электрического осветительного прибора. 25. Величина. 26. Творчество. 27. Молодой моряк. 28. Сладкое кушанье. 29. Растительный мир. 30. Сорт кожи. 31. Морской рак. 34. Часть суток. 35. Член одной из политических партий. 36. Камыш. 37. Характер человека. 38. Небольшой плод. 41. Советский художник-карикатурист. 45. Автор стихотворения-песни «Кузнецы». 48. Сложная большая машина. 49. Явление. 50. Род вяза. 51. Молодежная организация. 52. Помещение для публичных лекций.

По вертикали:

1. Деятельность, направленная к достижению цели. 2. Внешность. 3. Куски дерева. 4. Советский ученый. 5. Часть шлема. 6. Столица союзной республики. 7. Топкое место. 8. Северная птица. 14. Ораторское искусство. 15. Музыкальный инструмент. 16. Дипломатическое представительство. 18. Морская птица. 19. Ум. 20. Город в РСФСР. 21. Медицинский термин. 22. Чехословацкий писатель. 23. Составление метеорологических данных. 32. Род обуви. 33. Герой гражданской войны. 34. Лесная птица. 39. Род доски. 40. Человек, проявивший себя в определенной области. 42. Спортивная игра. 43. Оптическое стекло. 44. Цифра. 45. Название меха. 46. Созвучие 47. Лес.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

1. Сукно. 4. Полесье. 6. Суворов. 9. Первоисточник. 11. Перекоп. 13. Каренин. 14. Каре. 15. Накладная. 16. Ейск. 18. Поддубный. 19. Крыжовник. 21. Риск. 23. Какавелла. 25. Тёрн. 27. Кулибин. 28. Реторта. 29. Рентгенология. 32. Обертон. 33. Синоним. 34. Гряда.

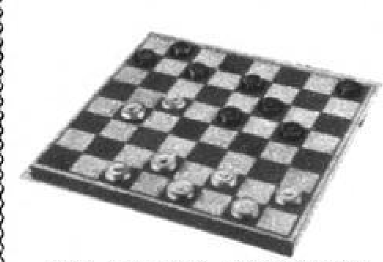
По вертикали:

1. Село. 2. Краснодар. 3. Осло. 4. Покупка. 5. Сорокин. 7. Венгрия. 8. Вильнюс. 9. Перпендикуляр. 10. Консерватория. 12. Покрышкин. 13. Контролер. 14. Копер. 17. Кокон. 20. Квитанция. 22. Инкассо. 23. Кабинет. 24. Антиген. 26. Реализм. 30. Гонг. 31. Леса.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

ЛОВУШКА

Эта позиция встретилась в партии Левинсон — Швидкий из полуфинала XII чемпионата СССР (Харьков, 1949 год). Белые сыграли здесь 1. h2—g3!, препятствуя размену — 1. ... e7—d6; 2. c5 : e7 f6 : d8; 3. g3—f4, и выигрывают. Черные могут, казалось бы, выиграть шашку, продолжая 1... c7 — b6, и если 2. d2—e3 b6:d4; 3. e3—c5, то 3. ... g5—f4; 4. g3—h4 (или g1—h2) f4—e3 и т. д. Однако на такое продолжение и возлагали свои надежды белые, так как после 1... c7 — b6 следует выигрывающая комбинация.

Предлагаем читателям найти выигрывающие ходы за белых после 1. h2—g3 c7—b6.

В свободные минуты

МОРЕ БЕЗ БЕРЕГОВ

Все моря имеют определенные очертания, берега. Они ограничены от остального мирового океана сушей и сообщаются с ним проливами. Каспийское и Аральское моря и вовсе замкнуты сушей.

Однако есть одно море, где совсем нет суши, даже по «берегам» его. Границы, очерчивающие это море, непостоянны — они подвержены изменениям и колебаниям. Море безбрежное, но не безграничное, не бескрайнее.

Найдите это необычное море на географической карте. Как оно называется? Почему ему присвоено это название?

РАЗНЫЕ ТЕМПЕРАТУРЫ

Для того, чтобы узнать температуру воздуха, термометр всегда вывешивают в тени. Но мы выставили рядом два исправных, проверенных термометра со шкалой Цельсия на солнцепеке.

Один из термометров показал температуру значительно более высокую, чем другой. Сколько раз мы ни повторяли опыт, результат был тот же.

Отчего это могло произойти?

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

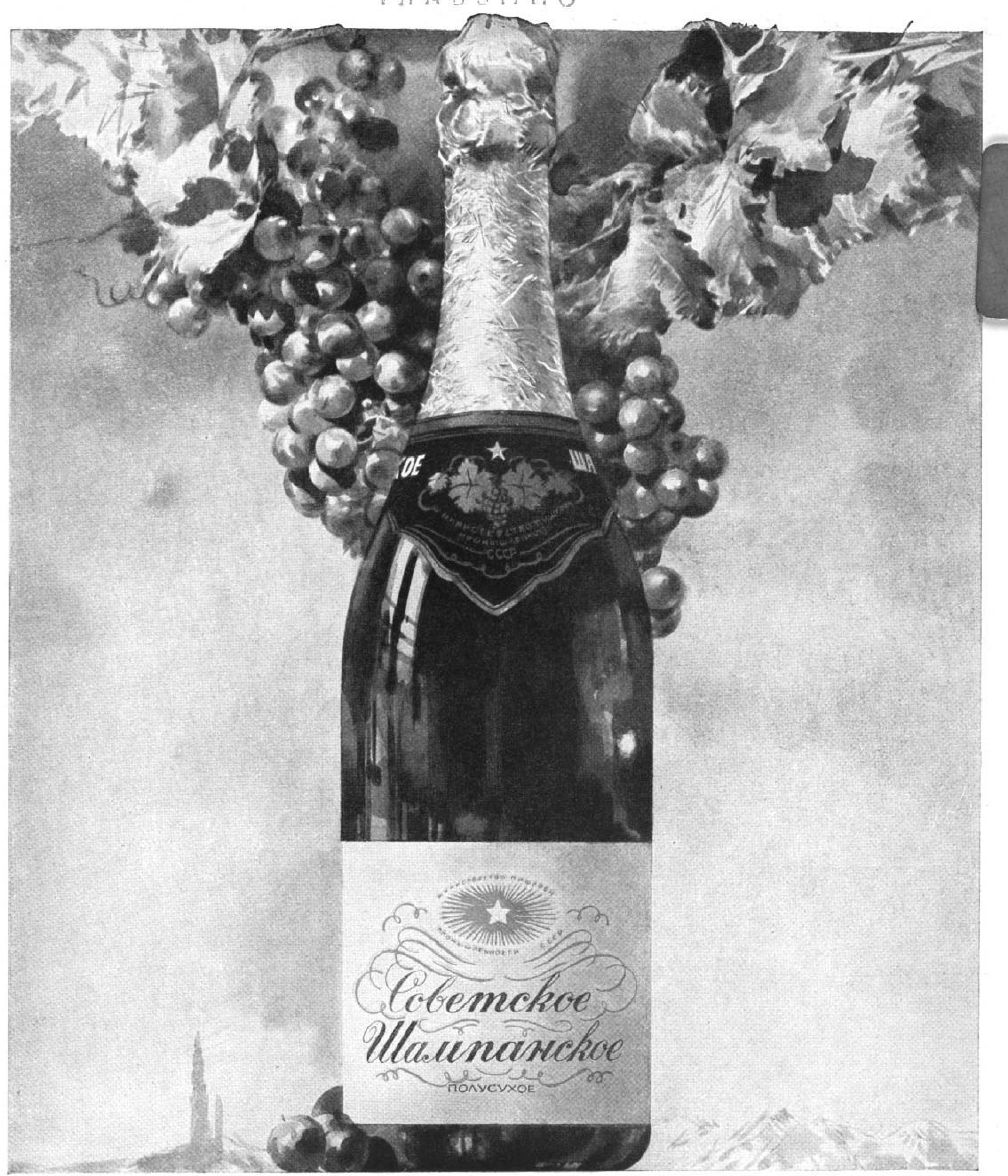
Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова

А — 00895. Подписано к печати 16/V — 50 г. Изд. № 353. 5½ печ. л. Тираж 381 000 Заказ 1265. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Министерство пищевой промышленности СССР
ГЛАВВИНО

ПОКУПАЙТЕ

Советское Шампанское

ЛУЧШЕЕ ВИНОГРАДНОЕ ВИНО

Цена 3 руб.